



Р. Ю. Почекаев

Золотая Орда и русские земли: юридические аспекты отношений

(очерки по истории и антропологии права)

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РФ
АЛТАЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Р.Ю. Почекаев

**ЗОЛОТАЯ ОРДА И РУССКИЕ ЗЕМЛИ:
ЮРИДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ОТНОШЕНИЙ
(ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ И АНТРОПОЛОГИИ ПРАВА)**

Монография



Барнаул

Издательство
Алтайского государственного
университета
2022

УДК 34:94(47).031

ББК 67.041+63.3(2)42-99

П 653

Автор:

Почекаев Роман Юлианович,

доктор исторических наук, кандидат юридических наук,
профессор, заведующий кафедрой теории и истории государства и права
Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»
в Санкт-Петербурге, главный научный сотрудник Научно-образовательного центра
«Большой Алтай» Алтайского государственного университета

Рецензент:

Васильев Антон Александрович,

доктор юридических наук, профессор, директор юридического института
Алтайского государственного университета

П 653 Почекаев, Роман Юлианович.

Золотая Орда и русские земли: юридические аспекты отношений (очерки по истории и антропологии права) : монография / Р.Ю. Почекаев ; Министерство науки и высшего образования РФ, Алтайский государственный университет. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2022. – 288 с.

ISBN 978-5-7904-2671-1.

В книге исследуются проблемы правовых отношений Золотой Орды (Улуса Джучи) с русскими землями, включая выстраивание системы власти и управления (в отношениях с князьями и православной церковью), действия ордынских источников права на Руси, суда ордынских ханов над русскими вассалами. Отдельное внимание уделяется вопросам влияния ордынского правового наследия на последующее развитие российской государственности и права, а также проблемам и перспективам дальнейшего изучения отношений Руси и орды в политическом и правовом аспектах.

Книга может представлять интерес для историков средневековой Руси, востоковедов, историков государства и права, студентов исторических и юридических факультетов.

УДК 34:94(47).031

ББК 67.041+63.3(2)42-99

ISBN 978-5-7904-2671-1

© Почекаев Р.Ю., 2022

© Оформление. Издательство
Алтайского государственного
университета, 2022

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	5
Глава I. Власть	16
§ 1. Историко-правовое измерение отношений Золотой Орды, русских князей и православной церкви (современное состояние)	16
§ 2. Особенности действия золотоордынских властных институтов на Руси	25
§ 3. Почему Сергей Радонежский призывал великого князя Дмитрия Ивановича на борьбу с Ордой?	43
§ 4. «Ордынская альтернатива»: отражение вариантов развития отношений с Золотой Ордой в духовных и договорных грамотах русских князей XIV-XV вв.	52
§ 5. «Татарская» политика Московского царства глазами русских писателей-эмигрантов XVI–XVII вв.	70
Глава II. Право	86
§ 1. Ярлыки золотоордынских ханов русским князьям: новая попытка реконструкции формуляра	86
§ 2. Изучение собрания ханских ярлыков русской церкви: направления, проблемы, перспективы	101
§ 3. Правовые гарантии в ханских ярлыках русской церкви	115
§ 4. Ордынские «мотивы» в жалованных грамотах русских князей монастырям (на примере грамот удельных князей Троицкому монастырю XV в.)	129
§ 5. Золотоордынское влияние на правовое развитие Московского государства XV–XVII вв.	146

Глава III. Суд	159
§ 1. Судебный процесс в Золотой Орде и значение древнерусских источников для его изучения	159
§ 2. Жития русских князей как источник сведений о золотоордынском суде в XIII–XIV вв.	169
§ 3. Споры за удельные княжества в ордынском суде XIII–XIV вв.	201
§ 4. Споры о великом княжении в ханском суде XIV–XV вв.	220
§ 5. Потомки золотоордынских ханов перед русским судом	245
Заключение	253
Источники и литература	256

ВВЕДЕНИЕ

Тема русско-ордынских отношений, без сомнения, относится к «вечным» в отечественной историографии. Среди колоссального числа научных, научно-популярных и чисто популярных работ немалое количество посвящено вопросам, связанным с правовыми аспектами этих отношений. И это неудивительно: исследователи на протяжении нескольких веков стараются разобраться с тем, каков же был формат отношений русских земель с Улусом Джучи, какова была юридическая природа ханских ярлыков русским князьям и церкви, до какой степени нормы золотоордынского права имели распространение и действие на Руси.

Еще исследователи русско-ордынских отношений XVIII – начала XIX в. (В. Н. Татищев, Н. М. Карамзин, П. А. Наумов и др.) в той или иной степени затрагивали такие вопросы. А уже в середине XIX в. один из первых российских историков права И. Д. Беляев предпринял попытку юридического анализа ордынских правовых актов – ханских ярлыков русской церкви на предмет выявления в них состава джучидских чиновников, действовавших на Руси¹.

Можно выделить несколько основных направлений, в рамках которых исследователи изучают юридические аспекты русско-ордынских отношений.

1. Статус русских земель по отношению к Улусу Джучи. Именно этот аспект, пожалуй, в наибольшей степени привлекает исследователей. Он достаточно подробно рассматривается в общих трудах по истории отношений русских земель с Золотой Ордой (например, в работах А. Н. Насонова, Б. Д. Грекова и А. Ю. Якубовского, Г. В. Вернадского, А. А. Горского, Ю. В. Кривошеева, Ю. В. Селезнева и др.). Вместе с тем, в последнее время появляются и специализированные труды, в которых авторы предпринимая попытки на основе ранее проведенных исследований и вновь обнаруженных источников разобраться

¹ Беляев И. Д. О монгольских чиновниках на Руси, упоминаемых в ханских ярлыках // Архив историко-юридических сведений, относящихся до России / Изд. Н. Калачов. Кн. I. М., 1850. С. 97–110.

в том, являлись ли русские земли неотъемлемой частью Улуса Джучи или же его вассалами¹. В результате возросшего интереса к данной тематике сравнительно недавно появилась целая серия публикаций, специально посвященных данной проблематике². И хотя некоторые выводы авторов не бесспорны, их заслуга состоит в том, что они демонстрируют отказ от ранее устоявшихся концепций отношений Руси и Орды (не всегда четко проработанных), а также преимущества междисциплинарного подхода при характеристике русско-ордынских отношений.

2. *Формат взаимоотношений ханов Золотой Орды с русской православной церковью.* Это направление – также одно из наиболее тщательно проработанных в отечественной историографии: оно нашло отражение как в трудах многочисленных церковных историков, так и специалистов по политической истории, а также истории государства и права. Именно в рамках данного направления наиболее широко используются единственные сохранившиеся до нашего времени правовые памятники по истории русско-ордынских отношений – ярлыки

¹ Считаю необходимым сразу оговорить, что термины «сюзерен» и «вассал» применительно к русско-ордынским отношениям применяются достаточно условно, поскольку вряд ли средневековая западноевропейская концепция сюзеренитета-вассалитета может точно отражать взаимоотношения ханов-Джучидов с русскими князьями-Рюриковичами. Однако по состоянию на сегодня более подходящий термин исследователями не предложен.

² См., напр.: *Горский А. А.* Установление взаимоотношений Монгольской империи и Руси: казус Ярослава Всеволодовича // Исторический вестник. Т. 25. 2018. С. 30–39; *Он же.* Первые вызовы русских князей к монгольским правителям: 1242–1243 годы // Золотоордынское обозрение. Т. 10. 2022. № 2. С. 303–313; *Назинов И. И.* Внешний суверенитет над землями Северо-Восточной Руси XIII–XV вв. как признак ордынско-русского государственного единства / Перспективы науки. 2015. № 2 (65). С. 65–69; *Он же.* Русские земли по отношению к Улусу Джучи (Орде): это государство-вассал или часть Ордынского государства // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2012. № 2 (16). С. 41–51; *Селезнев Ю. В.* Возникновение суверенитета монгольского кагана и ордынского хана на территории Руси // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2018. № 1. С. 18–24; *Трепавлов В. В.* «Русский улус» Золотой Орды // Российская история. 2021. № 1. С. 3–15.

ханов Золотой Орды, выданные русской православной церкви в лице ее митрополитов в XIII–XIV вв. Как и в рамках первого направления, в последнее время стали появляться интересные труды об отношениях Улуса Джучи и русской православной церкви, авторы которых наглядно демонстрируют сложность и неоднозначность их взаимоотношений, противоречивое участие в них представителей светских властей русских земель – князей-Рюриковичей, эволюцию развития этих отношений на разных этапах истории и Золотой Орды, и русских княжеств¹.

3. *Ханские ярлыки как источник по истории русско-ордынских отношений.* Это направление в значительной степени примыкает к предыдущему, поскольку в большинстве случаев исследователи сосредотачиваются на изучении упомянутых ярлыков русской церкви. При этом исследователи не только реконструируют тенденции развития золотоордынской политики в отношении русского православного духовенства, но и проводят детальный анализ формы и содержания самих документов, предпринимают попытки выяснить механизмы действия ордынского права на Руси, статус представителей ханской власти в русских землях и т. д. Неслучайно еще в начале 1840-х гг. появилось одно из первых фундаментальных исследований коллекции золотоордынских ярлыков

¹ См., напр.: *Гайденко П. И.* Насилие татар над митрополитом Максимом и разграбление Киева в 1299 г.: причины, обстоятельства и последствия событий, которых «не было» // Золотоордынское обозрение. Т. 9. 2021. № 1. С. 76–89; *Галимов Т. Р.* Киевские митрополиты между Русью и Ордой (вторая половина XIII в.). Казань, 2019; *Соколов Р. А.* Русская церковь во второй половине XIII – первой половине XIV в. СПб., 2010; *Сочнев Ю. В.* К вопросу об изменении правовых основ деятельности православной церкви в монгольский период // Актуальные вопросы истории. Материалы межвузовской научной конференции. 25 апреля 2012 года. Нижний Новгород, 2012. С. 195–198; *Он же.* К оценке достоверности сведений предисловия к ярлыку хана Узбека о конфессиональной политике ордынских властителей // Золотоордынская цивилизация. № 6. 2013. С. 49–60; *Он же.* Православная Церковь в системе взаимоотношений Руси и Золотой Орды // История в подробностях. 2013. № 8. С. 72–79; *Он же.* Православная церковь и духовенство в восточной политике русских князей XIII–XIV вв. // История в подробностях. 2015. № 9 (63). С. 16–25.

русской церкви – причем автором ее был не историк церкви и не историк-русист, а востоковед В. В. Григорьев¹. И в дальнейшем исследованием и анализом этих документов занимались и специалисты по истории Руси (М. Д. Приселков, А. А. Зимин, Ю. В. Сочнев, С. А. Маслова), и востоковеды (И. Н. Березин, Г. С. Саблуков, Н. И. Веселовский, А. П. Григорьев), и специалисты по дипломатике (Л. Ф. Абзалов), и правоведы (Э. В. Георгиевский, В. В. Еремян), и даже филологи (А. К. Боровков).

Исходя из весьма широкого круга тем, которые специалисты изучают на основе ханских ярлыков русской церкви, можно сделать вывод, что эти акты являются поистине неисчерпаемым источником по истории русско-ордынских отношений. В самом деле, на их основе исследуются такие вопросы, как религиозная политика золотоордынских ханов, состав и статус ханских чиновников на Руси, действие золотоордынского права в русских землях и т. д.

Гораздо менее исследованы другие золотоордынские документы, касающиеся русско-ордынских отношений – речь идет, прежде всего, о «ярлыке» Едигея 1409 г. и ярлыке-послании хана Ахмада («Ахмата» русских летописей), датированном между 1472 и 1480 гг. Основная проблема в исследовании этих документов и особенно в их использовании как источников по истории отношений Улуса Джучи с русскими землями заключается в том, что они сохранились только в русском переводе и, по мнению некоторых авторов, вообще не могут рассматриваться как подлинные исторические памятники, являясь либо русскими политико-сатирическими памфлетами («ярлык» Едигея), либо подделками, сфабрикованными в московской великокняжеской канцелярии². Кроме того, в отношении ярлыков Ахмада существует небезосновательное мнение, что хотя этот документ и следует считать подлинным, но его русский перевод

¹ Григорьев В. О достоверности ярлыков, данных ханами Золотой Орды русскому духовенству. М., 1842.

² Keenan E. L. The yarlik of Ahmed-xan to Iban III: A new reading. A. Study in Leteral Diplomata and Literary Turcica // International Journal of Slavic Linguistics and Poetics. Vol. XII. 1969. P. 33–47.

включил в себя содержание нескольких посланий этого хана, направлявшихся Ивану III¹. Тем не менее, интерес к этим документам, новые версии их датировок, комментарии содержания, несомненно, представляют перспективы для дальнейшего их изучения.

4. *Вопрос о дани/выходе*. Конечно, в контексте изучения формата русско-ордынских отношений и статуса русских земель по отношению к Улусу Джучи вопрос о дани («выходе» древнерусских источников) не мог не ставиться. Однако в последние десятилетия, благодаря интересу к нему исследователей, нельзя не признать, что он существенно «перерос» уровень одного из аспектов первого из указанных нами направлений исследования и превратился в отдельное направление.

Безусловно, наибольшим вниманием пользуется вопрос о размере выхода, результатом чего являются многочисленные публикации по данной проблеме, содержащие порой взаимоисключающие выводы². Однако исследователей не меньше интересуют также и другие стороны этого вопроса – например, отношение к выходу и его уплате в средневековых русских документах³, налогооб-

¹ Горский А. А. Москва и Орда. М., 2000. С. 175–177; *Он же*. Ярлык Ахмата Ивану III // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2012. № 2 (48). С. 104–113. Ср.: Григорьев А. П. Время написания «ярлыка» Ахмата // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. Вып. 10. 1987. С. 28–89.

² Горский А. А. Полтина с деревни и с двух сох рубль: к вопросу о размере дани в Орду // История народов России в исследованиях и документах. Вып. 9. К юбилею В. В. Трепавлова. Отв. ред. Дж. Я. Рахаев. М., 2022. С. 168–174; Кучкин В. А. Завоевание Руси Батыем и ордынский «выход» // Русь в XIII–XV веках. Новые открытия в области археологии и истории / Отв. ред. Л. А. Беляев, Е. Л. Конявская. М.: Индрик, 2021. С. 22–35; Набиев Р. Ф. О размерах выплат Великим княжеством московским прямого государственного налога («ордынский выход» XIV в.) // Общество и право. 2012. № 3 (40). С. 65–72.

³ Павлов П. Н. К вопросу о русской дани в Золотую Орду // Ученые записки Красноярского государственного педагогического института. Т. 13. Серия историко-филологическая. 1958. С. 74–112; Ботор Т. «А переменить Богъ Орду...». Собрание «выхода» в зеркале духовных и договорных грамот великих московских князей (XIV–XV вв.) // Colloquia Russica. Серия I. Т. 3. Русь в эпоху монгольских нашествий (1223–1480): Материалы

лагаемая база (и, соответственно, вопросы переписи населения по указанию ордынских властей)¹. Особняком стоит вопрос о том, до какого времени выход выплачивался русскими правителями Золотой Орде, и можно ли считать таковым выплаты московскими властями в XVI–XVII вв. ханам пост-ордынских государств².

III Международной научной конференции, Варшава, 15–17 ноября 2012 г. Краков, 2013. С. 189–197. См. также: *Golden P. B. Vychod: Aspects of medieval eastern slavic-altaic culturo-linguistic relations // Archivum Eurasiae Medii Aevi. Vol. VII. 1991. P. 83–101.*

¹ *Еремян В. В.* «... Почаша просить десятины и тамгы, и не яшася новгородци...»: к вопросу даннических отношений между северо-западом Русской земли и Золотой Ордой (привнесенные податно-фискальные элементы) // *История государства и права.* 2009. № 10. С. 20–24; № 11. С. 19–23; №12. С. 15–19; № 13. С. 21–23; № 14. С. 24–26; № 15. С. 29–33; *Сочнев Ю. В.* Формирование конфессиональной политики золотоордынских ханов и датировка ярлыка Менгу-Темира // *Российский исторический журнал.* 2007. № 2. С. 11–18; *Он же.* К изучению ярлыка Менгу-Тимура и оценке его влияния на русские великокняжеские акты // *Древняя Русь. Вопросы медиевистики.* 2018. № 2. С. 65–73.

² См.: *Дягилев А. С.* Уникальное сообщение Вологодско-Пермской летописи об окончании платежа дани в Большую Орду и его значение для отечественной историографии // *Наука и образование: Материалы Всероссийской научной конференции. Ч. 2.* Белово: Беловский ин-т (ф-л) Кемеровского государственного ун-та, 2003. С. 116–121; *Материалы круглого стола «Московское государство и постзолотоордынские тюрко-татарские государства: история взаимоотношений»* (16 марта 2012 г., г. Казань). Стенограмма дискуссии // *Средневековые тюрко-татарские государства.* № 4. 2012. С. 186–197; *Моисеев М. В.* Посольские дары-«поминки» в контексте взаимоотношений России с постордынскими государствами: проблемы изучения // *От Смуты к Империи. Новые открытия в области археологии и истории России XVI–XVIII вв.: Материалы научной конференции (Москва, 20-22 ноября 2013 г.)* / Отв. ред, А. В. Юрасов. М.; Вологда: Древности Севера, 2016. С. 163–171; *Почекаев Р. Ю.* Дары или дань? К вопросу о «золотоордынском наследии» в отношениях Московского государства с тюрко-татарскими ханствами // *Средневековые тюрко-татарские государства.* Вып. 4. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани, 2012. С. 200–203; *Фаизов С.* Поминки – «тыш» в контексте взаимоотношений Руси-России с Золотой Ордой и Крымским юртом (К вопросу о типологии связей) // *Отечественные архивы.* 1994. № 3. С. 49–66.

5. *Влияние золотоордынского права на развитие русских властных и правовых институтов.* Это направление является не только весьма востребованным, но и актуальным, поскольку во многом изучение истории, государства и права самого Улуса Джучи предполагает ответ на вопрос о его влиянии на дальнейшее развитие русской государственной и правовой системы. Соответственно, практически все историки, изучавшие русско-ордынские отношения, в той или иной степени затрагивали вопрос об этом влиянии – по-разному, впрочем, его оценивая¹. Однако специальные исследования по данному вопросу не столь многочисленны. Наверное, прежде всего, следует назвать сравнительно недавно опубликованное (хотя и написанное в середине XX в.) исследование С. С. Аверкиева, которое является работой, с одной стороны, специально посвященной именно вопросам ордынского влияния на развитие России, с другой – достаточно всеобъемлющей². Другие исследователи, обращаясь к данной тематике, в большей степени сосредотачивались на отдельных ее аспектах³.

Также стоит обратить внимание, что по вполне понятным причинам это направление в большей степени, нежели остальные вышеперечисленные, нашло отражение в трудах юристов – историков права, занимавшихся как проблемами

¹ Обычно в качестве примера в историографии приводят противоположные точки зрения – Н. М. Карамзина, считавшего, что это влияние было весьма значительным, и С. М. Соловьева, полагавшего, что Золотая Орда не оставила значительного следа в развитии государства и права последующей Руси.

² *Аверкиев С. С. Влияние татар на жизнь русского народа / Сост. И. В. Зайцев; отв. ред. И. М. Миргалеев. Казань, 2015.*

³ См., напр.: *Кистерев С. Н. Таможенные правила на Белоозере в конце XV – середине XVI в. // Вестник Нижневарттовского государственного гуманитарного университета. 2009. № 2. С. 48–53; Островски Д. Монгольские корни русских государственных учреждений // Американская русистика. Самара, 2001. С. 143–171; Сочнев Ю. В. Золотоордынский правовой прецедент в царской грамоте 1606 г. // Народ и власть: взаимодействие в истории и современности. Вып. 5. Нижний Новгород: НИУ ВШЭ – Нижний Новгород, 2018. С. 126–136; *Трепавлов В. В. Царские ярлыки. Наследие монгольской государственности в Московской Руси // Вклад кочевников в развитие мировой цивилизации. Сборник материалов Международной научной конференции. Алматы, 21–23 ноября 2007 г. Алматы, 2008. С. 104–113.**

истории государства и права России (М. Ф. Владимирский-Буданов, И. Я. Гурлянд, М. А. Дьяконов, Д. Я. Самоквасов, В. И. Сергеевич, С. В. Юшков и др.), так и тюркскими и монгольскими правовыми памятниками (М. М. Ковалевский, Ф. И. Леонтович, В. Я. Рязановский и др.). Далеко не всегда этот интерес результировался в специальных исследованиях по данной тематике, но даже отдельные наблюдения таких авторов в трудах по истории государства и права России в целом или истории конкретных отраслей представляются весьма ценными, поскольку демонстрируют важность и актуальность историко-правового изучения русско-ордынских отношений и ордынского влияния на Русь после распада Улуса Джучи и выхода русских правителей из вассальной зависимости ханам-Джучидам.

Круг направлений и конкретных вопросов, изучаемых специалистами в рамках правовой истории русско-ордынских отношений, как видим, довольно широк, и многие из них, несомненно, нуждаются в дальнейшем исследовании. В данной книге предпринимается попытка освещения основных юридических аспектов русско-ордынских отношений – в первую очередь, с учетом результатов новейших исследований. И поскольку, как уже бы отмечено, в последние десятилетия в освещении этой проблематики наблюдается настоящий прорыв, автор счел целесообразным опираться в значительной степени на исследования этого периода (безусловно, не игнорируя и классику отечественного ордыноведения).

Не ставя своей целью осветить полную историю русско-ордынских отношений (пусть даже и в историко-правовом аспекте), автор представляет серию очерков, посвященных актуальным проблемам этих отношений по трем основным направлениям:

- власть (административные институты, процесс принятия властных решений);
- право (источники права и реальные правоотношения);
- суд (анализ отдельных «кейсов» и реконструкция судебного процесса в целом).

Ряд очерков представляет собой ранее опубликованные статьи и доклады, переработанные и дополненные специально для данной книги, другие подготовлены специально для данного издания.

Книга не случайно имеет название «Золотая Орда и русские земли». Дело в том, что такие названия классических трудов по истории русско-ордынских отношений – «Русь и Орда», «Русь и монголы», «Монголы и Русь» и т. д., по мнению автора, изначально формируют стереотип о единой и централизованной Руси, которой противопоставляются какие-то неорганизованные кочевники-монголы, стоящие на неизмеримо более низкой стадии развития¹. Между тем, как хорошо известно специалистам, ситуация складывалась с точностью до наоборот: разрозненным русским княжествам-землям противостояло высоко-развитое и хорошо организованное государство Улус Джучи с четким аппаратом управления (состоявшего отнюдь не только из «кочевников-скотоводов») и развитой системой права. Собственно, это и попытался отразить автор в названии книги, полагая, что ничего обидного для России и русского народа в таком признании нет – напротив, гораздо обиднее было бы считать, что сильная и могущественная Русь в первой половине XIII в. понесла тяжелейшее поражение от «диких кочевников-скотоводов» и попала к ним в зависимость на два с половиной столетия!

Естественно, далеко не на всех этапах истории русско-ордынских отношений такой расклад сил сохранялся: со временем Золотая Орда вступила в кризисную фазу своего существования, подверглась децентрализации, ее властные и правовые институты пришли в упадок, в то время как русские земли, напротив, объединялись и, в конце концов, превратились в централизованное Мос-

¹ Прямым текстом об этом пишет в своей объемной работе В. В. Еремян, на протяжении всех трех ее томов беспрестанно подчеркивая отсталость «кочевников-скотоводов», неспособных не то что повлиять на более высокоразвитую Русь, но даже и заимствовать от нее какой-то положительный опыт власти, управления и регулирования правоотношений, см.: *Еремян В. В.* Ордынская Русь (от общины-государства к уделу-вотчине). М., 2015. Т. 1. С. 267, 270, 304–310; Т. 2. С. 6, 8, 45, 122, 157; Т. 3. С. 7, 27, 29 и др.

ковское государство. Именно поэтому каждая глава книги завершается параграфом, в котором анализируется уже не оказываемое Золотой Ордой влияние на ситуацию в русских землях, а наоборот – русская политика в отношении ее наследников.

Подзаголовок книги «Очерки по истории и антропологии права» подразумевает, с одной стороны, анализ конкретных правовых памятников, созданных и действовавших в определенных исторических условиях (историко-правовой подход), с другой – изучение реально складывавшихся правоотношений различных субъектов и в различных сферах (юридико-антропологический подход). Сочетание двух этих подходов, полагаем, позволяет сформировать объективную картину русско-ордынских отношений в юридическом контексте.

В заключение считаем необходимым отметить, что аспекты, исследуемые в данной книге, до некоторой степени актуальны и для современных правоотношений. Учитывая особенности развития правовых систем стран Азии, в настоящее время являющихся стратегическими партнерами России, их преемственность от традиционных правовых систем средневекового Востока¹, изучение исторического опыта развития тюрко-монгольского права, а также взаимодействия России со странами Азии в средние века может помочь выработать соответствующие стратегии правового взаимодействия и на сегодняшней международной арене.

Написание этой книги было бы невозможно без поддержки коллег, предоставлявших автору дружеские консультации и труднодоступные публикации для ознакомления, а также возможность представления и обсуждения промежуточных результатов исследования на специализированных мероприятиях. Автор выражает искреннюю благодарность А. В. Белякову, П. И. Гайденко

¹ См. подробнее, напр.: *Васильев А. А., Зеленин Ю. А., Печатнова Ю. В.* Преемственность и сохранение традиционных политических институтов народов тюрко-монгольского мира в современных условиях // Вестник Евразийского национального университета имени Л. Н. Гумилева. Серия: Исторические науки. Философия. Религиоведение. 2021. № 3 (136). С. 25–39.

(Москва), Д. В. Волужкову, К. А. Костромину, А. В. Майорову, А. И. Филюшкину (Санкт-Петербург), Л. Ф. Абзалову, М. С. Гатину, И. М. Миргалееву, И. А. Мустакимову, Б. Р. Рахимзянову (Казань), Ю. В. Оспенникову (Самара), Ю. В. Селезневу (Воронеж), Ю. В. Сочневу (Нижний Новгород), А. А. Васильеву, Ю. А. Лысенко (Барнаул), К. З. Ускенбаю (Алматы), З. К. Картовой (Петропавловск) и др.

Санкт-Петербург, июль 2022 г.

ГЛАВА I. ВЛАСТЬ

Очерки, вошедшие в эту главу, посвящены проблемам правового регулирования властных отношений между ханами Золотой Орды и правителями русских княжеств, а также особенностям их взаимоотношений с иерархами русской православной церкви, также игравшими заметную роль в политической жизни страны. Особое внимание уделено вопросу о том, каким же реальным правовым статусом обладали русские земли в отношении Золотой Орды, и какие внешние и внутренние правовые факторы влияли на принятие ими властных решений в рамках выстраивания отношений с Улусом Джучи – как до, так и после падения власти Золотой Орды над русскими землями.

§ 1. ИСТОРИКО-ПРАВОВОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ОТНОШЕНИЙ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ, РУССКИХ КНЯЗЕЙ И ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ (СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ)

Вопрос о правовых взаимосвязях золотоордынских ханов, русских князей и русской православной церкви в XIII–XIV вв., который, казалось бы, в течение длительного времени считался решенным, в последние годы приобрел неожиданную остроту и актуальность – в связи с появлением новых работ как специалистов по политической истории, так и по истории церкви ордынского периода. При этом, что характерно, новых исторических источников в рамках данной тематики не прибавилось, однако новые трактовки постоянно появляются, и исследователи на основании прежних средневековых памятников порой высказывают суждения, прямо противоположные тем, которые считались истинными в XIX–XX вв.!

В течение последних лет появляется целая серия работ, в которых исследователи придерживаются противоположных позиций, причем предлагая

в пользу своего мнения довольно противоречивые и даже, можно сказать, причудливые доводы, базирующиеся не всегда на релятивных источниках.

Так, например, рассматривая обстоятельства, связанные с установлением первых контактов правителей Улуса Джучи (в лице Бату) и русских князей, А. В. Майоров анализирует в качестве достоверного источника «Повесть о разорении Рязани» (которая, как считается, была написана в XVI в.), соотнося ее сведения с другими источниками вплоть до... Великой Ясы Чингис-хана¹! Сложность исследуемого вопроса приводит автора к весьма противоречивым выводам – в частности, он рассматривает «матримониальные» намерения Бату (согласно «Повести», пожелавшего получить жену приехавшего к нему на переговоры рязанского княжича Федора Юрьевича) как намерение установить мирные отношения с Рязанским княжеством, однако при этом ссылается на аналогичные практики, которые монгольские правители осуществляли исключительно по отношению к уже покоренным народам. Неудивительно, что подобного рода построения вызывают обоснованную критику².

И. И. Назипов, отстаивая идею «верховенства права Орды в русских землях», много внимания уделяет попыткам доказать, что ханские ярлыки являлись нормативно-правовыми актами (что и без него уже неоднократно было сделано), но при этом не приводит ни одного обоснованного аргумента в пользу их прямого действия на Руси в ущерб русскому законодательству³.

Ю. В. Сочнев, строя свое исследование, в первую очередь, на отрицании некоторых построений автора данных строк (что уже изначально не очень конструктивно с методологической точки зрения), в результате на основе широко-

¹ Майоров А. В. Женщина, дипломатия и война: русские князья на переговорах с Бату накануне монгольского нашествия // Шаги. Т. 7. 2021. № 3. С. 124–199.

² См.: Воротынцев Л. В. Рязанский гамбит Бату: о новых трактовках сообщений «Повести о разорении Рязани Батыем» в современных исследованиях // Золотоордынское обозрение. Т. 10. 2022. № 2. С. 284–302.

³ Назипов И. И. Верховенство права Орды в русских землях как признак государственного ордынско-русского единства // Вестник Челябинского государственного университета. 2015. № 23 (378). Право. Вып. 44. С. 13–17.

го спектра допущений и многочисленных параллелей из налоговых практик Монгольской империи и ее улусов, приходит к выводу о влиянии ярлыков русской церкви на русское великокняжеское (sic! – *Р. П.*) законодательство¹.

Аналогичная методика использована И. И. Назиповым и Ю. В. Селезневым, которые пытаются применить современные концепции суверенитета к русско-ордынским отношениям на основе анализа конкретных примеров, а также путем проведения многочисленных параллелей с разными улусами Монгольской империи – но только за счет ссылок на неюридические источники². На ханские ярлыки, выданные русским держателям исследователи не ссылаются.

Вопрос о статусе русских земель по отношению к Золотой Орде в правовом аспекте попытался рассмотреть вышеупомянутый И. И. Назипов, который однозначно классифицировал русские княжества как часть владений Улуса Джучи – опять же, без привлечения для анализа непосредственно правовых актов. Впрочем, при этом и сам автор отметил, что этот статус не был единым на разных этапах русско-ордынских отношений³.

«Компромиссный» подход представляет в ряде своих публикации А. А. Майоров, который, с одной стороны, согласен с тем, что русские князья были интегрированы в сановную иерархию Улуса Джучи, с другой же, показывает, что они чаще разрешали свои внутренние противоречия самостоятельно – хотя и с апеллированием к своему статусу, приобретенному в результате отношений с ханами-Джучидами. Соответственно, большую легитимность (в т. ч. и в глазах золотоордынских правителей) могли иметь те князья, которые скреп-

¹ *Сочнев Ю. В.* К изучению ярлыка Менгу-Тимура...

² *Назипов И. И.* Формальный суверенитет Орды над землями Северо-Восточной Руси XIII–XV вв. как признак ордынско-русского государственного единства // Глобальный научный потенциал. 2012. № 8 (17). С. 38–40; *Он же.* Внутренний суверенитет над землями Северо-Восточной Руси XIII–XV вв. как признак ордынско-русского государственного единства // Глобальный научный потенциал. 2015. № 2 (47). С. 25–28; *Селезнев Ю. В.* Возникновение суверенитета монгольского кагана и ордынского хана на территории Руси.

³ *Назипов И. И.* Русские земли по отношению к Улусу Джучи (Орде).

ляли свои связи с потомками Джучи не только политическими договоренностями, но и брачными узами – женись на представительницах ханского рода¹.

Сравнительно недавно вышла концептуальная статья В. В. Трепавлова, в которой он также предлагает рассматривать русские земли как полноценный «русский улус» Золотой Орды. Проанализировав значительное число источников и исследовательских работ, отражающих различные точки зрения относительно русско-ордынских отношений, исследователь делает вполне логичный и обоснованный вывод о том, что система власти и управления в Золотой Орде была слишком сложна и динамична, чтобы однозначно охарактеризовать статус русских земель по отношению к ордынским ханам, тем более на разных этапах из взаимоотношений². В отличие от однозначных построений И. И. Назипова подобный вывод допускает возможность вассальной зависимости русских земель от Улуса Джучи – точно так же, как и возможность более жесткого подчинения русских князей золотоордынским ханам. Таким образом, В. В. Трепавлов, по сути, в большей степени обозначает проблему, нежели предлагает однозначное решение.

И без того непростая ситуация еще больше запутывается за счет противоречивости отношений между Золотой Ордой, русскими князьями и русской православной церковью. Новый взгляд на эти отношений постарался предста-

¹ См., в частности: *Майоров А. А.* Влияние ордынского статуса князя Федора Ростиславовича на переход брянского стола к смоленским Рюриковичам // *Studia Internationalia: Материалы IX международной конференции «Западный регион России в международных отношениях X–XX вв.»* (1–2 июля 2021 г.). Брянск, 2021. С. 22–29; *Майоров А. А.* Ордынский статус как значимый фактор политической конкуренции между русскими князьями // *Вестник Брянского государственного университета.* 2021. № 4. С. 73–79. Аналогичное представление о факторах легитимации претензий русских князей на более высокий статус в изменившихся условиях отражено также в статье А. А. Горского: *Горский А. А.* Наследование великого княжения в середине XIII в., Батый и мачеха Александра Невского // *Российская история.* 2020. № 4. С. 31–37.

² *Трепавлов В. В.* «Русский улус» Золотой Орды.

вить в своей монографии Т. Р. Галимов¹, однако, как представляется, поставил больше вопросов, чем дал ответов, в некоторых случаях высказав и противоречивые суждения.

В результате в новейшей историографии складывается любопытная картина: с одной стороны, русские земли признаются частью улуса Джучи, с другой – церковь является независимой от княжеской власти и, таким образом, самостоятельным субъектом правоотношений с Золотой Ордой²! Собственно, на основе этих публикаций автор и намерен высказать некоторые соображения, которые в большей степени представляют собой постановку проблемы, решение которой видится в комплексном и коллективном исследовании.

В нашем распоряжении имеется корпус ханских ярлыков и грамот, адресованных русской церкви (шесть из которых можно признать достоверными), а также один документ, который можно условно рассматривать как ярлык, адресованный русскому светскому правителю – речь идет о ярлыке Менгу-Тимура, содержание которого было воспроизведено в грамоте великого князя Ярослава III Ярославича рижанам, датируемой между 1266 и 1272 гг. На основе анализа этих документов и ранее проведенных исследований, собственно, и высказываются ниже приведенные вопросы и соображения.

Прежде всего, следует задаться вопросом, почему для реализации распоряжений золотоордынского хана на Руси местным правителям необходимо было принимать собственные нормативные акты? На наш взгляд, это свидетельствует как раз об отсутствии прямого действия права Золотой Орды в русских землях, что подтверждается и широкой практикой применения междукняжеских договоров и принятия совместных решений на княжеских съездах, как это

¹ Галимов Т. Р. Киевские митрополиты между Русью и Ордой.

² Подобные выводы высказывались исследователями и ранее, см., напр.: *Никольский Н. М.* История русской церкви. М., 2004. С. 61. Характерно, что автор ссылается при этом на ярлык Узбека митрополиту Петру, уже достаточно давно признаваемый подделкой более позднего времени.

было и в домонгольский период¹. Однако почему же, в таком случае иммунитетные ярлыки и грамоты ордынских правителей русской церкви адресованы напрямую ее представителям в лице митрополитов?

Собственно, на этот вопрос и пытается ответить в своем исследовании Т. Р. Галимов, отмечающий «предельно независимое положение церкви от княжеской власти» в силу выстраивания «паритетных» и «взаимовыгодных» отношений с ханами Золотой Орды. При этом он приводит достаточно убедительные аргументы, в т. ч. ухудшение материального положения русских «ктиторов» в результате монгольского нашествия на Русь, усиление централизаторских тенденции в церковной организации при митрополите Кирилле и пр.².

Однако в ряде случаев, как представляется, логика изменяет автору. Во-первых, о каких «паритетных отношениях» может идти речь, коль скоро церковь получала ярлыки от ханов, не предоставляя Золотой Орде никаких равнозначных взаимных прав, привилегий, возможностей? Во-вторых, представителем русской православной церкви перед ханами Улуса Джучи исследователь называет то сарайского епископа, то самого митрополита³. Наконец, почему, говоря о независимом положении от русских князей, казанский историк ссылается на исследования Я. Н. Щапова о том, что в рассматриваемый период и гораздо позднее активно переписывались княжеские уставы домонгольской Руси (в первую очередь – Ярослава Мудрого), которыми гарантировались имущественные права и иммунитеты церкви⁴?

Кстати, на эти самые уставы ссылается в своем исследовании и Ю. В. Сочнев, только для него они – показатель как раз того, что во внутренних отношениях русских князей и церкви в ордынский период ничего не изменилось, и они продолжали регулироваться именно домонгольским законодательством. Со-

¹ См.: *Савченко Д. А.* Договорные отношения древнерусских князей: правовая природа и содержание // *Znanstvenf Misel*. 2020. № 51-1 (51). S. 32–34.

² *Галимов Т. Р.* Киевские митрополиты между Русью и Ордой. С. 147–148, 159.

³ Там же. С. 131.

⁴ Там же. С. 146.

вершенно справедливо исследователь отмечает, что ханские ярлыки предоставляли русской церкви лишь налоговые иммунитеты в отношении ордынской администрации, но никак не права и не возможности по усилению своего политического и имущественного положения на Руси¹.

Напрашивается один-единственный вывод: действуя таким образом, ордынские ханы просто-напросто не считали, что предоставлением иммунитетов вторгаются в сферу отношений церковных и светских властей Руси, урегулированных ее внутренним законодательством. Даже обложение церкви выходом, имевшее место, как предполагают историки, в правление хана Джанибека, никак не повлияло на положение церкви на Руси, поскольку не предполагало взимание какого-либо дополнительного налога с нее в пользу русских князей и, следовательно, не изменяло закрепленные ранее отношения государства и церкви. Отсюда – и отсутствие упоминания представителей русской администрации среди адресатов большинства ордынских документов русским митрополитам. Лишь одна грамота ханши Тайдулы 1347 г. таинственному «митрополиту Иоану» адресуется русским князьям во главе с великим князем Семеном Ивановичем Гордым: возможно, в данном случае ханша повела себя как представитель власти сюзерена, чтобы внести ясность в отношения князей и иерархов по их же запросу.

Важным аргументом в пользу выстраивания отношений с церковью напрямую, «параллельно» отношениям со светскими правителями Руси, для ханов, скорее всего, являлось то, что иммунитеты различным конфессиям были изначально закреплены в Великой Ясе, т. е. правовых предписаниях самого Чингисхана, на волю которого ссылались и сами Джучиды в своих ярлыках русской церкви. Несомненно, уровень монгольского имперского права был неизмеримо выше законодательства и Золотой Орды, и ее автономных вассалов в лице русских князей, с которыми соотносить базовые положения Ясы, конечно же, не следовало. Таким образом, не столько особенности правового положения пра-

¹ Сочнев Ю. В. К вопросу об изменении правовых основ...

вославленной церкви на Руси, сколько ее статус как конфессии в целом и обусловил прямое взаимодействие ханов Золотой Орды с ее руководством.

Довольно загадочными представляются упоминаемые Ю. В. Сочневым «попытки распространить на духовенство инвеститурный порядок выдачи ярлыков, то есть утверждать назначение высших иерархов, как и князей, прослеживаемые по источникам в первой половине XIV в.», которые, якобы, «не получили развития и были прекращены с началом распада Золотоордынского государства»: таковые нам неизвестны. К слову, нам уже приходилось отмечать, что даже в отношении великих князей такие попытки были весьма немногочисленны и имели, скорее, характер исключений из правила – утверждения (признания) в качестве верховного правителя Руси того, кто по русской же традиции или с одобрения остальных князей являлся наиболее легитимным претендентом. Примеров же инвеституры святителей русской православной церкви источники не содержат

С другой стороны, в глазах ханов Улуса Джучи церковь в силу особенностей своего статуса и, как полагаем, особой системы источников права и правоотношений, могла, и в самом деле, восприниматься как своего рода «государство в государстве» и являться самостоятельным субъектом взаимоотношений с Золотой Ордой. Отношения со светскими властями русских земель ордынских ханов в данном контексте совершенно не интересовали – чего нельзя было сказать о позиции самой церкви, руководство которой, вероятно, и в самом деле, стремилось поставить себя в достаточно самостоятельное положение по отношению к князьям, не нуждаясь в их покровительстве, которое теперь получало от их сюзеренов, т.е. ханов Джучидов.

Неслучайно, что как только прекратилась практика пожалования иммунитетных ханских ярлыков митрополитам (в последней четверти XIV в.), руководство церкви вновь обратилось к практике составления льготных уставных грамот: не ограничиваясь активизации тиражирования вышеупомянутых документов домонгольского времени, митрополит Киприан в 1404 г. добился

оформления такой грамоты от великого князя Василия I¹. Сходство положений в этой грамоте с ярлыками золотоордынских ханов (и, в частности, Менгу-Тимура) Ю. В. Сочнев склонен объяснять ордынским влиянием на русское законодательство². Однако, на наш взгляд, речь идет не столько о влиянии, сколько о компенсации возрожденным видом источников права отсутствия новых ханских пожалований!

Таким образом, как представляется, факт выдачи ханами ярлыков напрямую русским митрополитам отнюдь не означает ни вхождения русских земель в состав Золотой Орды «на правах улуса», ни, тем более, независимости церкви от светских правителей и от русского права. Имперское мышление монархов Улуса Джучи и их опора на Великую Ясу, с одной стороны, и предоставление церкви льгот и привилегий в отношении налогов и повинностей лишь в пользу ордынских властей, с другой – вот объяснение такого, казалось бы, противоречивого явления, как взаимодействие напрямую с руководством церкви при опосредованном действии ханских предписаний на Руси в светской сфере.

При этом довольно перспективным направлением дальнейших исследований видится детальное (формальное и содержательное) сопоставление положений ханских ярлыков и русского законодательства, в частности – княжеских уставов домонгольского и монгольского периодов, равно как и других источников права на предмет взаимного влияния. Современный уровень развития исторической и историко-правовой науки, как представляется, позволяет сказать много нового по данной проблематике.

¹ См., напр.: *Петрушко В. И.* История Русской Церкви с древнейших времен до установления патриаршества: учеб. пособие / 2-е изд. М., 2007. С. 89, 145.

² *Сочнев Ю. В.* К изучению ярлыка Менгу-Тимура... С. 70, 72.

§ 2. ОСОБЕННОСТИ ДЕЙСТВИЯ ЗОЛОТООРДЫНСКИХ ВЛАСТНЫХ ИНСТИТУТОВ НА РУСИ

В рамках изучения проблем взаимоотношений Древней Руси и Золотой Орды (или периода так называемого «монголо-татарского ига») немалое внимание уделяется вопросу о действии золотоордынского права на Руси. Это вполне понятно, поскольку выяснение степени правового влияния Золотой Орды в русских землях имеет прямое отношение к ответу на вопрос о существовании самого «ига».

Неудивительно, что практически все исследователи русско-ордынских отношений, в т.ч. дореволюционные ученые XIX – начала XX вв. (Н. М. Карамзин, И. Н. Березин, С. М. Соловьев, Г. С. Саблуков, М. Д. Приселков и др.), советские (Б. Д. Греков и А. Ю. Якубовский, Г. А. Федоров-Давыдов, В. А. Кучкин и др.), зарубежные (Г. В. Вернадский, Д. Островски, Ч. Гальперин) и современные российские исследователи (Ю. В. Кривошеев, А. А. Горский, В. В. Трепавлов, Ю. В. Селезнев и др.) так или иначе затрагивали вопрос о действии золотоордынских правовых институтов на Руси. Более того, имеется даже ряд специальных исследований, непосредственно посвященных проблеме правового влияния Золотой Орды на Русь в XIII–XV вв. Среди таких авторов можно назвать, в частности, С. Н. Жарова, В. В. Еремяна, И. И. Назипова, С. А. Маслову.

В большинстве случаев исследователи формируют свою позицию по этому вопросу, основываясь на общеисторических фактах, давая их собственную интерпретацию, нередко зависящую от персональной позиции исследователей, их отношения к проблеме «ига». Метод историко-правового анализа, представляющийся наиболее логичным для поисков ответа на вопрос о действии ордынского права на Руси, почему-то в должной степени не используется авторами – возможно, их смущает отсутствие достаточного числа источников для проведения подобных исследований. В результате высказываются прямо противоположные точки зрения по поводу действия права Золотой Орды в русских зем-

лях: одни авторы говорят о правовом «двоезаконии», т.е. дуализме русского и монгольского законодательства на Руси¹, другие – даже о верховенстве золотоордынского права в русских землях над русским же законодательством², третьи вообще отрицают действие права Золотой Орды на Руси, считая, что ордынские сюзерены никак не вмешивались в систему правоотношений внутри русских княжеств³.

Думается, что для поисков наиболее объективного ответа на этот вопрос следует обращаться не к обзору общеисторических сведений, а к анализу конкретных правовых институтов Золотой Орды, упоминаемых в контексте русско-ордынских отношений. Впервые подобный подход попытался использовать в 1850 г. выдающийся историк отечественного права И. Д. Беляев, освятивший специальной исследование монгольским чиновникам на Руси, упоминавшимся в ханских ярлыках⁴. Естественно, с учетом результатов новейших исследований в «ордыноведении» его работа представляет интерес лишь как самая первая попытка использования историко-правового анализа русско-ордынских отношений. Среди современных работ подобный детальный анализ действия конкретного правового института Золотой Орды в русских землях, насколько нам известно, нашел отражение в исследованиях С. А. Масловой, посвятившей свою кандидатскую диссертацию изучению деятельности на Руси ордынских баска-

¹ *Жаров С. Н.* Русское и монгольское законодательство: проблемы двоезакония на Руси // Россия и Восток: проблемы взаимодействия. Тезисы докладов. Ч. 1. Челябинск, 1995. С. 42–44.

² *Назипов И. И.* Верховенство права Орды в русских землях....

³ *Еремян В. В.* Ордынская Русь. Т. 3. С. 9, 29-30, 239. Стоит, впрочем, отметить, наличие большого числа противоречий в данном труде: в частности, в другом месте своей работы ее автор прямо говорит о том, что на «территории Русской земли... в определенной мере распространялась юрисдикция Монгольской империи (в лице соответствующего золотоордынского хана)», см.: Там же. Т. 1. С. 297.

⁴ *Беляев И. Д.* О монгольских чиновниках на Руси, упоминаемых в ханских ярлыках.

ков, даруг и послов¹. Несмотря на спорность ряда высказанных диссертантом положений², использованный ею исследовательский подход представляется наиболее конструктивным.

Своей целью мы ставим рассмотрение действия отдельных золотоордынских правовых институтов на Руси на основе сведений дошедших до нашего времени юридических актов, а также соответствующих сведений исторических хроник и летописей. В частности, мы намерены проанализировать, в какой степени и в каком порядке действовали в русских землях ярлыки ханов Золотой Орды, золотоордынская юрисдикция, участие представителей Золотой Орды в принятии властных решений русскими князьями. При этом мы намерены уделить внимание вопросу об эволюции действия золотоордынского права в отношении Руси в контексте политико-правового развития самой Золотой Орды. Представляется целесообразным выделить три основных направления в действии ордынских правовых институтов в русских землях – законодательное, исполнительное и судебное (естественно, говорить об этих направлениях применительно к средневековым реалиям можно с достаточной степенью условности).

Начнем с анализа значения ханских ярлыков на Руси. Казалось бы, с формально-юридической точки зрения их значение в русско-ордынских правоотношениях очевидно и однозначно: ярлык – акт высшей юридической силы в Золотой Орде, издававшийся от имени правившего хана; хан – сюзерен русских князей; следовательно, ярлык должен был являться актом высшей юридической силы и на Руси, обязательным к исполнению всеми ханскими вассалами и их собственными подданными. Однако, как показывает анализ дошедших до

¹ *Маслова С. А.* Институты ордынской власти над Русью (баскаки, даруги, послы). Дисс. ... канд. ист. наук. М., 2015.

² В частности, исследовательница считает баскаков и даруг разными чиновниками, с чем не соглашается значительное число исследователей, см. подробный анализ мнений, в частности: *Камалов И. Х.* Золотая Орда и русский улус (татарское влияние на Россию) / Пер. с тур. И. М. Миргалеева. Казань, 2016. С. 135–137.

нас правовых актов – как ордынских, так и русских, – ситуация была несколько иной.

Безусловно, волеизъявление хана, выраженное в ярлыке, являлось фактически предписанием для его подданных и вассалов, в т. ч. и русских князей. Однако каким же образом оно трансформировалось в конкретные правоотношения? Как выясняется, для того, чтобы предписания ханского ярлыка действовали на Руси, необходимо было издание соответствующего правового акта самим русским правителем, который бы вводил в действие в соответствующем княжестве нормы, содержащиеся в ярлыке. Подтверждение этому мы встречаем в конкретных правовых актах.

В частности, нам известна т. н. грамота князя Ярослава рижанам, датируемая между 1266 и 1272 гг., которую мы позволим себе воспроизвести полностью: «Менгу Темерево слово кль Ярославу князю: даи руть немецкому гости на свою волость. От князя Ярослава ко рижаном, и к болшим и к молодым, и кто гостить, и ко всемъ: путь вашъ чистъ есть по моеи волости; а кто мне ратен, с тимъ самъ ведаю; а гостю чистъ путь по моеи волости»¹. Несмотря на краткость этого документа, в нем можно четко выделить две составные части: ярлык первого золотоордынского хана Менгу-Тимура², адресованный Ярославу, и собственно грамоту самого Ярослава. Хан предписывает великому князю³, своему вассалу, предоставить «немецкому гостю» (вероятно, имеются в виду

¹ Грамоты Великого Новгорода и Пскова / Под ред. С. Н. Валка. М.; Л., 1949. С. 57.

² Предшественники Менгу-Тимура (Бату, Сартак, Улагчи, Берке) не носили ханского титула.

³ На наш взгляд, включение этой грамоты в данный сборник не вполне оправданно: анализ ее текста дает основание полагать, что Ярослав ее издавал не как новгородский князь, а как великий князь владимирский, и речь в ней идет именно о его «волости», а не Новгороде. Это подтверждается, в частности, тем, что в других актах, вошедших в сборник, тот же Ярослав (уже именно как новгородский князь), равно как и его предшественники, и преемники, издает грамоты вместе с посадником, тысяцким, «и со всем Новгородом», тогда как анализируемый документ является актом единоличного волеизъявления, характерным именно для великих князей.

ганзейские купцы) право беспошлинного проезда через его владения в Золотую Орду. Если бы ханские ярлыки на Руси являлись актами прямого действия (как полагают, в частности, вышеупомянутые исследователи С. Н. Жаров и И. И. Назипов), то хану достаточно было бы прямо адресовать ярлык торговцам города Риги, который они могли бы предъявлять при проезде через русские земли. Однако хан адресовал ярлык великому князю Ярославу, а уж он своим собственным правовым актом ввел в действие в подвластных ему землях нормы, содержащиеся в ярлыке Менгу-Тимура.

Еще один пример – из хорошо известного всем исследователям русско-ордынских отношений собрания ханских ярлыков русской церкви. Краткая редакция этого собрания¹ включает шесть документов, в т. ч. три ярлыка ханов – вышеупомянутого Менгу-Тимура, Бердибека и Тюляка, – а также три грамоты ханши Тайдулы (также ошибочно названных составителями «ярлыками»²). Опять же, если обратиться к анализу текстов именно ханских ярлыков, мы могли бы сделать вывод, что ханы напрямую предоставляют налоговый иммунитет (в золотоордынской традиции – тарханство) русской православной церкви в лице ее глав – митрополитов. Однако в грамоте Тайдулы 1347 г., в которой фигурирует таинственный «митрополит Иоан»³, содержится, наряду с перечис-

¹ Пространная редакция, помимо шести документов, вошедших в краткую, включает также ярлык хана Узбека митрополиту Петру, который исследователи еще в начале XX в. признали поддельным.

² По своему статусу Тайдула не могла издавать ярлыки, поэтому ее акты правильнее именовать грамотами.

³ Личность этого «Иоана» неоднократно привлекала внимание исследователей, поскольку такой митрополит всея Руси в указанный период историкам неизвестен. А. П. Григорьев полагает, что речь идет о сарайском епископе, см.: *Григорьев А. П. Сборник ханских ярлыков русским митрополитам: Источниковедческий анализ золотоордынских документов.* СПб., 2004. С. 49. Ю. В. Сочнев считает, что «Иоан» мог быть нижегородским епископом, см.: *Сочнев Ю. В. Об адресате ярлыка Тайдулы русскому иерарху Иоану // Мининские чтения (Материалы научной конференции, посвященной 380-летию освобождения Москвы зем-*

лением соответствующих налогов, пошлин и повинностей, от которых традиционно освобождается русская церковь, также и весьма показательное обращение: «А вы, русские князи, Семеном почен всеми митрополиты как наперед сего кои дела делали, а нынеча также делают»¹. Один из крупнейших исследователей золотоордынской дипломатики А. П. Григорьев делает вполне обоснованный вывод, что адресатом данной грамоты является именно великий князь Симеон Гордый вместе с подчиняющимися ему удельными князьями: именно им предписывается не взимать никаких налогов и не требовать несения повинностей от представителей церкви². Таким образом, мы снова видим, что для того, чтобы ханская воля, выраженная в ярлыке, учитывалась на Руси, было необходимо издание соответствующих актов самими русскими князьями, предписания которых, в свою очередь, были обязательны для их русских подданных. В противном случае, как и в случае с рижскими купцами, было бы достаточно просто выдачи соответствующего ханского акта главе Русской православной церкви.

Итак, как можно увидеть, ханские ярлыки прямого действия на Руси не имели, и для реализации предписанных в них положений князья должны были издавать соответствующие собственные правовые акты – грамоты. Впрочем, в некоторых случаях, в своих собственных интересах князья готовы были идти на «юридическую фикцию» – признание непосредственного действия золотоордынских предписаний на Руси. Пожалуй, наиболее ярким примером тому является хорошо известный спор за великое княжение между князьями Василием II Васильевичем Московским (впоследствии вошедшим в историю ским ополчением под руководством К. Минина и Дм. Пожарского). Нижний Новгород, 1992. С. 52–55.

¹ Памятники русского права. Вып. 3. Памятники права периода образования Русского централизованного государства. XIV–XV вв. / Под ред. Л. В. Черепнина. М., 1955. С. 467.

² Григорьев А. П. Сборник ханских ярлыков русским митрополитам. С. 48-49. В рамках предпринятой им попытки реконструкции первоначальных текстов ханских ярлыков русской церкви исследователь предположил, что адресат грамоты Тайдулы должен был выглядеть следующим образом: «Джанибека повелением, мой, Тайдулы, указ всем русским князьям под началом с Семеном».

под прозвищем «Темный») и его дядей Юрием Дмитриевичем Звенигородским¹. Если князь апеллировал к «мертвой грамоте отца своего», т. е. завещанию Дмитрия Донского, то его племянник претендовал на великокняжеский стол «по... цареву жалованию»². Таким образом, несмотря и на складывавшуюся в течение почти двух столетий практику «опосредованного» действия ханских ярлыков на Руси, и на признанное ханами (в результате длительной борьбы Дмитрия Донского) право московских князей завещать великое княжение, Василий II – а вернее, его представитель на ханском суде боярин Иван Всеволожский – предпочел апеллировать к воле хана Улуг-Мухаммада, который, и в самом деле, в 1425 г., после смерти Василия I Дмитриевича, утвердил его сына Василия II в качестве великого князя³. На наш взгляд, этот пример – исключение, очень красноречиво подтверждающее выявленную выше тенденцию – ведь Василий II предпочел апеллировать непосредственно к ханской воле в тот период времени, когда контроль Золотой Орды над русскими землями весьма сильно ослаб, и ханы же не могли в полной мере обеспечивать свое верховенство над Русью, так что признание на словах непосредственного действия ханских предписаний на Руси фактически уже не могло повлечь никаких негативных последствий для русских князей, в т. ч. и реального уменьшения их власти в собственных владениях.

Второй из рассматриваемых нами правовых институтов русско-ордынских отношений – это вовлеченность представителей золотоордынских властей в процесс принятия властных решений русскими князьями. И здесь мы, в первую очередь, должны вновь вернуться к вопросу о деятельности баскаков (даруг) и послов в русских землях.

¹ Детальный анализ этого судебного разбирательства см. в § 4 третьей главы.

² Полное собрание русских летописей. Т. XXV. Московский летописный свод конца XV века. М.; Л., 1949. С. 249.

³ См. подробнее: *Пономарева И. Г.* Кто управлял Московским великим княжеством в 1425–1432 гг.? // Средневековая Русь. Вып. 9. 2011. С. 167.

Безусловно, следует согласиться с мнением С. А. Масловой, что статус представителей ордынской администрации на Руси не был постоянным в течение всего времени зависимости русских земель от Золотой Орды¹. Однако исследовательница ограничивается фиксацией летописных сведений о функционировании ордынских чиновников на Руси и практически оставляет без внимания политико-правовые процессы, происходившие в это время в самой Орде и в *Rex Mongolia* в целом. Ниже мы постараемся проанализировать эти процессы, рассматривая конкретные примеры деятельности представителей ордынской администрации в русских княжествах.

По нашему мнению, золотоордынские ханы вплоть до конца XIII в. не вполне представляли себе, как следует организовать свою власть над русскими землями. Вполне можно допустить, что рассматривался вопрос и о прямом включении Руси в состав Золотой Орды. А. А. Горский утверждает, что «на Руси в течение всего времени ордынского господства жили опасения, что правители Орды от взимания дани с сохранением русских князей у власти перейдут к непосредственному управлению»². В самом деле, часть южнорусских земель (значительные территории Киевского, Черниговского, Переяславского, Рязанского княжеств) перешли под прямое управление золотоордынских наместников – даруг или баскаков. Появление таких чиновников на Руси, зафиксированное в летописях, на наш взгляд, может, и в самом деле, свидетельствовать о намерениях золотоордынских правителей ввести прямое ордынское управление в русских княжествах, в т.ч. и сохранявших в этот период автономию. Вероятно, именно с этими опасениями могло быть связано восстание в Новгороде 1257 г. – ведь причиной его летописец называет вести о том, что ордынские (вернее, на тот момент – еще монгольские имперские) чиновники намереваются переписать население и обложить его данью: по-видимому, вольнолюбивые новгородцы усмотрели в этом попытку установить над ними

¹ См.: *Маслова С. А.* Институты ордынской власти над Русью. С. 137–138.

² *Горский А. А.* Утверждение власти Монгольской империи над Русью: региональные особенности // *Исторический вестник*. Т. 10 (157). М., 2014. С. 59.

ордынское управление¹. Еще более мощное восстание 1262 г., неоднократно привлекавшее внимание исследователей, охватило целый ряд регионов Северо-Восточной Руси и также было связано с засильем монгольских чиновников, в действиях которых восставшие, несомненно, усмотрели намерение сосредоточить всю полноту власти в своих руках².

В результате фактического выхода Золотой Орды из-под власти монгольского хана – императора Юань в 1269 г.³ действия теперь уже золотоордынских чиновников на Руси перестали носить выглядеть столь демонстративными попытками присвоения себе всей полноты административной власти. В результате в том же 1269 г. представитель ордынской администрации на Руси реализует совершенно иную функцию – не сбор дани с вассала в пользу сюзерена, а демонстрацию покровительства сюзерена вассалу: речь идет об участии великого владимирского баскака Амрагана в переговорах великого князя Ярослава III и новгородцев с «немцами». Последние, согласно летописи, не пожелав вступать в конфликт с Золотой Ордой, согласились заключить мир на новгородских условиях⁴.

¹ См.: Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950. С. 309.

² С. А. Маслова утверждает, что восстание 1262 г. было направлено не против баскаков, поскольку таковые в источниках не упоминаются, а против откупщиков – собирателей дани, см.: *Маслова С. А.* Институты ордынской власти над Русью. С. 54. Однако, как вытекает из проанализированных ею летописных текстов, откупщики и к 1262 г., и десятилетия спустя выполняли именно функции баскаков, т.е. собирали дань и осуществляли контроль вассальных правителей. Откупничество представляло собой не род занятий или административную функцию, а всего лишь способ ее реализации.

³ См. подробнее: *Почекаев Р. Ю.* Цари ордынские. Биографии ханов и правителей Золотой Орды / 2-е изд., испр. и доп. СПб., 2012. С. 58–59.

⁴ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. С. 319. В. В. Еремян, чьи презрительные оценки «скотоводов-кочевников» мы уже неоднократно пимнали выше, представляет описанные события как «сговор с врагом» (см.: *Еремян В. В.* Ордынская Русь. Т. 3. С. 139), совершенно упуская из виду, что никаких враждебных отношений между Севе-

Весьма активно вмешивался в дела русских князей и небезызвестный курский баскак Ахмат, который не только собирал дань с русских территорий, находившихся в его ведении, но и создал собственные слободы, которые стал населять в т.ч. и выходцами из русских земель (включая беглых). Это побудило местных князей обратиться с жалобой на его действия к хану Тула-Буге, который повелел уничтожить слободы, что и было сделано. Тогда Ахмат обратился к могущественному беклер-беку (фактически – первому министру и верховному главнокомандующему Золотой Орды) Ногаю, организовавшему карательный на князей, уничтоживших слободы. Этот сюжет также неоднократно привлекал внимание исследователей, начиная с XVIII в.¹. Для нас же особо важным представляется тот факт, что хан Туда-Менгу (а не Тула-Буга, как в летописи) и беклер-бек Ногай совершенно по-разному отнеслись к Ахмату и его действиям, и дело, несомненно, не только в личной неприязни, которая, по-видимому, к этому времени уже существовала между ханом и его беклер-беком. Скорее всего, Ногай, который, как установлено исследователями, играл весьма значительную роль в политической жизни не только Золотой Орды, но и всей империи Чингизидов², придерживался позиции усиления власти золотоордынской администрации на Руси, тогда как хан занимал более умеренную позицию. Это, на наш взгляд, весьма ярко отражает неопределенность ситуации со статусом русских княжеств в отношении Улуса Джучи в рассматриваемый период, разногласия самих представителей ордынской правящей элиты по этому вопросу. В результате баскаки в рассматриваемый период были, скорее, «резидентами» золотоордынских ханов на Руси: они не осуществляли управления, но отслежи-

ро-Восточной Русью и Золотой Ордой в этот период не было, а активно складывалась система вассально-сюзеренных отношений.

¹ См. подробнее: *Кучкин В. А.* Летописные рассказы о слободах баскака Ахмата // Средневековая Русь. Вып. 1. 1996. С. 5–57.

² *Костюков В. П.* Улус Джучи и синдром федерализма // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. 2007. № 1. С. 191.

вали ситуацию в русских княжествах и сообщали в Сарай о случаях нарушения вассальных обязательств князей или населения¹.

Начиная с конца XIII – начала XIV вв. баскаки в летописях и других средневековых русских источниках упоминаются лишь применительно к территориям, находившимся под прямым ордынским управлением – Киеву (баскак упоминается в летописях еще под 1331 г.), Туле и Червленому Яру (баскаки упоминаются в 1340–1350-е гг.) и т.д.². Но означает ли это, что ордынские власти отказались от института баскаков или даруг? Отнюдь нет: еще в XV в. (т. е., когда о реальном контроле Золотой Орды над русскими землями уже и речи не было) в летописях упоминаются, в частности, московский даруга Мин-Булат (1432 г.) и рязанский даруга Темир (1471)³. Однако, как следует из текста летописных сообщений, пребывали не в Москве и Рязани, а при дворе золотоордынских ханов – соответственно, Улуг-Мухаммада и Ахмата, т. е. были уже не столько резидентами хана непосредственно на Руси, а своего рода «экспертами» по русским делам непосредственно при ханском дворе⁴. Полагаем, что эта практика и начала складываться как раз в тот период, когда упоминания о даругах непосредственно в русских землях исчезают из летописей – в начале XIV в.

Связывать изменения в статусе даруг в это время с усилением власти великих князей, как это делает В. В. Каргалов⁵, вряд ли корректно. Скорее, следует объяснять эти изменения тем, что ордынские власти, наконец-то, определились

¹ См.: Каргалов В. В. Баскаки // Вопросы истории. 1972. № 5. С. 212.

² Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. С. 344; Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в. Т. III. М., 1964. С. 341, 343. См. также: Маслова С. А. Институты ордынской власти над Русью. С. 26, 42–45.

³ См. подробнее: Маслова С. А. Институты ордынской власти над Русью. С. 74–75.

⁴ См также: Рязановский В. А. К вопросу о влиянии монгольской культуры и монгольского права на русскую культуру и право / Ввод. ст. и подгот. текста Г. В. Мелихова // Вопросы истории. 1993. № 7. С. 159.

⁵ Каргалов В. В. Баскаки. С. 214.

со статусом русских княжеств в пользу вассалитета. Полагаем, что эта определенность напрямую связана с уточнением статуса и самой Золотой Орды, которая в последней трети XIII в. обладала весьма неопределенным положением в отношении Монгольской империи, власть монарха которой хан Менгу-Тимур, как уже было отмечено, фактически отказался признавать с 1269 г.

Однако к началу XIV в. ситуация существенным образом изменилась, и к власти в государствах Чингизидов пришли правители, способные найти компромисс для сохранения единства *Rex Mongolica*. В результате Монгольская империя была воссоздана, но не как централизованное государство, а как некая конфедерация, правители отдельных членов-государств которой номинально признавали старшинство монгольского хана – императора династии Юань как официального главу империи и верховного арбитра¹. Золотоордынский хан Токта сыграл не последнюю роль в этих событиях, существенно укрепив связи с империей Юань, которые с этого времени фактически не прерывались до середины XIV вв.².

Важным для нас в рамках данного исследования последствием этого процесса стало то, что усилился политико-правовой обмен между различными государствами потомков Чингис-хана, и это имело прямое отношение к русско-ордынскому правовому взаимодействию. Рискнем предположить, что к началу XIV в. хан Токта пришел к выводу о целесообразности оформления статуса русских княжеств как вассалов в соответствии с китайской традицией так называемых «далеко проживающих внешних вассалов» (кит. «вай фань»). Подобная

¹ См. подробнее: *Почекаев Р. Ю.* Правовая культура Золотой Орды (историко-правовые очерки). М., 2015. С. 10–12.

² В исследовательской литературе распространено мнение, что контакты между Золотой Ордой и империей Юань были незначительны и проявлялись лишь в отдельные периоды. Однако еще в 1940 г. ленинградский востоковед В. Н. Казин в своем докладе (к сожалению, до сих пор не опубликованном) сумел убедительно показать, что эти контакты не прерывались вплоть до 1340-х гг., как минимум, см.: *Казин В. Н.* Взаимоотношения Золотой Орды с Китаем и Монголией (стенограмма доклада, 1940 г.) // Архив востоковедов ИВР РАН. Ф. 133. Оп. 1, ед. хр. 3. 21 л.

практика начала складываться в Поднебесной империи еще в I в. до н.э., когда империя Хань установила подобные отношения с державой Хунну, превратив ее правителей в своеобразных «федератов»; в дальнейшем эта система постоянно практиковалась китайскими властями в отношении соседних кочевых народов и государств вплоть до начала XX в. Система эта характеризовалась выплатой дани (нередко – символической) сохранением у власти местных правителей, признававшихся императорами в качестве таковых, действием внутреннего законодательства и системы управления, тогда как китайские власти демонстрировали свой сюзеренитет лишь периодическим направлением к вассалам посольских миссии и приглашением к императорскому двору вассальных правителей¹. Все это мы в полной мере наблюдаем и в русско-ордынских отношениях, начиная с рубежа XIII–XIV вв.

Непосредственно к анализируемому аспекту примыкает весьма важный вопрос – утверждение ханами Золотой Орды великих князей, причем в рамках настоящего исследования нас интересует не многократно рассматривавшаяся проблема выдачи ханских ярлыков и природы отношений князей с ханами, а критерии, которыми руководствовались ордынские правители, утверждая того или иного великого князя. Можно с достаточной степенью уверенности утверждать, что в большинстве случаев ханы (как бы ни стремились некоторые авторы убедить в обратном) выдавали ярлыки на великое княжение именно тем русским князьям, которые имели наиболее законные права на него – либо в силу своего старшинства (по лествичному праву), либо по выбору и одобрению остальных князей². Исключения из этого правила нам известны только два. Первое относится к правлению хана Узбека, который, как известно, весьма ши-

¹ *Хафизова К. Ш.* Взаимоотношения Цинской империи с казахскими ханствами во второй половине XVIII века. Автореф. ... канд. ист. наук. М., 1973. С. 12.

² Примерами подобного выбора князей можно считать, в частности, утверждение великим князем Михаила Ярославич Тверского в ущерб Михаилу Андреевичу Суздальскому в 1305 г. или Дмитрия Константиновича Суздальско-Нижегородского в ущерб малолетнему Дмитрию Ивановичу Московскому (будущему Донскому) в 1359 г.

роко использовал свое право выдачи ярлыка на великое княжение, фактически злоупотребляя им. Второе связано с эпохой «Замятни великой», когда, во-первых, разные одновременно правившие ханы могли выдавать ярлыки на великое княжение разным претендентам, во-вторых, имел место своеобразный «аукцион», устроенный Мамаем в отношении великого княжения в 1371–1374 гг., и приведший, как известно к «розмирю» ряда русских княжеств, возглавляемых Москвой, с Золотой Ордой и, в конечном счете, к Куликовской битве¹.

И если со вторым исключением все более-менее ясно, то «волюнтаристское» отношение Узбека к назначению того или иного претендента на великое княжение, на наш взгляд, нуждается в более подробном изучении, поскольку не может быть объяснено исключительно непредсказуемостью характера этого хана, как мы склонны были считать ранее². Чтобы лучше понять причины, побудившие хана Узбека устроить «чехарду» великих князей в конце 1310-х – начале 1330-х гг., следует, опять же, обратиться непосредственно к истории Золотой Орды в данный период.

Дело в том, что хан Узбек, широко известный по мусульманским источникам введением ислама в качестве официальной религии в Золотой Орде, а по русским – весьма жесткой политикой в отношении русских княжеств, предпринял куда менее известную попытку административной реформы, подобно Токте, взяв за образец практику империи Юань. К этому времени административно-территориальное устройство монгольского Китая представляло собой определенное количество округов (тао) и «дорог» (лу). Как мы отмечали в одной из предыдущих работ, хан Узбек взял за основу этот принцип, разделив Золотую Орду, соответственно, на улусы во главе с улус-беками и тюмены во главе с даругами и темниками³.

¹ См. подробнее: *Почекаев Р. Ю.* Мамай. История «антигероя» в истории. СПб., 2010. С. 80–85.

² См., напр.: *Почекаев Р. Ю.* Цари ордынские. С. 117.

³ См.: *Почекаев Р. Ю.* Правовая культура Золотой Орды. С. 41–43.

Властный и амбициозный хан, по-видимому, предпринял попытку интегрировать в эту систему и русские земли – только этим можно объяснить смысл миссии его двоюродного брата Шевкала (печально известного «Щелкана Дудетьевича» из одноименной «Песни») в Тверь в 1327 г. Если доверять содержанию «Песни», то Шевкал-Щелкан намеревался отстранить от власти князя и править и судить в Твери сам¹. Безусловно, считать фольклорное произведение достоверным историческим источником не следует, тем более, что летописные сообщения о восстании в Твери не подтверждают таких намерений ханского родственника и называют его просто послом – пусть и с весьма широкими полномочиями². Тем не менее, осмелимся высказать предположение на основании «Песни», что Узбек мог предпринять попытку ввести прямое правление в русских княжествах, и Шевкал мог рассматриваться как один из «губернаторов», т.е. улус-беков. Однако крайне резкая реакция тверичей на его намерения вполне могла охладить реформаторский пыл хана и вернуться к уже сложившейся около четверти века назад системе «вай фань». Он лишь позволил себе достаточно произвольно назначать в качестве вассальных правителей тех русских князей в безусловной лояльности которых был уверен – таких, как Иван Калита.

Именно эта система в сочетании с сохранением «русских» баскаков или даруг, но уже в качестве сановников при ханском дворе позволила сохранять в той или иной степени вассалитет русских княжеств от Золотой Орды до XV в. включительно. Таким образом, можно считать, что золотоордынские административно-правовые институты на Руси действовали крайне недолго

¹ Древние российские стихотворения, собранные Киршио Даниловым. М., 1977. С. 26, 235–236. Почему такая попытка была предпринята именно в Твери? Рискнем предположить, что это могло быть связано с тем, что именно в Тверском княжестве начинался Волжский путь, и хан Узбек пожелал установить контроль над его началом и, соответственно, контролировать эту речную дорогу полностью.

² См., напр.: Полное собрание русских летописей. Т. XV. Рогожский летописец. Тверской сборник. М., 2000. Стб. 415–416.

и то – в период, когда статус русских княжеств относительно ордынских ханов не был окончательно определен.

Наконец, третий вопрос, который мы намерены рассмотреть в рамках настоящего исследования – это действие золотоордынской юрисдикции на Руси.

Сразу можно отметить, что из летописных источников нам неизвестно ни одного случая, чтобы ордынские ханы или их представители осуществляли суд непосредственно на территории того или иного русского княжества. Т. е., ордынская юрисдикция на Руси формально не действовала. Известны лишь три случая конца XIII – начала XIV вв., которые в какой-то мере могут быть отнесены к разрешению споров ордынскими властями на Руси, но и они не являлись «судом» как таковым.

Первый пример датируется 1287 г. и связан со спором о наследстве волынского князя Владимира Васильковича: сам наследодатель намеревался завещать владения своему двоюродному брату Мстиславу Данииловичу, с чем не соглашался галицкий князь Лев, старший брат Мстислава. Как раз в это время через Волынь проходил хан Тула-Буга, направлявшийся походом на Венгрию, и князь Владимир, заручившись его поддержкой, сумел заставить Льва согласиться с его завещанием¹.

Второй пример относится к 1296 или 1297 г.: между князьями Северо-Восточной Руси едва не разгорелась междоусобица, и из Золотой Орды был направлен посол Олекса Неврюй, собравший князей на съезд, на котором они договорились решать свои споры мирным путем.

Аналогичная ситуация представлена и в третьем примере, датируемом 1304 г., – речь идет о споре великого князя владимирского Андрея Александровича и его племянника московского князя Юрия Данииловича за Переяславль-Залесский. Вновь из Золотой Орды прибыли послы, вновь был созван княже-

¹ Полное собрание русских летописей. Т. II. Ипатьевская летопись. СПб., 1843. С. 213–214. См. также: Паушто В. Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М., 1950. С. 298.

ский съезд, на котором «чли грамоты, царевы ярлыки», в результате чего спор был решен миром, и Переяславль остался за Юрием¹.

Первый пример² являлся исключением: хан Тула-Буга лично рассмотрел спор и выразил свою волю в виде судебного решения на Воляни в 1287 г., всего лишь присутствуя тут «проездом», следуя походом на Польшу. Послы же, присутствовавшие на княжеских съездах 1296/1297 и 1304 гг. в Северо-Восточной Руси, всего лишь передали волю хана Токты о недопустимости междоусобиц, но никак не его окончательные решения по самим спорным вопросам. Таким образом, некорректно считать, что ханы лично или через уполномоченных представителей творили суд непосредственно в русских землях.

Таким образом, можно с уверенностью утверждать, что ханская юрисдикция действовала исключительно на территории самой Золотой Орды и не распространялась на русские княжества. И Рюриковичи прибегали к ханскому суду лишь в случаях споров между правителями отдельных княжеств, либо же между претендентами на княжеский стол в рамках одного княжества. В ряде же случаев ханы сами призывали на суд своих вассалов, в которых имели основание сомневаться, при этом иногда вассалов, нарушавших свои обязательства, ханский суд приговаривал к смерти. Все это в полной мере соотносится с отношениями «вассал-сюзерен», существовавшими между русскими княжествами и Золотой Ордой.

Подводя итог вышесказанному, мы можем прийти к выводу, что золотоордынские правовые институты в течение периода «монголо-татарского ига», как правило, не имели прямого действия на Руси. Отдельные его проявления можно объяснить особенностями политико-правового развития самой Золотой Орды, нашедшего отражение и в поисках наиболее оптимальных способов организации сюзеренитета над русскими княжествами. Степень действия (или бездействия) золотоордынского права на Руси не может быть выявлена как некое «статичное» явление, остававшееся неизменным на протяжении всего периода

¹ *Приселков М. Д.* Троицкая летопись. СПб., 2002. С. 347–348, 351.

² Детальный анализ этого судебного разбирательства см. в § 3 третьей главы.

пребывания русских земель под золотоордынским сюзеренитетом. Безусловно, в разные периоды степень влияния на Русь и даже прямого действия на Руси как ханских правовых актов, так и золотоордынской юрисдикции существенно изменялась. При этом, как ни странно, сами русские правители готовы были признавать непосредственное действие золотоордынского права на Руси (по крайней мере, на словах) как раз в тот период времени, когда у ханов Золотой Орды уже не было реальных возможностей обеспечить его.

Вышеприведенные наблюдения в какой-то степени позволяют уточнить позицию относительно того, являлись ли русские земли непосредственной частью Золотой Орды или нет. Как представляется, опосредованный характер действия правовых институтов Золотой Орды на Руси позволяет утверждать, что русские князья являлись все же вассалами, а не прямыми подданными золотоордынских ханов.

§ 3. ПОЧЕМУ СЕРГИЙ РАДОНЕЖСКИЙ ПРИЗЫВАЛ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ ДМИТРИЯ ИВАНОВИЧА НА БОРЬБУ С ОРДОЙ?

Сюжет о благословении Сергием Радонежским великого князя Дмитрия Ивановича на борьбу с Ордой накануне Куликовской битвы нашел отражение в ряде «памятников Куликовского цикла», а затем – и в исследованиях по истории русско-ордынских отношений последней четверти XIV в.¹ Общеизвестно, что отец Сергей не был пророком-отшельником, напротив, он активно участвовал в деятельности русской православной церкви и был выразителем именно ее интересов. Причем если одни авторы считают его исключительно подвижником и идеологом русского православия, другие, напротив – почти что конъюнктурным церковным деятелем, умело приспособившимся к политической ситуации и наиболее влиятельным политическим и высшим церковным кругам².

Не ставя под сомнение ни патриотизм святителя, ни его искреннее убеждение в необходимости освобождения Руси от ордынской зависимости, нельзя не учитывать, тем не менее, что за ним стояли влиятельные церковные круги. Причем речь идет не только о так называемых «московских старцах», которые формировали православную и патриотическую идеологию Северо-Восточной Руси в рассматриваемый период, но и тех церковных иерархов, которые в большей степени занимались укреплением и повышением статуса русской церкви и ее благосостояния, в том числе материального. Сергей Радонежский, сам, безусловно, не относившийся к этой части верхушки православного духовенства и никогда не стремившийся к материальным богатствам, тем не менее,

¹ Памятники Куликовского цикла. СПб., 1998. С. 34, 71, 150, 175, 231–232, 266; *Филарет, архиеп. Черниговский*. История русской церкви. Период второй, монгольский: от опустошения России монголами до разделения митрополии. 1237–1410. М., 1850. С. 24; *Гумилев Л. Н.* От Руси до России. М., 1994. С. 172; *Прохоров Г. М.* Русь и Византия в эпоху Куликовской битвы. Статьи. СПб., 2000. С. 37–38

² См.: *Борисов Н. С.* Русская церковь в политической борьбе XIV–XV вв. М., 1986. С. 93.

являлся выразителем и ее интересов. Тех самых интересов, которые в течение длительного времени гарантировали своей воли и своими указами-ярлыками ханы Золотой Орды, покровительствовавшие русской церкви и русскому духовенству. И, тем не менее, перед Куликовской битвой отец Сергей благословил великого князя и его войско на борьбу с Ордой.

Почему так произошло, и какие последствия имел отказ русской православной церкви от покровительства золотоордынских ханов? Прежде чем ответить на эти вопросы, считаем целесообразным кратко прояснить, от чего именно отказывалась русская церковь в лице Сергия Радонежского, благословляя великого князя на открытую борьбу со своими былыми покровителями.

Льготы и привилегии русской православной церкви в золотоордынский период достаточно подробно изучены историками. Основную информацию по данному вопросу содержат ханские ярлыки, сохранившиеся до нашего времени в русских переводах, причем в двух редакциях, несколько слов о которых мы скажем ниже. Естественно, самой главной и наиболее известной в историографии привилегией церкви в отношениях с золотоордынскими ханами являлся налоговый иммунитет: начиная с самого первого ярлыка, выданного ханом Менгу-Тимуром в 1267 г. митрополиту Кириллу, золотоордынские ханы освобождали русское духовенство от уплаты всех налогов и повинностей, которые должно было платить остальное население. И практически все последующие ханы (за немногочисленными исключениями) подтверждали положения исходного ханского указа – иногда с некоторыми вариациями¹.

Впрочем, следует отметить, что наличие ханских ярлыков, представлявших собой жалованные или тарханные (т.е. предоставляющие налоговый иммунитет) грамоты русским митрополитам и возглавляемой ими православной церкви, отнюдь не свидетельствует о каком-то особом отношении золотоордынских ханов именно к русской церкви. Традиция таких документов является даже не золотоордынской: первый такой ярлык был выдан самим Чингис-ханом

¹ Памятники русского права. С. 445–471. См. также: *Почекаев Р. Ю.* Правовая культура Золотой Орды С. 184–200.

в 1223 г. и был дарован знаменитому даосскому патриарху Чан-Чуню, освобождая его всех остальных китайских даосов от налогов, сборов и повинностей¹. Впоследствии все монгольские ханы – потомки Чингис-хана, правившие в различных государствах, выделившихся из состава Монгольской империи, жаловали подобные ярлыки главам всех конфессий, присутствовавших в их владениях. На таких же основаниях получила свои привилегии и русская православная церковь от ханов Золотой Орды, которые ссылались в своих ярлыках на волю не первого золотоордынского хана Менгу-Тимура, а Чингис-хана, создавшего прецедент пожалования подобных иммунитетов духовенству.

Среди шести сохранившихся до нашего времени золотоордынских ярлыков и грамот русской церкви несколько особняком стоит «ярлык» ханши Тайдулы некоему «Иоану митрополиту», датированный 26 сентября 1347 г. Исследователи обращали на него внимание, поскольку никакого митрополита с именем Иоанн в то время на Руси не было, в связи с этим высказывалось несколько версий о том, кем в действительности являлся адресат данного документа². Однако мало кто из специалистов обращал внимание на то, что выдавшая ярлык правительница адресовала его не только церковному иерарху, подтверждая привилегии церкви, дарованные прежними ханами, но и русским князьям во главе с великим князем владимирским Семеном Ивановичем, сыном Ивана Калиты, предписывая им не вмешиваться в церковные дела, не взимать с церкви и духовенства никаких налогов и сборов и не налагать повинностей³. Таким образом, из этого документа мы узнаем, что золотоордынские ханы не только сами воздерживались от вмешательства в церковные дела, но и запрещали делать это русским князьям, что те и соблюдали, выдавая конкретные

¹ *Палладий*. Си ю цзи или описание путешествия на Запад // Труды членов российской духовной миссии в Пекине. Т. IV. СПб., 1866. С. 375–376.

² *Григорьев А. П.* Сборник ханских ярлыков русским митрополитам. С. 67–71; *Сочнев Ю. В.* Об адресате ярлыка Тайдулы русскому иерарху Иоану.

³ Памятники русского права. С. 466–467.

грамоты отдельным монастырям¹. Неудивительно, что, начиная с 1260–1270-х гг. русская церковь предпочитала поддерживать мирное сосуществование с ордынскими ханами и даже сотрудничать с ними – через посредничество как митрополитов всея Руси, так и через сарайскую епархию, главы которой («сарские» епископы) de-facto являлись не только подчиненными русских митрополитов, но и подданными ханов Золотой Орды, поручения которых выполняли и на Руси, и в Византии.

Почему же русская церковь, в течение длительного времени пользовавшаяся такими милостями от ордынских ханов, вдруг решила поддержать борьбу против них русских князей? Дело в том, что к середине 1370-х гг. сложилась такая политико-правовая ситуация, в которой для сохранения прежнего статуса церкви приходилось сменить покровителя, нарушив более чем вековую традицию сотрудничества с Золотой Ордой. Начавшаяся на рубеже 1350–1360-х гг. ордынская междоусобица, фигурирующая в русских летописях как «замятня великая», привела к существенному ослаблению ханской власти и переходу отдельных ее прерогатив к русским князьям, над владениями которых ослаб ордынский контроль. Дошло даже до того, что уже в первой половине 1360-х гг. отдельные князья стали жаловать своим подданным тарханные грамоты, являвшиеся, по сути, «калькой» с золотоордынских иммунитетных ярлыков: подобная ситуация еще десятилетием раньше была бы попросту невозможной!

1374 г. стал поворотным этапом в истории русско-ордынских отношений: в этом году великий князь владимирский Дмитрий Иванович Московский открыто отказался повиноваться ордынским правителям (и в первую очередь могущественному беклер-беку Мамаю и поддерживаемому им хану Мухаммаду), что нашло отражение в русских летописях под названием «розмирье». И в этом же году в Нижнем Новгороде было захвачено и истреблено золотоордынское посольство «Сарайки» (Сарай-аки), причем вдохновителем расправы нижегородцев с послами стал ни кто иной как епископ суздальский и нижегородский

¹ Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы XIV–XV вв. Ч. 2. М.; Л. 1951. С. 124–126.

Дионисий, сам едва не пострадавший во время этих событий¹. Таким образом, церковь в лице одного из своих влиятельнейших иерархов открыто заявила о своем противостоянии с ордынскими властями.

Вполне очевидно, что высшее духовенство пришло к выводу о бесперспективности дальнейшего сотрудничества с ордынскими ханами, которые, во-первых, уже не обладали таким влиянием на Руси, а во-вторых, сменяли друг друга на троне иногда даже по несколько раз в год. Не было для руководства церкви тайной и постепенное присвоение русскими князьями полномочий по выдаче грамот, которые ранее выдавались только золотоордынскими ханами. Соответственно, теперь именно от воли князей стал зависеть особый привилегированный статус русской церкви и духовенства, наличие или отсутствие у него соответствующих иммунитетов. В связи с этим церковные иерархи стали стремиться к получению подтверждения своих прежних прав и привилегий уже не от преемников прежних золотоордынских ханов, а от своих же русских князей. Именно 1374 г. датируется несколько грамот великого князя Дмитрия Ивановича монастырям (также тарханных, т.е. прямо заимствованных из золотоордынской правовой практики)². На наш взгляд, этот факт свидетельствует о том, что тем самым великий князь показывал, что право выдачи таких грамот перешло к нему от прежних сюзеренов – золотоордынских ханов, власть которых он отказывался отныне признавать.

Церковь, заинтересованная в правовом обеспечении своего привилегированного статуса со стороны тех, кто теперь обладал реальной властью, т.е. русских князей во главе с великим князем владимирским, пошла на тесное сотрудничество с ними подобно тому, как прежде сотрудничала с ханами Золотой Орды. И если ранее духовенство молилось за здоровье «царей ордынских», то теперь оно активно формировало православную и патриотическую идеологию,

¹ Полное собрание русских летописей. Т. XI. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. М., 2000. С. 21.

² Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. II. СПб., 1846. С. 9; Акты социально-экономической истории Северо-Западной Руси конца XIV – начала XVI в. Т. I. М., 1952. С. 25–26.

в соответствии с которой противостояние русских правителей своим прежним сюзеренам не только не являлось мятежом, но и было богоугодно. Некоторые исследователи даже утверждают, что противостояние Москвы с Ордой, кульминацией которого стала Куликовская битва, стало результатом идеологической победы «партии» Сергия Радонежского над своими противниками в лоне самой же русской православной церкви¹. В результате такой символический акт, как благословение отцом Сергием великого князя на битву с ордынским ханом, стал логическим продолжением новой идеологической и политической ориентации русской церкви на тех, от кого с недавнего времени стало зависеть ее положение.

Новый порядок взаимоотношений церкви и светских властей оказался настолько прочным, что после 1374 г. церковь перестала нуждаться в подтверждении своих привилегий со стороны ханов Золотой Орды. Конечно, хорошо известен последний из таких ярлыков – «ярлык Тюляка», т.е. хана Мухаммада (Булака), ставленникам Мамай, выданный в 1379 г. «Михаилу митрополиту», т.е. Митяю – ставленнику великого князя Дмитрия Ивановича на митрополичий стол. Однако этот акт (хотя и включенный в собрание золотоордынских актов русским митрополитам) не отражал реального положения вещей: просто незадолго перед Куликовской битвой, уже потерпев от русских князей сокрушительное поражение на Воже, Мамай предпринял последнюю отчаянную попытку договориться с прежними вассалами, надеясь опереться на церковь, прежде так активно поддерживавшую власть золотоордынских «царей» на Руси. Таким образом, на этот раз не глава русской православной церкви проявил инициативу в получении ярлыка от ордынского монарха, а напротив – золотоордынский временщик от имени своего хана сам предлагал ярлык русской церкви! Мы не знаем, какое значение придавалось этому ярлыку на Руси, да и сам Митяй скончался при таинственных обстоятельствах по дороге в Константинополь, куда он отправился на поставление². Как бы то ни было, ярлык

¹ Прохоров Г. М. Русь и Византия в эпоху Куликовской битвы. С. 37.

² Почекаев Р. Ю. Мамай. С. 87–89. Тем не менее, этот документ не только вошел в собрание ханских ярлыков русским митрополитам, но и открывает его.

«Тюляка» носил чисто формальный характер, и после него нам неизвестно ни одного ханского ярлыка русской церкви – даже после того, как новый хан Токтамыш два года спустя после Куликовской битвы захватил и сжег Москву, восстановив сюзеренитет Золотой Орды над Северо-Восточной Русью. Несмотря на провал попытки освобождения из вассальной зависимости, великий князь Дмитрий Иванович (уже Донской) сумел добиться некоторых, но весьма существенных изменений в своем статусе относительно Орды. Главным из них стало то, что он получил право передавать не только московский стол, но и великое княжение своим потомкам: в духовной грамоте Дмитрия Донского оно упоминается как его «отчина», т.е. наследственное достояние. Кроме того, по всей видимости, с того же времени ханы Золотой Орды признали, что к русским великим князьям переходят и права по регулированию статуса русской православной церкви.

Имела ли для духовенства подобная смена покровителей значительные положительные последствия? Если и имела, то не всегда. В частности ровно тридцать лет спустя после «розмирья» Дмитрия Московского с Золотой Ордой и демонстрации Дионисием Суздальским враждебности церкви по отношению к ордынским властям, в 1404 г. великий князь владимирский и московский Василий, сын Дмитрия Донского, заключил с главой русской церкви митрополитом Киприаном договор, частично подтверждавший прежние привилегии, дарованные ордынскими ханами, в частности – судебный иммунитет церкви в отношении духовенства, освобождение от некоторых налогов и сборов. Однако в этом же документе присутствовало положение: «А коли дань дати в татары, тогды и оброк дати церковным людем»¹, т. е. великий князь предписал духовенству также участвовать в выплате ордынского выхода! Подобное требование со стороны ордынских ханов имело место всего лишь однажды: в 1342 г. хан Джанибек, только что вступивший на трон и нуждавшийся в деньгах для своих военных предприятий, попытался обложить данью и русскую церковь, однако ее глава, митрополит Феогност (хотя и с немалым трудом и расходами) сумел убедить его отказаться от такого решения. Сам хан, впрочем, формально соб-

¹ Русский феодальный архив XIV – первой трети XVI века. Т. I. М., 1986. С. 66–68.

ственного ярлыка не отменил, но его мать, вышеупомянутая ханша Тайдула, в течение длительного времени влиявшая на политику Золотой Орды, собственными грамотами – сначала также упомянутому выше таинственному «Иоану митрополиту» (в 1347 г.), а затем и самому Феогносту (в 1351 г.) подтвердила налоговый иммунитет русской церкви¹. Теперь же, в 1404 г., его нарушал не «поганый» золотоордынский хан, а «свой», православный великий князь. Впрочем, исследователи по истории взаимоотношений государства и церкви в рассматриваемое время характеризуют конец XIV – начало XV вв. как «период неустойчивого равновесия», так что, по-видимому, светские государи и церковь все еще адаптировались к новым условиям, в которых уже не от ордынских ханов, а от русских же князей зависело положение духовенства.

Осознав свои возможности в связи с переходом права определять статус русской православной церкви, великие князья со временем стали в какой-то степени (по крайней мере, в глазах духовенства) злоупотреблять ими, все чаще и чаще покушаясь на прежние церковные привилегии и иммунитеты. И в этих условиях церковь пошла на шаг, который можно расценить как некую «иронию истории»: в борьбе за сохранение своих прав и привилегий церковные иерархи вновь обратились к жалованным грамотам золотоордынских ханов, признавать власть и пожалования которых они отказались в 1370-е гг.! В середине XV в. составляется краткая коллекция ханских ярлыков, в которую вошли три документа, имевшие основание действительно называться ярлыками, т.е. ханскими указами (акты Менгу-Тимура, Бердибека и «Тюляка»), а также три грамоты ханши Тайдулы, которые не могут претендовать на название «ярлык», поскольку выданы не от имени монарха Золотой Орды. В начале же XVI в. появляется так называемая пространная коллекция ханских ярлыков русским митрополитам: вероятно, неудовлетворенные содержанием подлинных ярлыков, вошедших в краткую редакцию, церковные иерархи решили дополнить ее откровен-

¹ *Приселков М. Д.* Ханские ярлыки русским митрополитам. Пг., 1916. С. 72–79.

ной фальсификацией – «ярлыком Узбека», текст которого содержит поистине беспрецедентные права и привилегии русской православной церкви¹.

Конечно, нельзя трактовать создание коллекции ханских ярлыков как намерение руководства русской церкви вновь прибегнуть к покровительству ханов Золотой Орды – тем более, что ко времени составления пространной коллекции она вообще прекратила свое существование, будучи разгромленной крымским ханом Менгли-Гиреем в 1502 г. Просто, ссылаясь на ханские ярлыки, церковь давала понять светским властям, что если даже «поганые» золотоордынские монархи признавали и поддерживали ее привилегии, то «своим», православным государям тем более не следует покушаться на ее статус, права и владения.

Таким образом, можно отметить достаточно противоречивую позицию русской православной церкви в отношении Золотой Орды и ее актов, адресованных православному духовенству на протяжении последней четверти XIV–XV вв.: церковные иерархи то полностью отмежевывались от связей с «царями ордынскими», то вновь апеллировали к их волеизъявлению даже в противостоянии с русскими князьями с целью сохранения собственного статуса и влияния в обществе. Высказывалось даже вполне обоснованное мнение, что свою роль в анти-ордынской борьбе московских государей церковь подчеркнула «задним числом», тогда как на протяжении этой борьбы она занимала выжидательную позицию². Благословение Сергия Радонежского в этом контексте, таким образом, является знаковым событием в политической (как и церковной) истории России, однако вовсе не означает, что русская православная церковь на рубеже 1370–1380-х гг. раз и навсегда сформулировала свою однозначно враждебную политику в отношении Золотой Орды и признала недействительными выданные ее правителями указы и грамоты.

¹ Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы XIV–XV вв. С. 54–57. См. также: Григорьев А. П. Время составления краткой коллекции ханских ярлыков русским митрополитам // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. Вып. 8. 1985. С. 93–134.

² Борисов Н. С. Русская церковь в политической борьбе XIV–XV вв. С. 196. См. также: Русский феодальный архив XIV – первой трети XVI века. Т. II. М., 1987. С. 268–270, 275–277.

§ 4. «ОРДЫНСКАЯ АЛЬТЕРНАТИВА»:
ОТРАЖЕНИЕ ВАРИАНТОВ РАЗВИТИЯ ОТНОШЕНИЙ
С ЗОЛОТОЙ ОРДОЙ В ДУХОВНЫХ И ДОГОВОРНЫХ ГРАМОТАХ
РУССКИХ КНЯЗЕЙ XIV–XVI ВВ.

Духовные и договорные грамоты русских князей длительное время изучаются исследователями истории русско-ордынских отношений. В первую очередь, они рассматриваются как источник о политических взаимоотношениях Золотой Орды и русских княжеств – именно в таком качестве привлекают их, в частности, Л. В. Черепнин¹, А. А. Зимин², А. Б. Мазуров³, Ю. В. Селезнев⁴.

В качестве источника сведений о выплате дани (выхода) в Золотую Орду княжеские духовные и договорные грамоты исследуются Т. Ботор, А. А. Горским, В. А. Кучкиным⁵.

Небольшая, но весьма содержательная работа А. Д. Горского¹, по сути, представляет собой контент-анализ содержания духовных и договорных грамот

¹ Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы XIV–XV вв. Ч. 1. М.; Л., 1948.

² См., напр.: Зимин А. А. Витязь на распутье: Феодальная война в России XV в. М., 1991; Он же. Россия на рубеже XV–XVI столетий (Очерки социально-политической истории). М., 1982.

³ Мазуров А. Б. Утверждались ли духовные грамоты Ивана Калиты в Орде? // Вопросы истории. 1995. № 9. С. 143–153.

⁴ Селезнев Ю. В. «А переменить богъ Орду...» (русско-ордынские отношения в 1382–1434 гг.). Воронеж, 2020 (1-е изд. – 2006 г.).

⁵ Ботор Т. «А переменить Богъ Орду...»; Горский А. А. Полтина деревни и с двух сох рубль; Кучкин В. А. Ордынский «выход» по материалам душевных и договорных грамот русских князей XIV–XVI в.) // Комплексный подход в изучении Древней Руси: Материалы X Международной научной конференции. Москва, 9–13 сентября 2019 года. М., 2019. С. 110–111; Он же. Завоевание Руси Батыем и ордынский «выход». Весьма примечательно, что историк права В. В. Еремян, посвятивший «ордынской Руси» объемный трехтомник, в котором более ста страниц отведено как раз проблеме дани в Орду, ни разу не сослался на этот источник, см.: Еремян В. В. Ордынская Русь (от общины-государства к уделу-вотчине). Т. 3. М., 2015. С. 197–310.

на предмет включения в них различных аспектов русско-ордынских отношений, ордынской политической и правовой терминологии. Несомненно, это направление в изучении соответствующих документов является весьма перспективным и заслуживает продолжения.

Особо следует выделить исследования В. А. Кучкина, на протяжении ряда лет осуществляющего комплексный источниковедческий анализ духовных и договорных грамот русских князей, включая издание, комментирование соответствующих документов и сравнительный анализ их разных версий и редакций².

В настоящем исследовании автор намерен продолжить изучение духовных и договорных грамот русских князей как источника сведений о русско-ордынских отношениях, уделив особое внимание такому вопросу как принятие властных решений русскими князьями с учетом складывания отношений с Улусом Джучи на том или ином этапе. Интерес к теме вызван тем, что процесс принятия таких решений не был столь простым и однозначным – более того, он предполагал возможность принятия прямо противоположных (альтернативных) решений в той или иной ситуации, причем выбор не всегда зависел от воли князя или князей, которому (которым) предстояло принять соответствующее ре-

¹ Горский А. Д. Отражение русско-ордынских отношений в духовных и договорных грамотах великих и удельных князей XIV – начала XVI века // Горский А. А. Москва и Орда. М., 2000. С. 190–195.

² См., напр.: Кучкин В. А. Договорные грамоты московских князей XIV века: внешнеполитические договоры. М., 2003; *Он же*. Внутриполитические договоры московских князей XIV в. // Вестник РГНФ. № 1. 2008. С. 34–43; *Он же*. Издание завещаний московских князей XIV в. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2008. № 2. С. 129–132; Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2008. № 4. С. 97–101; Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2009. № 1. С. 93–100; Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2009. № 3. С. 132–136; *Он же*. Последнее завещание Дмитрия Донского // Средневековая Русь. Ч. 3. 2001. С. 106–183; *Он же*. Последний договор Дмитрия Донского // Средневековая Русь. Вып. 7. 2007. С. 275–316; *Он же*. Три завещания Василия I // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2016. № 2. С. 33–54.

шение. Следует отметить, что этот вопрос уже затрагивался исследователями¹, однако новизной настоящего исследования мы считаем систематизацию результатов ранее проведенных исследований и анализ данных княжеских грамот на протяжении длительного периода – XIV – первой трети XVI в.

С учетом колоссальной работы, уже проделанной вышеупомянутыми исследователями, мы намерены на основе анализа княжеских духовных и договорных грамот выделить основные тенденции в процессе принятия альтернативных решений, сгруппировав их хронологически. Такой подход представляется оправданным, поскольку, как мы постараемся показать ниже, именно от того, на какой стадии своего развития находилась сама Золотая Орда в тот или иной период своей истории, зависели альтернативные варианты выстраивания отношений с ней русских правителей.

Первые грамоты, в которых проявляется такая «ордынская альтернатива», относятся к первой половине – середине XIV в.: речь идет о духовных грамотах московских князей Ивана Калиты и его сына Ивана Красного². Именно в грамоте Ивана Даниловича Калиты (п. 14) присутствует выразительная фраза, часто использовавшаяся для характеристики особенностей отношения русских земель (и, в частности, Московского княжества): «А по моим грехом ци имут искати татарове которые волости, а отыимуться, вам, сыном моим, и княгини моеи поделити вы ся опять тыми волостми на то место»³. Аналогичное положение (п. 13) присутствует и в духовной грамоте его сына Ивана Ивановича Красного: «А ци по грехом, имути искати из Орды Коломны, или Лопастеньских мест,

¹ См., напр.: *Кучкин В. А.* Договорные грамоты московских князей XIV века. С. 199; *Селезнев Ю. В.* «А переменить богъ Орду...». С. 76.

² Подчеркнем, что речь идет именно о статусе завещателей как московских князей (а не великих владимирских), поскольку в их духовных грамотах рассматриваются вопросы и проблемы наследования территорий, входящих в удельный московский, а не великокняжеский домен.

³ *Кучкин В. А.* Издание завещаний московских князей XIV в. [1339 г.] Вторая душевная грамота великого князя Ивана Даниловича Калиты // *Древняя Русь. Вопросы медиевистики.* 2008. № 2. С. 130.

или отменньных мест рязанских, а по грехом, ци отъимется которое место, дети мои, князь Дмитрии, княь Иван, князь Володимер, и княгини в то место поделятся безъпеньными месты»¹.

В данном случае, как видим, возможность для выбора была невелика: фактически речь идет о своеобразном «форс-мажоре» – «придут» ли представители ордынских властей или нет². Соответственно, и вопрос о выборе соответствующего поведения зависел именно от этого: если никаких претензий со стороны Золотой Орды не возникало, то наследникам не было необходимости и заниматься перераспределением владений, полученных от наследодателя.

Исследователи совершенно справедливо отмечают, что речь идет вовсе не о московских владениях в целом или какой-то части родовых владений московской княжеской династии (в отличие, например, от небезызвестного требования «Дай Галич!», адресованного золотоордынским правителем Бату в послании Даниилу Галицкому 1245 г.). Речь идет о неких «примыслах», право Москвы на владение которыми представлялось спорным. И если в завещании Ивана Калиты они упоминаются в довольно абстрактной форме («которые волости»), то в духовной грамоте его сына они указаны вполне однозначно – это Коломна, Лопасня с округой и некие «места рязанские».

В самом деле, как известно, на протяжении долгого времени упомянутых территории неоднократно являлись предметом вражды Московского и Рязанского княжества и неоднократно переходили из рук в руки. При этом, судя по всему, князья не считали нужным вовлекать ордынские власти в решение спора о претензиях на эти земли. Именно поэтому в завещании Ивана Калиты воз-

¹ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV-XVI вв. / Подг. К печати Л. В. Черепнина. М.; Л., 1950. С. 15, 18. См. также: Кучкин В. А. Издание завещаний московских князей XIV в. [1359 г.] – первая душевная грамота великого князя Ивана Ивановича // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2008. № 4. С. 99; Он же. Издание завещаний московских князей XIV в. [1359 г.] – вторая душевная грамота великого князя Ивана Ивановича // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2009. № 1 (35). С. 96.

² Ср.: Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы XIV-XV вв. С. 18; Мазуров А. Б. Утверждались ли духовные грамоты Ивана Калиты в Орде? С. 146–147.

можность того, что ордынские власти «имут искати... которые волости» и, тем более, могут их отнять, рассматривалась, по всей видимости, достаточно гипотетически

Примечательно, что в духовной грамоте Симеона Гордого, старшего сына и первого преемника Калиты, вопрос о вероятности отнятия указанных волостей даже не затрагивался¹. Вполне возможно, что в глазах этого князя «примыслы» его отца, не оспоренные при его жизни, являлись уже частью родового удела – вотчины.

Однако ко времени правления Ивана Красного ситуация несколько изменилась: ханов Золотой Орды к середине XIV в. стало беспокоить существенное усиление Москвы, постоянное пребывания именно московских князей на великокняжеском столе и т. д. Неслучайно уже хан Джанибек в свое время предпринимал определенные шаги по ограничению власти московских Рюриковичей². Аналогичную политику старался проводить его сын и наследник Бердибек, который в 1358 г. направил в русские земли своего родственника («царева сына») «Момата Хожу» – вероятно, Мухаммад-ходжу, которому было поручено разрешить территориальные споры между Москвой и Рязанью³. Решение ханского посла (несомненно, заранее согласованное с самим Бердибеком) было не в пользу Москвы, соответственно, Иван Красный мог ожидать и дальнейших невыгодных для московского правящего дома ордынских шагов, что и объясняет необходимость включения в завещание конкретных земель⁴.

¹ См.: *Кучкин В. А.* Издание завещаний московских князей XIV в. [1353 г., апреля 24–25] Душевная грамота великого князя Семена Ивановича // *Древняя Русь. Вопросы медиевистики.* 2008. № 3. С. 123–125.

² См. подробнее § 3 третьей главы.

³ Полное собрание русских летописей. Т. X. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. М., 2000. С. 230.

⁴ *Черепнин Л. В.* Русские феодальные архивы XIV–XV вв. С. 29; *Горский А. А.* Московские «примыслы» XIII–XV вв. // *Средневековая Русь.* Вып. 5. М., 2004. С. 124–126; *Кучкин В. А.* Духовные грамоты московского великого князя Ивана Ивановича Красного // Там же. С. 236–237.

Вместе с тем, позволим себе предположить, что, перечислив спорные «примыслы», князь Иван Иванович, вместе с тем, обозначил круг владений, которыми при неблагоприятных обстоятельствах можно было бы пожертвовать в целях сохранения позитивных отношений с Золотой Ордой. Несомненно, «примыслов» у московских князей было гораздо больше (это также вытекает из их духовных грамот), но за сохранение других наследникам Ивана Красного следовало бороться более упорно.

Уже вскоре после кончины князя Ивана Ивановича в истории Улуса Джучи наступает один из самых драматичных периодов, получивший в русских летописях выразительное название «Замятня великая»: гражданская война 1359–1380 гг., поставившая Золотую Орду на грань распада. В изменившихся условиях у русских князей появились новые возможности выстраивания альтернативных путей развития отношений с ханами-Джучидами.

Впрочем, не следует считать, что Рюриковичи с самого начала ордынской междоусобицы стали рассматривать возможность изменения формата отношений с сюзеренами: вплоть до начала 1370-х гг. ханы Золотой Орды продолжали восприниматься как законные повелители, чью волю следовало исполнять. Это нашло отражение, в частности, в договорной грамоте московского князя Дмитрия Ивановича (будущего Донского) с литовским великим князем Ольгердом 1371 (1372) г., в которой присутствовало следующее положение: «А что пошли в Орду ко ц(а)рю люд(и) жаловаться на княз(я) на Михаила, а то есмы въ б(ож)ьи воли и во ц(а)р(е)ве, как повелит, так ны делати, а то от нас не в ызмену»¹. Таким образом, вовлечение Орды в разрешение московско-тверского спора, казалось бы, изначально отвергавшееся в условиях договора², в то же время допускалось как проявление воли бога и самого «царя», т. е. хана-сюзерена, что давало москвичам значительную свободу выбора, а также право рассчитывать

¹ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. С. 22. См. также: *Кучкин В. А.* Московско-литовское соглашение о перемирии 1372 г. // *Древняя Русь.* 2000. № 2 (2). С. 6–7.

² Ср.: *Черепнин Л. В.* Русские феодальные архивы XIV–XV вв. С. 47.

на ордынские санкции против Твери за ее союз с Великим княжеством Литовским, к этому времени весьма агрессивно претендовавшим на ряд ордынских владений в южнорусских степях и Северном Причерноморье.

Безусловно, этот пассаж не следует рассматривать как неоспоримое признание полной власти Джучидов над русскими землями и над Московским княжеством в частности. И в более ранние, и в более поздние периоды Рюриковичи могли себе позволить если и не игнорировать волю ханов в целом, то, по крайней мере, исполнять ее в той степени, в какой это не противоречило их собственным интересам.

Но уже пару лет спустя между Дмитрием Ивановичем Московским и Мамаем – фактическим правителем западной части Улуса Джучи наступает «розмирье»¹. По всей видимости, его причиной стали неоднократные выдачи Мамаем (от имени его марионеточного хана Мухаммада – Булака) ярлыка на великое владимирское княжение то Дмитрию Московскому, то Михаилу Тверскому. В результате в княжеских грамотах уже открыто начинает фигурировать новый набор альтернативных вариантов поведения Рюриковичей в отношении Золотой Орды.

Наиболее ярким и известным в историографии является, пожалуй, окончание Дмитрия Ивановича Московского с Михаилом Александровичем Тверским 1375 г., заключенное после сдачи Твери союзным силам Великого княжества Владимирского. Соответствующие пассажи представлены следующим образом: «А имут нас сваживати татарове, и имут давати тебе нашу вотчину, великое княженье, и тебе ся не имати, ни до живота. А имут давати нам твою вотчину Тферь, и нам ся тако же не имати, и до живота... А с татары будет нам мир по думе. А будет нам дати выход, по думе же, а будет не дати, по думе же. А пойдут на нас татарова или на тебе, битися нам и тебе с одного всем противу их. Или мы поидем на них, и тебе с нами с одного пойти на них»².

¹ Кучкин В. А. Договорные грамоты московских князей XIV века. С. 199.

² Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. С. 26.

Нельзя не обратить внимания, насколько расширился круг альтернативных вариантов выстраивания отношений с Золотой Ордой. Если в грамотах Ивана Калиты и Ивана Красного всего лишь допускалась вероятность вмешательства ордынцев в территориальные споры Москвы с Рязанью, а в соглашении с Литвой – отправки жалоб в Золотую Орду на действия Твери, то здесь рассмотрен обширный перечень возможных вариантов поведения.

Во-первых, речь идет о том, как каждая из договаривающихся сторон должна была себя вести в случае, если ордынские власти предложат другой стороне «вотчину» первой. Естественно, в данном случае речь шла о закреплении официального отказа тверского князя Михаила от претензий на великокняжеский стол: вряд ли москвичи в то время могли рассчитывать на присоединение Тверского княжества к своим владениям. Тем не менее, сама формулировка представляется весьма интересной: если власти Улуса Джучи проявят такую инициативу – обеим сторонам ее следует игнорировать, что уже позволяет говорить о неповиновении ослабевающему сюзерену¹.

Во-вторых, целая серия вариантов выстраивания совместной политики русских земель в отношении Орды предусматривает широкий спектр действий – от продолжения выплаты выхода и до открытых боевых действий. Несомненно, причиной таких взаимоисключающих вариантов могла стать неопределенность ситуации в самом Улусе Джучи, которая менялась с калейдоскопической скоростью. Поэтому, хотя высказанные намерения не только «биться... противу них», но и самим «пойти на них» нашли отражение в официальном, публично-правовом документе, первая часть пассажа – «дати» или «не дати» выход – отчасти сглаживала эти воинственные планы. Кроме того, «лазейкой» в случае недовольства правителей Улуса Джучи условиями такого соглашения оставалась также оговорка о том, что любые совместные действия князьями должны были приниматься «по думе», т. е. с их общего согласия².

¹ Ср.: *Черепнин Л. В.* Русские феодальные архивы XIV–XV вв. С. 53.

² Ср.: Там же. С. 53–54.

Столь явные анти-ордынские настроения, высказанные в московско-тверском докончании 1375 г., казалось бы, могли объясняться тем, что как раз в это время начался очередной этап политического кризиса в Улусе Джучи: Мамай в очередной раз утратил контроль над Сараем, появилось сразу несколько претендентов на ханский трон в разных частях улуса и из разных ветвей рода Джучидов. Однако подобная риторика сохранилась даже после того, как кризис был преодолен, и наступило единодержавие хана Токтамыша, который не только завершил гражданскую войну, но и впервые в ордынской истории объединил под властью одного хана оба крыла Улуса Джучи.

Так, в 1382 г., когда власть Токтамыша над Золотой Ордой была неоспоримой, а его позиция по отношению к русским землям проявилась достаточно четко – в виде его рейда на Москву в августе 1382 г., – а русские князья один за другим признавали его власть, был заключен договор между Москвой и Рязанью¹, в котором дублировались некоторые положения московско-тверского докончания. В частности, в нем присутствует такой пункт: «А с татары аже будет кн(я)зю великому Дмитрию мир и ег(о) брат кн(я)зь Володимер или данье, ино и князю великому Ольгу мир или данье с одиного со князем с великим з Дмитрем. А будет немир князю великому Дмитрию и брату его княю Володирмеру, с татары, князю великому Ольгу быти с князем с великим с Дмитрием и с его братом с одиного на татар и битися с ними»².

Вполне вероятно, что подобные условия в гораздо большей степени были приемлемы для рязанского князя, нежели для тверского: ведь именно Рязань являлась ближайшим вассалом Золотой Орды. И, как следствие, именно ее земли чаще других становились объектами ордынских набегов и страдали – причем

¹ Мы опираемся на мнение Л. В. Черепнина, который, отмечая отсутствие четкой датировки этого соглашения, все же считает более вероятным его заключение после нашествия Токтамыша на Москву, нежели более ранний период, см.: *Черепнин Л. В.* Русские феодальные архивы XIV–XV вв. 54–58.

² Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. С. 30. См. также: *Кучкин В. А.* Договорные грамоты московских князей XIV века. С. 263.

даже в тех случаях, когда целью того или иного рейда являлось другое княжество. Соответственно, вероятность нападения джучидских войск на Рязанское княжество в будущем оставалась не менее высокой, и возможность совместного противодействия им – не говоря о том, чтобы самим перейти в наступление! – не могла не привлекать рязанского правителя

Интересно отметить, что положения, вошедшие в докончания Дмитрия Донского с Тверью и Рязанью, в той или иной степени оставались актуальными и для более позднего времени. Так, в докончании, заключенном с Михаилом Александровичем Тверским в 1396 г. уже наследником Дмитрия Донского – его старшим сыном, великим князем Василием I¹, практически дословно воспроизводятся положения о том, как каждому из князей следует себя вести, если его «вотчину» хан предложит другому участнику договора, а также о совместном отражении нападений ордынских войск².

Вместе с тем, весьма знаковым проявлением изменившейся ситуации является отсутствие в этой грамоте положения о том, что русские князья сами могут пойти на Золотую Орду походом. Более того, рассматривается даже такая ситуация: «А что есмь воевал со царем, а положит на нас в том царь виноу, и тебе, брате, в том намъ не дати ничего ни твоим детем, ни твоим внучатом, а в том нам самими вдатися». Т. е., речь идет о том, что московский князь принимал на себя всю ответственность за противостояние с ханом, в случае, если правитель Золотой Орды мог обвинить его в мятежных действиях против сюзерена³. Любопытно, что договор был заключен в весьма драматичный для Золотой Орды период – эпоху нашествия эмира Тимура на джучидские владения, сопровождавшиеся разорением ордынских городов, разрушением торговой инфраструк-

¹ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. С. 41.

² Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы XIV–XV вв. С. 84–85.

³ Кучкин В. А. Договорные грамоты московских князей XIV века. С. 298. По мнению В. А. Кучкина такой «войной» мог считаться поход московских войск на Волжскую Болгарию 1395–1396 гг., в ходе которого был разгромлен местный правитель – царевич Ентяк, см.: Там же. С. 299–303.

туры и неоднократной сменой ханов. Тем не менее, столь «миролюбивые» (по крайней мере, по сравнению с докончанием 1375 г.) положения этого соглашения, могут объясняться, возможно, опасением столкновения либо с самим Тимуром, либо с кем-то из его ставленников, которых в это время поддерживал могущественный золотоордынский государственный деятель Идигу (Едигей). Неслучайно только в случае прямой агрессии против русских земель договор предусматривает открытие военных действий против «рати татарской». Примечательно, что, допуская такой вариант развития событий, Василий I характеризует его «по грехом», т. е., прибегает к той же риторике, что его прадед Иван Калита и дед Иван Красный в своих духовных грамотах. Нет сомнения, что в сложившихся условиях Улус Джучи, несмотря на очередную смуту, не рассматривался в качестве столь же ослабевшего государства, сколь в эпоху «заятнни великой».

И в XV в. подобные положения продолжали фиксироваться в отдельных договорных грамотах.

Так, например, вопрос об отказе одного из участников докончания от претензий на стол другого даже в случае, если «имут нас сваживати татарове» предложения его ханом нашел отражение в таких документах как докончания великого князя Василия II (будущего Темного) со своим двоюродным братом Василием Юрьевичем Косым 1439 г.¹, тверским великим князем Борисом Александровичем 1439 и 1456 гг.², Иваном Васильевичем Суздальским 1448/1449 г.³, а также докончания Ивана III с великим князем тверским Михаилом Борисовичем 1462/1464 и 1484/1485 гг., с великим князем рязанским Иваном Васильевичем

¹ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. С. 103. Любопытно отметить, что это докончание было заключено несколько лет спустя после того, как Василий II сверг с великокняжеского престола и ослепил Василия Косого (1436 г.) – следовательно, и после этого последний остался на политической арене, продолжая пребывать в числе претендентов на престол, см. подробнее: *Черепнин Л. В.* Русские феодальные архивы XIV–XV вв. С. 123–124.

² Там же. С. 105, 189

³ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. С. 156.

чем¹. Актуальность сохранения такого положения, пожалуй, в рассматриваемый период даже повысилась: ведь Улус Джучи распался на ряд самостоятельных владений, правители каждого из которых могли привлекать для участия в борьбе за трон тех или иных русских князей, взамен предлагая им престолы конкурентов.

Из договора в договор кочевали и положения, касающиеся совместных действий против ордынцев – опять же, в связи с тем, что правитель каждого из пост-ордынских ханств проводил собственную политику в отношении бывших вассалов, русских княжеств, и соседних государств. Соответственно, варианты принятия решений касались не того, помогать или не помогать друг другу, а лишь того, кто кому должен будет оказать поддержку. Кроме того, в зависимости от того, какие правители заключали договоры, зависел и перечень противников.

Так, в докончании Василия II с Борисом Тверским 1439 г. речь шла лишь о том, что «по грехом, поидет царь ратию, или рать татарскаа», и тогда подвергшемуся нападению князю его союзник должен будет «помочь слати в правду, без хитрости». Точно также единственным общим врагом «татары» оказываются для Василия II в докончании его с польско-литовским королем Казимиром IV 1449 г.² В договоре же Ивана III с великим князем литовским Александром Ягеллоном они упоминаются вместе с довольно абстрактным «всяким твоим недругом»³.

Однако в 1450–1460-е гг. в связи с расширением и укреплением Московского великого княжества круг его врагов существенно расширяется, и далеко не во всех договорах этого периода Золотая Орда даже является потенциальным «противником № 1». Так, в докончании Василия II с великим князем рязанским Иваном Федоровичем 1447 г. потенциальные враги представлены так:

¹ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. С. 202, 287, 296.

² Там же. С. 105, 160.

³ Там же. С. 329.

«А не будет с ними нам миру, ни любви с Литвой, или с татары, или с ыным с кем, кто будет нам недруг, ино и тебе с ними миру нет, ни любви»¹. А в его же докончании с великим князем тверским Борисом 1456 г. говорится: «А быти нам, брате, на татар, и на ляхи, и на Литву, и на немци заодин, и на всякого нашего недруга»². Тот же перечень перечислен и в докончании наследников обоих князей – Ивана III и Михаила Тверского 1462/1464 г.³. Полагаем, причиной выбора того или иного порядка перечисления противников являлись геополитические интересы правителей русских земель, их международные приоритеты.

Еще одна возможность выбора властных решений проявляется в вопросе дипломатических сношений с Улусом Джучи. Выше мы уже затронули этот аспект при анализе московско-литовского соглашения 1371/1372 г., тогда как в XV в. речь больше шла о принципе взаимности и взаимного оповещения. Например, в докончании великого князя Василия I с Федором Ольговичем Рязанским 1402 г. присутствует весьма интересное положение: А не пристати ти к татаром никоторою хитростью. А будеть ти киличеа послати в Орду и что с ним пошлешь, или х тебе посол татарьскои придет, и тебе того почтити крестьянского дела добра, а то тебе не в ызмене. Коли имеешь киличеа слати в Орду, и то ти нам заявити. А что ти слышев рот Орды, и то ти нам поведати. А вести ти нам отсылати. А отдалится от нас Орда, тебе с нами учиниться по думе»⁴. Таким образом, докончание запрещало только прямой союз с Золотой Ордой в ущерб другой стороне соглашения. Осуществлять же с ней самостоятельные дипломатические контакты не возбранялось (все-таки, московский и рязанский великие князья обладали равным формально-юридическим статусом) –

¹ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. С. 142.

² Там же. С. 187, 190.

³ Там же. С. 202, 205.

⁴ Там же. С. 53.

при условии, что другая сторона будет своевременно уведомлена о таких контактах и их содержании¹.

Пример того, как влияли на содержание стандартных, казалось бы, положений договоров, политические события в Улусе Джучи и сопредельных государствах, содержится в московско-тверском договоре 1399 г., в котором присутствует такая фраза: «А к Орде ти, брате, и ко царю поуть чист». Упоминание в ней и «Орды», и «царя» отражает драматическую ситуацию, сложившуюся в Золотой Орде после нашествия эмира Тимура: Токтамыш, признававшийся на Руси легитимным ханом, бежал и пребывал в это время в Литве, а контроль над джучидскими владениями сосредоточил в своих руках беклер-бек Идигу (Едигей), менявший ханов по своему усмотрению². Альтернативность принимаемых решений в данном случае могла заключаться не только в том, направлять или не направлять послов к ханскому двору, но и в том, к какому именно хану их направлять.

Постепенное подчинение Твери московскому влиянию на завершающем этапе его существования (в последней четверти XV в.) позволило московскому великому князю Ивану III в докончании с Михаилом Тверским 1484/1485 г. сформулировать возможность сношений с Улусом Джучи уже следующим образом: «А коли ти будет к Орде послати, и тебе послати по думе с нами, великими князьями, а без нашии ти думы в Орду не слати»³. Таким образом, признавая за Тверью право на поддержание прямых дипломатических контактов с Золотой Ордой, Иван III выставлял условие, что послания великого князя Михаила должны предварительно согласовываться с ним самим и его сыном-соправителем Иваном Молодым.

Несколько иначе формулировались положения о возможных отправлениях послов в Золотую Орду в отношениях с Польско-Литовским государством:

¹ См. также: *Черепнин Л. В.* Русские феодальные архивы XIV–XV вв. С. 81–82.

² *Кучкин В. А.* Договорные грамоты московских князей XIV века. С. 290–292. См. также: *Черепнин Л. В.* Русские феодальные архивы XIV–XV вв. С. 85.

³ *Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв.* С. 297.

московские Рюриковичи князя не имели возможности требовать от Ягеллонов обязательного уведомления об их контактах с Джучидами. Поэтому, вероятно, достижением московской дипломатии следовало признать, в частности, такое условие из докончания Василия II с Казимиром IV 1449 г.: «А к Орде ми, брате, через твою землю пусть чысть, и моим послом»¹. Т. е., даже свободный проезд московских дипломатов, без уплаты каких-либо сборов и досмотра со стороны литовских властей был выгоден для Москвы в условиях постоянно разгоравшихся и затухавших конфликтов с Польско-Литовским королевством.

Все эти условия свидетельствуют о том, что русские князя, оставляя за собой свободу выбора – платить или не платить выход в Орду, противостоять ордынским набегам или нет, направлять к ханам послов или нет, – все же продолжали рассматривать Улус Джучи как влиятельного участника международных отношений и в ряде случаев признавать его сюзеренные права над собственными землями. Однако в то же время, когда в докончания между русскими князьями или между Рюриковичами и иностранными правителями присутствовали положения, предусматривающие различные форматы взаимодействия с Золотой Ордой, появлялись достаточно многочисленные духовные и договорные грамоты, в которых прописывались варианты поведения в случае исчезновения этого государства!

Впервые знаковая фраза «А переменит бог Орду...» была зафиксирована в договорной грамоте великого князя Дмитрия Ивановича Донского с двоюродным братом, князем Владимиром Андреевичем Серпуховским, от 25 марта 1389 г. и его завещании, составленном в апреле-мае того же года². Таким образом, именно этот правитель создал прецедент включения подобного условия

¹ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. С. 161.

² Там же. С. 31, 36; *Кучкин В. А.* Издание завещаний московских князей XIV в. – Вторая душевная грамота великого князя Дмитрия Ивановича // *Древняя Русь. Вопросы медиевистики.* 2009. № 3 (37). С. 135; *Он же.* Последнее завещание Дмитрия Донского. С. 167; *Он же.* Последний договор Дмитрия Донского. С. 298; *Селезнев Ю. В.* «А переменить богъ Орду...». С. 60–61.

в дальнейших духовных грамотах московских великих и удельных князей, а также и в договорных грамотах – также преимущественно между членами московского княжеского дома¹.

В большинстве случаев возможное исчезновение Золотой Орды рассматривалось в контексте налоговых отношений, поскольку в случае отсутствия сюзерена некому было выплачивать выход. Соответственно, основным условием было то, что в таком случае великий князь не должен был собирать с удельных князей деньги для отправки к ханскому двору – они могли собранные средства оставлять у себя².

Однако в некоторых dokonчаниях – как раз тех немногочисленных договорах с другими великими князьями, в которых фигурирует оборот «А переменит бог Орду...» – присутствует и другое условие. Так в соглашении Василия I с великим князем рязанским Федором Ольговичем 1402 г. решается вопрос о судьбе некоторых спорных территорий: «А что будет отец наш, князь велики Дмитриеи Иванович оттаимал Татарские места и Мрдовска места, а ци переменит бог татар, и та места мне, князю великому Василью Дмитревичю»³. Таким образом, московские и рязанские князья уже не просто рассматривали вопрос об отмене уплаты выхода в Золотую Орду в связи с ее возможным исчезновением, но и начинали делить земли, некогда непосредственно принадлежавшие ей!

Но, казалось бы, в чем здесь проявляется альтернативность возможных властных решений составителей грамот? Дело в то, что она проявлялась не в вопросе, будет или не будет существовать Золотая Орда, а в том, что, не-

¹ Селезнев Ю. В. «А переменить богъ Орду...». С. 61.

² См., напр.: Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. С. 88, 103 и др.; Бычкова М. Е. Докончальная грамота великого князя Василия Васильевича с галицкими князьями // Археографический ежегодник за 1977 год. М., 1978. С. 354.

³ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. С. 54. Более детальное разграничение этих территорий нашло отражение в dokonчании между Юрием Звенигородским, заключенным им в период своего краткого великого княжения (весна 1434 г.) с великим князем рязанским Иваном Федоровичем, см.: Там же. С. 85.

смотря на постоянные «намекы» на возможность ее исчезновения с политической сцены, великие князья продолжали практику выплаты выхода и согласования его размеров и порядка сбора с удельными князьями. Грамоты, в которых говорится о том, «коли мы, великие князи, в Орды не дадим, и нам и у тебя не взяти», датируются 1486, 1496, 1504. 1513 гг., а последняя по времени грамота с таким положением (докончание великого князя Василия III с удельным князем Юрием Ивановичем Дмитровским) относится к августу 1531 г.¹ Таким образом, альтернатива – платить в Орду выход или не платить, оставалась для московских правителей актуальной и многие годы спустя после «стояния на Угре» 1480 г. То есть, альтернатива заключалась в том, продолжать ли выплачивать выход Орде или отказаться от этой практики, надеясь на то, что вскоре ее «бог переменит»².

Другое дело, конечно, что со временем речь шла уже не о Золотой Орде, а о ее преемниках (в первую очередь – Крымском ханстве), да и размеры выхода были совершенно не теми, что в период зависимости³.

Таким образом, можно сделать вывод, что во властных практиках русских князей постепенно складывались определенные направления взаимодействия

¹ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. С. 318, 325, 333, 367, 417.

² Ср.: *Селезнев Ю. В.* «А переменить богъ Орду...». С. 134.

³ *Черепнин Л. В.* Русские феодальные архивы XIV–XV вв. С. 223; *Горский А. Д.* Отражение русско-ордынских отношений в духовных и договорных грамотах великих и удельных князей XIV – начала XVI века С. 192. Периодические платежи из Москвы в Крым осуществлялись до 1685 г., а от претензий на их получение Гирей отказались не ранее начала 1710-х гг., см.: *Базарова Т. А.* Проблема ежегодных выплат Крымскому ханству на русско-турецких переговорах в первой четверти XVIII в. // Уральский исторический вестник. 2021. № 4 (73). С. 183–191; *Почекаев Р. Ю.* Дары или дань?; *Фаизов С.* Поминки – «тыш» в контексте взаимоотношений Руси-России с Золотой Ордой и Крымским юртом. Ср.: *Хорошкевич А. Л.* Русь и Крым после падения ордынского ига: динамика трибутарных отношений // Отечественная история. 1999. № 2. С. 71–78; *Моисеев М. В.* Посольские дары-«поминки»...; Материалы круглого стола «Московское государство и постзолотоордынские тюрко-татарские государства: история взаимоотношений».

с Улусом Джучи, предусматривавшие альтернативные варианты поведения – действий или бездействия. Безусловно, содержание этих направлений и конкретных вариантов зависело от ситуации и в Золотой Орде, и в самих русских землях, и в их отношениях с западными соседями, однако при этом нельзя не отметить складывание (преимущественно в конце XIV – XV вв.) некоего достаточно стандартного набора таких властных решений, которые могли не только отражать реалии русско-ордынских отношений на том или ином этапе, но и политический инструментарий в выстраивании отношений между самими русскими князьями. В большинстве случаев разработчиками этих решений являлись представители московского правящего дома, поэтому не приходится удивляться, что именно Москва, в конечном счете, в т. ч. и использованием разработанного инструментария смогла установить контроль над другими княжествами и со временем присоединить к себе их территории.

§ 5. «ТАТАРСКАЯ» ПОЛИТИКА МОСКОВСКОГО ЦАРСТВА ГЛАЗАМИ РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ-ЭМИГРАНТОВ XVI–XVII ВВ.

Политика Москвы XVI–XVII вв. по отношению к тюрко-татарским ханствам – наследникам Золотой Орды неоднократно становилась предметом исследований авторов. Среди современных исследователей этой проблематики, в первую очередь, следует назвать В. В. Трепавлова, А. В. Белякова, М. В. Моисеева, Б. Р. Рахимзянова, А. В. Аксанова и ряд других. Ими исследованы самые разные аспекты русско-татарских отношений в рассматриваемый период, при этом их основными источниками становились как русские, так и тюрко-татарские источники – летописи и хроники, дипломатическая переписка, иные актовые материалы.

В настоящем исследовании предпринимается попытка анализа московской политики в отношении тюрко-татарских ханств в отзывах и оценках довольно специфической группы лиц – представителей московских властей, в разное время и при разных обстоятельствах покинувших свою страну и писавших о ее политике в эмиграции. Личность и деятельность трех известных «эмигрантов» – воеводы князя Андрея Курбского, чиновника и авантюриста Тимофея Анкудинова и чиновника Григория Котошихина неоднократно привлекали внимание исследователей. Их записки служили и предметом специального историографического анализа, и источником исторических сведений. Обращались специалисты к этим памятникам и как к текстам, отражавшим личные качества и позиции самих авторов.

В настоящем исследовании предпринимается попытка анализа текстов А. Курбского, Т. Анкудинова и Г. Котошихина о российской политике в отношении татар, которая в рассматриваемый период представляла собой основу будущей «евразийской» политики России – уже в имперский период. Автор анализирует тексты сочинений «эмигрантов» на предмет выявления позиции каждого из авторов по отношению к татарским соседям (а затем – и поддан-

ным) Московского царства, а также пытается определить цели, которые они преследовали, обращаясь к данному аспекту российской политики.

Первый из «эмигрантов», князь Андрей Михайлович Курбский (1528–1583), в особом представлении не нуждается. Ему посвящена обширная литература, следствием чего стало формирование различных, порой – противоположных, точек зрения по поводу его личности, деятельности и творчества. В историографии его образ варьируется от «первого русского диссидента» и борца с «тиранией» Ивана Грозного до изменника Родины, бежавшего от суда и осуществлявшего за границей антироссийскую пропаганду по заказу врагов Московского царства¹. Именно в эмиграции были созданы его труды, в которых он характеризует политику Московского царства в отношении татарских ханств – наследников Золотой Орды: «История о делах великого князя московского» и послания Ивану Грозному. Учитывая что цели написания этих работ носили отнюдь не научно-исследовательский или мемуарный (хотя в ряде случаев и самооправдательный²), а чисто политический характер, представляет интерес, как в них вписывается характеристика Курбским русско-татарских отношений.

В «Истории о делах великого князя московского», которая, по сути, является политическим памфлетом против русского царя Ивана IV, татары сразу же (при описании молодости царя) представлены как некий бич божий, обрушившийся на Московское государство «за грехи» его правителя³. При этом мас-

¹ Наиболее объективным исследованием жизни и деятельности А.М. Курбского представляется труд А. И. Филюшкина, в котором автор формирует его образ на основе как исторических источников, так и его собственных сочинений, см.: *Филюшкин А. И.* Андрей Курбский. М., 2008.

² См.: *Лихачев Д. С.* Стиль произведений Грозного и стиль произведений Курбского // Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским / Подгот. текста Я. С. Лурье и Ю. Д. Рыкова. Л., 1979. С. 202.

³ Казанский исследователь А.В. Аксанов склонен видеть в этом пассаже Курбского лишь отражение тех тяжелых последствий татарских набегов, которые имели место в реальности, отметив, впрочем, что он противопоставил «богоизбранному народу» «измаильтян»,

штабность бедствия подчеркивается автором «Истории» еще и тем, что на русские земли нападали сразу татары и «ногайские, то есть заволжские», и казанские, и крымские¹. Взгляд на татар как на божье наказание, как известно, нашел отражение в средневековых русских летописях², однако – преимущественно к периоду походов на Русь 1237–1242 гг., тогда как в Западной Европе подобное отношение к ним существовало еще и в XV–XVI вв., лишь к XVII в. сменившись некоторым интересом к восточным (в т.ч. и тюрко-монгольским) народам³.

Однако, в отличие от прежних панических настроений в отношении «выходцев из Тартара», русские, в трактовке А. М. Курбского, напротив, продемонстрировали ревностное стремление истинных христиан выступить против «поганных» и «басурман»⁴. Именно этим их действиям и посвящен основной «татарский» блок «Истории о делах великого князя Московского».

Сведения о «татарской» политике Москвы в сочинении А. М. Курбского можно условно разделить на две составляющие – военную и политическую, по каждой из которых автор, естественно, стремится подчеркнуть свою решаю-

см.: Аксанов А. В. Казанское ханство и Московская Русь: межгосударственные отношения в контексте герменевтического исследования. Казань, 2016. С. 176–177.

¹ Андрей Курбский. История о делах великого князя московского / Подгот. изд. К. Ю. Иерусалимского пер. А. А. Алексеева. М., 2015. С. 23.

² Такой же мотив бедствия и отношения к нему присутствует в третьем послании А. М. Курбского Ивану Грозному, в котором адресант вспоминает, как во время нападения крымского хана Девлет-Гирея в 1571 г. царь «хоронясь от татар по лесам, с кромешниками своими, едва... от голода не погиб», см.: Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским / Подгот. текста Я. С. Лурье и Ю. Д. Рыкова. Л., 1979. С. 170. Представляется, что автор послания проводит параллели с действиями русских князей во время монгольского нашествия XIII в.

³ См. подробнее: Phillips K. M. Before Orientalism: Asian Peoples and Cultures in European Travel Writing, 1245–1510. Philadelphia, 2014. P. 7

⁴ См.: Филлюшкин А. И. Андрей Михайлович Курбский: просопографическое исследование и герменевтический комментарий к посланиям Андрея Курбского Ивану Грозному. СПб., 2007. С. 21.

шую роль: по первой – как храброго воина и талантливое полководца, по второй – как мудрого государственного деятеля.

Так, одно из своих первых столкновений с татарами – под Тулой в июне 1552 г. Курбский описывает как триумф, «славную победу», причем крымские и ногайские войска в его интерпретации бежали от возглавляемых им войск, приняв их за армию самого царя!¹

При описании же непосредственно осады и взятия Казани (где А. М. Курбский, и в самом деле, сумел проявить свою храбрость в боевых действиях²) автор «Истории» неоднократно подчеркивает, что война велась «христианами» против «басурман», причем последних было гораздо больше, и они пускались на разного рода ухищрения – вплоть до колдовства, которое, впрочем, оказалось бессильным против «божьей благодати», при помощи которой русские сумели взять Казань и положить конец существованию ханства³.

Наряду с собственными подвигами в отражении татарских вылазок из города и пресечения казанских воинов бежать из захваченной столицы (неустанно подчеркивая при этом, что «хвалить» себя он не намерен!⁴), А. М. Курбский несколько раз отмечает и героизм своего родного брата, который, по его словам, первым взойшел на стены Казани, а затем отважно сражался против превосходящего в числе татарского «полка», совершая богатырские подвиги⁵. Таким образом, война с Казанским ханством стала удобным поводом для Курбского показать в «Истории», насколько храброго воина и талантливого полководца потерял московский царь, вынудив его бежать из России.

¹ *Андрей Курбский*. История о делах великого князя московского. С. 31–33. См.: *Филлюшкин А. И.* Андрей Михайлович Курбский. С. 18. Ср.: *Аксанов А. В.* Казанское ханство и Московская Русь. С. 231.

² *Филлюшкин А. И.* Андрей Михайлович Курбский. С. 22.

³ *Андрей Курбский*. История о делах великого князя московского. С. 37 и след.

⁴ *Филлюшкин А. И.* Андрей Михайлович Курбский. С. 24.

⁵ *Андрей Курбский*. История о делах великого князя московского. С. 53, 61. См. также: *Филлюшкин А. И.* Андрей Михайлович Курбский. С. 24.

После взятия Казани автор «Истории о делах великого князя московского» переходит от описания военных реалий к политическим, стараясь подчеркнуть свою значительную роль и в государственной жизни Московского царства, находясь в числе «добрых советников», т. е. ближайших доверенных лиц царя¹. Собственно, первый намек на это присутствует еще при описании событий, предшествовавших походу на Казань: как только царь создал «Избранную Раду» (естественно, с участием самого Курбского), Московское царство объявило войну сразу трем татарским «царствам», тут же добившись крупных успехов, вытеснив татар с захваченных ими русских территорий, где вместо «зимовок» кочевников были возведены русские крепости².

Более активно советники («сенаторы») в интерпретации А. М. Курбского действовали уже после взятия Казани, в частности, настойчиво рекомендуя Ивану IV расправиться с казанской знатью. А из-за того, что он не последовал «доброму совету», пришлось в течение нескольких лет подавлять восстания народов бывшего Казанского ханства – ногайцев, черемисов и пр.³. Вполне вероятно, что, наряду с недовольством по поводу того, что царь пренебрег его советом, в этом пассаже Курбского отразилось и раздражение в связи с тем, что именно ему пришлось участвовать в подавлении этих выступлений – вместо того, чтобы наслаждаться отдыхом при царском дворе и греться в лучах славы после бранных подвигов.

В контексте осуждения действий царя Ивана IV, по-прежнему не собиравшегося прислушиваться к «добрым советам» А. М. Курбский описывает и дальнейшие отношения Московского царства с Крымским ханством. Крити-

¹ См. подробнее: *Зимин А. А.* И.С. Пересветов и его современники. Очерки по истории русской общественно-политической мысли середины XVI века. М., 1958. С. 52; *Каравашкин А. В.* Русская средневековая публицистика: Иван Пересветов, Иван Грозный, Андрей Курбский. М., 2000. С. 315–318, 336; *Лялин В. М.* А.М. Курбский о форме правления (XVI в.) // Актуальные проблемы российского права. 2008. № 3 (8). С. 28–29.

² *Андрей Курбский.* История о делах великого князя московского. С. 29.

³ *Андрей Курбский.* История о делах великого князя московского. С. 77, 85. См. также: *Филлюшкин А. И.* Андрей Михайлович Курбский. С. 28.

кую вновь набранных советников «не из дворянского рода» (в противовес прежним знатым «сенаторам» из числа «Избранной рады»), он описывает их легкомыслие и болтливость, которая позволила крымскому хану совершить ряд успешных набегов на русские земли¹.

Легкомыслие царя и его новых приближенных, как следует из «Истории», стало причиной того, что Крымское ханство не разделило судьбу Казанского в те же 1550-е гг. Как раз в это время Ногайская Орда и Крымское ханство пали жертвой «голода и мора», и это стало очень удобным моментом для вторжения в Крым. Царь послал пятитысячное войско под командой Д. Вишневецкого (в следующем году – Д. Адашева), которое добилось значительных успехов в боях с татарами, освободили много русских пленников и захватили немало крымских. Однако царь, как прежние советники («мы» у А. М. Курбского) ни советовали ему развить успех, «мало тогда беспокоился об этом», поскольку, как пишет автор «Истории», уже готовился к расправам с собственными приближенными².

Даже и после бегства А. М. Курбский, как он старался подчеркнуть, по-прежнему оставался ревнителем православия и, в качестве такового, противником «басурман». Эта его позиция нашла отражение в третьем послании Ивану Грозному (после 1578 г.), в котором он сообщает о прибытии в Польшу крымского посольства, через которое хан предлагал польскому королю и, конечно же, самому Курбскому совместно выступить против Москвы. Однако князь, как он гордо пишет в своем послании, отказался «пойти под басурманскими хоругвями на землю христианскую вместе с чужим царем безбожным»³.

¹ *Андрей Курбский*. История о делах великого князя московского. С. 81–83.

² *Андрей Курбский*. История о делах великого князя московского. С. 97–99. См. также: *Скрынников Р. Г.* Переписка Грозного и Курбского. Парадоксы Эдварда Кинана. Л.: Наука, 1973. С. 47.

³ Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. С. 171. См. также: *Филлюшкин А. И.* Андрей Михайлович Курбский. С. 412–421.

При этом отношение Курбского к самим татарам представляется довольно противоречивым. По мнению некоторых исследователей, он относится к ним со значительной долей презрения (что, в принципе, неудивительно, учитывая противопоставление татар-«басурман» русским-христианам), однако, как представляется, вместе с тем, он в ряде случаев готов признавать их мужество в бою и верность своим правителям. Так, описывая взятие Казани, автор «Истории» отмечает, что даже после того, как город уже практически был взят, часть татарских воинов сражалась, готовая погибнуть, но защитить своего «царя» (т.е. хана Едигер-Мухаммада). И только, окончательно убедившись, что нет иной возможности спасти его, как начав переговоры с русскими, начали договариваться о сдаче в плен царя¹. Не пытается автор как-то «принизить» статус правителей татарских ханств: он корректно, в соответствии с русской политической традицией того времени титулует их «царями», а их владения – «юртами», т. е. независимыми государствами². Кроме того, для Курбского население Казанского ханства не было некоей единой массой «басурман»: он совершенно корректно указывает среди подданных казанских «царей», помимо самих татар, еще «пять языков»: мордву, чувашей, черемисов, вотяков и башкир³.

Правда, при этом он не упускает случая обвинить татар в разных «нехристианских» кознях против московского воинства, в частности – в колдовстве с целью вызвать дождь и превратить землю, на которой располагался русский лагерь, в болото⁴. Также, при описании уже боевых действий московских войск в Ливонии Курбский (также, впрочем, намекая, что причиной успехов русских в этой войне была их приверженность к православию в противовес ливонцам-

¹ *Андрей Курбский*. История о делах великого князя московского. С. 44, 57–59.

² См.: *Ерусалимский К. Ю.* Андрей Курбский – идеолог княжеской власти: опыт реинтерпретации // Древнейшие государства Восточной Европы. 2005 год. Рюриковичи и Российская государственность. М., 2008. С. 377, 378.

³ *Андрей Курбский*. История о делах великого князя московского. С. 63. См. также: *Верняев И. И.* Очерки истории этноконфессиональной политики в России. СПб., 2017. С. 27.

⁴ *Андрей Курбский*. История о делах великого князя московского. С. 49.

«латинянам»¹⁾ намекает, что все жестокости и разорения осуществляли татарские войска, находившиеся на русской службе.² Нет у него доверия и к татарским подданным московского царя. Так, например, он упоминает, что татары, находившиеся в Москве, дали знать крымскому хану, что Ивана IV в столице нет, и он с войсками находится в Ливонии, что подстегнуло хана к новому набегу на русские земли, и только своевременное возвращение московских войск из Прибалтики заставило его отказаться от своего намерения.³

С другой стороны, А. И. Филюшкин не без оснований видит в позиции А. М. Курбского проявление неких зачатков «колониализма»: он противопоставляет «дикости» казанских татар преимущества более высокоразвитого Московского царства, с установлением власти которого в Поволжье выиграли все, в т. ч. и сами татары. Правда, при этом сам исследователь задается вопросом: было ли это проявление того же самого христианского благочестия, которое он отразил ранее при описании войны с татарскими «царствами», или уже навеянное польским влиянием представление о «цивилизаторской» миссии европейцев по отношению к «дикому Востоку»⁴⁾?

На наш взгляд, хотя А. М. Курбский описывал отношения Московского царства с татарскими ханствами достаточно близко к реалиям (иногда даже упоминая некоторые детали, отсутствующие в других источниках⁵⁾), его интерпретация и оценки событий, безусловно, во многом диктовались желанием подчеркнуть свою роль и значение в глазах правящих кругов приютившей его Польши и, как следствие, продемонстрировать свое единомыслие с ними. Так что, возможно, речь идет не столько о реальном влиянии мировоззрения поля-

¹ По мнению А. И. Филюшкина, Курбский к противникам Московского царства в Ливонской войне относится с уважением, которого ни в коей мере не демонстрирует по отношению к татарам, см.: *Филюшкин А. И.* Андрей Михайлович Курбский. С. 30.

² *Андрей Курбский.* История о делах великого князя московского. С. 109.

³ Там же. С. 95

⁴ *Филюшкин А. И.* Андрей Михайлович Курбский. С. 25–26.

⁵ См.: *Аксанов А. В.* Казанское ханство и Московская Русь. С. 235 и след.

ков как «европейцев» на Курбского, сколько о своеобразной его имитации, которое он довольно органично вписал в «татарский» блок своей «Истории о делах великого князя московского». Таким образом, в интерпретации этим автором московской политики по отношению к татарам можно увидеть элементы, отражающие даже не двойственность, а тройственность его позиции: в одних пассажах А. М. Курбский предстает как внимательный наблюдатель, старающийся представить объективную информацию, в других – как воин и полководец, враждебно настроенный по отношению к татарам (и, соответственно, к московской политике «терпимости» по отношению к ним), наконец, в-третьих – уже как носитель европоцентристской идеологии, относящийся к татарам как к варварам и призывающий своих прежних земляков активизировать борьбу с ними вместе с европейскими народами.

Гораздо меньше, чем Курбский, известен еще один «политический эмигрант» – беглый приказной подьячий Тимофей Дементьевич (Демьянович) Анкудинов (Акундинов, Анкидинов, Акиндинов, после 1617–1654). Запутавшийся в долгах чиновник, осенью 1643 г. бежавший за границу, оказался весьма ловким авантюристом, выдававшим себя сначала за «князя Великой Перми», а затем – за сына царя Василия Шуйского. Он сумел вызвать доверие к себе со стороны целого круга иностранных властителей – османского султана Ибрахима, папы римского Иннокентия X, шведской королевы Христины, украинского гетмана Богдана Хмельницкого, чем и пользовался, пока не был схвачен русскими дипломатами и после длительных пыток казнен в Москве¹. Он вел об-

¹ За исключением нескольких единичных работ, посвященных отдельным аспектам жизни и творчества Т. Анкудинова (см., напр.: *Булгарин Ф. В.* Сведение о подьячем Анкудинове, ложно назвавшемся сыном царя Василья Иоанновича Шуйского // *Северный архив*. Ч. XXVI. 1827. № 7. С. 230–232), фактически только один исследователь специально занимался этим историческим деятелем – В. В. Дубовик, посвятившая ему ряд статей и диссертационное исследование, см.: *Дубовик В. В.* Самозванец Тимофей Акиндинов и его рукописное наследие: Язык и риторическая структура. Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2000; Также представляет интерес сборник документов, посвященных этому деятелю: *Дело Т. Анкудинова. Европейский авантюрист из Московии* / Сост. Д. В. Лисейцев; под ред. Д. Свака. Budapest, 2011.

ширную переписку с монархами и знатью Европы на разных языках, которая в сочетании с его стихотворными произведениями – «виршами» должна была подчеркнуть легитимность его притязаний на московский престол¹.

Естественно, в рамках этого «комплекса документов» самозванец неоднократно выражал свою политическую позицию, в т. ч. и по «татарскому вопросу». Впрочем, в отличие от анализируемых нами сочинений других русских «эмигрантов», эта тема нашла отражение всего лишь в одном стихотворном произведении Анкудинова под названием «Декларация московскому посольству», якобы врученная им русским послам в Константинополе С. В. Телепневу и А. А. Кузовлеву (на самом деле, никогда не встречавшимися с самозванцем²). В этой «вирше», наряду с утверждением о своем «царском» происхождении и критикой политики московских властей («нынешний розряд московский»), Т. Д. Анкудинов, в частности, пишет: «И татаром пустошить земли своя не возбраняют, / аще от них и безчисленно человек, яко скоту, отгоняют / Но еще им же за то выходы дают и дани, / чтобы могли от них целы пробыть сами»³.

Как видим, самозванец упрекает царские власти в пассивном отношении к набегам татар – несомненно, речь идет о Крымском ханстве, которому, как заявляет автор «вирши», еще и платят дань, лишь бы уменьшить число этих набегов. Тем самым, казалось бы, претендент на московский престол демонстрирует ту же позицию, что и его предшественник А. М. Курбский, упрекавший Ивана Грозного в недостаточно активной политике по отношению к Крыму. Но если Курбский последовательно применял собственные воззрения на практике, воюя сначала с казанскими татарами, а затем (уже находясь на поль-

¹ См.: *Дубовик В. В.* Об особенностях цитации в текстах Тимофея Акиндинова // *Древняя Русь. Вопросы медиевистики.* 2003. № 2 (12). С. 83, 98.

² *Дубовик В. В.* Из истории виршевой поэзии: «Декларация московскому посольству» Тимофея Акиндинова // *Древняя Русь. Вопросы медиевистики.* 2009. № 3 (37). С. 34.

³ *Анкудинов Т.* Декларация Московскому посольству // *Виршевая поэзия (первая половина XVII века).* М., 1989. С. 260.

ской службе) – и с крымскими¹, то Анкудинов занимал совершенно иную позицию. Его, упрекающего московские власти за «соглашательство» с крымскими татарами, совершенно не смущало, что сам он в момент написания своего произведения пребывал «под крылами милости турецко Ибрагим султана»². Более того, из донесения турецких осведомителей русского посольства стало известно, что Анкудинов через посредство визиря просил османского султана дать ему войска для завоевания московского трона, за что сам обязывался... принять ислам, а султану отдать Астрахань³!

Можно было бы рассматривать характеристику Т. Анкудиновым «татарской политики» Московского царства как одно из надуманных обвинений – наряду с другими, которыми наполнено его произведение. Но, как выясняется, подобное представление о политике царских властей по отношению к Крыму имело распространение как раз в приказной среде, выходцем из которой являлся самозванец, о чем свидетельствует анализ сочинения еще одного «эмигранта» – Григория Карповича Котошихина (1630–1667), младшего современника Анкудинова, подьячего Посольского приказа, бежавшего в 1664 г. в Польшу, затем – в Швецию и написавшего по заказу ее властей книгу, известную в историографии под названием «О России в царствование Алексея Михайловича»⁴.

А. М. Курбский и Т. Д. Анкудинов, говоря о «татарской» политике Москвы, имеют в виду, прежде всего, ее противостояние с татарскими ханствами. Отличие от них труда Котошихина состоит в том, что он не меньше внимания,

¹ Есть сведения о том, что А. М. Курбский действовал против крымских татар на Волыни в 1575, а возможно – также в 1577, 1578 и 1580 гг., см.: *Филюшкин А. И.* Андрей Михайлович Курбский. С. 79.

² *Анкудинов Т.* Декларация Московскому посольству. С. 258.

³ См.: *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. Кн. V. Т. 9–10. М., 1990. С. 446–447.

⁴ О нем подробнее см.: *Маркевич А. И.* Григорий Карпович Котошихин и его сочинение о Московском государстве в половине XVII века. Одесса, 1895; *Беляков А. В.* Жизнь Григория Котошихина (по материалам Архива Посольского приказа) // *Русский книжник.* М., 2015. С. 64–86.

чем отношениям Московского царства с Крымским ханством, уделяет и характеристике татарских подданных русского царя. В самом деле, к середине XVII в. пребывание в Московском царстве татар самого разного происхождения (от потомков Чингис-хана до мурз и простых воинов) стало реальностью, равно как и их интеграция в структуру русского общества.

Собственно, Г. К. Котошихин связывает даже само происхождение царского титула московских государей с присоединением к своим владениям татарских ханств: когда Иван Грозный «божиим изволением пленил тех царств [Казанского, Астраханского, Сибирского – *Р.П.*] царей», «с того времени учинился он, великий князь, над Московским государством... царем и великим князем... И таковым обычаем в Россииской земле началось царствование»¹.

Соответственно, потомки прежних царей (касимовские и сибирские царевичи) оказались вписаны в систему сановой иерархии Московского царства, имея, впрочем, согласно Котошихину, довольно противоречивый статус: с одной стороны они были «честью... бояр выше», с другой – не входили в Боярскую думу и, следовательно, не участвовали в принятии важнейших государственных решений. При этом они постоянно присутствовали на церемониальных мероприятиях – праздниках, пирах, приемах послов и пр., за что имели обширные вотчины и поместья. Причину такой специфики статуса потомков татарских ханов в России Котошихин объясняет весьма прямолинейно: они «сами учинились в подданстве после воинского времени, недавно, да и не обычай тому есть, также и опасение имеют от них всякое»². Как видим, в своем недоверии к татарским подданным московского царя Котошихин близок к позиции Курбского, обвинявшего «московских» татар в тайных контактах с Крымским ханством. Впрочем, нельзя исключать, что в книге, написанной по

¹ *Котошихин Г. К.* О России в царствование Алексея Михайловича. М., 2000. С. 22. См. также: *Верняев И. И.* Очерки истории этноконфессиональной политики в России. С. 56.

² *Котошихин Г. К.* О России в царствование Алексея Михайловича. С. 48. см. также: *Беляков А. В.* Чингисиды в России XV-XVII веков: просопографическое исследование. Рязань, 2011. С. 403; *Верняев И. И.* Очерки истории этноконфессиональной политики в России. С. 24.

заказу шведского правительства, беглый подьячий намеренно охарактеризовал Чингизидов в России как «пятую колонну». Его утверждению о недоверии московских властей татарским «царевичам» противоречат многочисленные факты того, что потомки прежних ханов командовали (пусть даже нередко и номинально) московскими войсками в различных военных кампаниях.

Выходцы из прежних татарских ханств, плененные или поступившие на московскую службу («татаровя крещеные и некрещеные»), согласно Котошихину, находились в ведении Посольского приказа, который также контролировал управление пожалованных им вотчин и поместий в Подмосковье¹. Население же бывших татарских ханств находилось в ведении другого приказа – Казанского дворца, который отвечал за сбор налогов и несение повинностей. При этом Г. К. Котошихин отмечал, что никаких денежных сборов с Казани и Астрахани не производилось: все собранные средства шли на содержание «ратных и служилых людей» непосредственно в этих регионах, а также – на «заводы судовые и рыбные». Вместо денежных поступлений с местного населения брали натуральный сбор ясак (пушниной), кроме того, оно добывало для государства соль. Также в ведении Казанского дворца находилась закупка «для государственных нужд» лошадей: татары и ногайцы пригоняли ежегодно стада от 30 до 50 тыс. голов, из которых специальные чиновники отбирали от 5 до 8 тыс.² Такая же ситуация складывалась и с налогообложением сибирских татар и иных местных «иноземцев»: Сибирский приказ отвечал за сбор с них ясака в виде мехов³.

Интеграция татар в политико-правовое пространство Московского царства нашла отражение в том, что они служили в армии наряду с детьми боярскими, дворянами, казаками, стрельцами и солдатами. От татар и других народов Поволжья на военную службу брали по одному человеку со 100 дворов, были но-

¹ Котошихин Г. К. О России в царствование Алексея Михайловича. С. 110. См. также: Беляков А. В. Служащие посольского приказа 1645–1682 гг. СПб., 2017. С. 238.

² Котошихин Г. К. О России в царствование Алексея Михайловича. С. 114–115. См. также: Верняев И. И. Очерки истории этноконфессиональной политики в России. С. 54, 61–62, 87–88.

³ Котошихин Г. К. О России в царствование Алексея Михайловича. С. 115–116.

вокрещенные татары и среди казаков. В зависимости от занимаемой военной должности, татары (опять же – наравне со своими русскими коллегами) имели право на поместья от нескольких до нескольких сотен дворов¹.

Таким образом, Котошихин характеризует пребывание татар в московском подданстве как реальность, лишь в случае с потомками прежних ханов позволяя себе высказать подозрение об их неблагонадежности, тогда как все остальные категории татарского населения он описывает достаточно нейтрально, подчеркивая их все большее сближение с другими подданными московских царей. Вероятно, именно этим объяснялось причудливое «слияние» совершенно разных, по мнению исследователей его творчества, сведений в рамках одной главы или даже пункта².

Как уже было отмечено выше, Котошихин в оценке отношений Московского царства с Крымским ханством стоит на позиции, близкой к Анкудинову: он также упоминает о том, что московские власти предпочитали не противостоять набегам крымцев, а откупаться от них. В результате, хотя в ряд других государств (например, Англия или Персия) московские посольства единовременно привозили куда большие дары, чем в Крым, зато крымские ханы имели от Москвы «тех поминков на год больши 20000 рублей»³. Впрочем, в отличие от самозванца, он, впрочем, не выказывает прямого осуждения этой политики, фактически просто констатируя сложившийся порядок.

Котошихин приводит весьма интересное объяснение подобной политики Москвы: якобы, не портить отношения с Крымом и решать конфликты путем направления туда денежных выплат завещал еще митрополит Алексей – святой и государственный деятель Московского княжества второй половины XIV в.⁴. Однако, по всей видимости, этот «исторический экскурс» и является

¹ Котошихин Г. К. О России в царствование Алексея Михайловича. С. 157, 159, 168. См. также: Верняев И. И. Очерки истории этноконфессиональной политики в России. С. 79, 80.

² См.: Маркевич А. И. Григорий Карпович Котошихин... С. 82.

³ Котошихин Г. К. О России в царствование Алексея Михайловича. С. 78–81.

⁴ Котошихин Г. К. О России в царствование Алексея Михайловича. С. 63. Специальное исследование об историчности этих сведений Котошихина см.: Каурцев А. А. К вопросу

завуалированной критикой Котошихиным «крымской» политики московских властей, ее устарелости.

На это указывают некоторые другие сведения беглого подьячего об отношениях Москвы с Крымом. Так, прежде всего, ушло в прошлое «челобитье» московского царя крымскому хану, теперь в своих посланиях они именовали друг друга «братьями» и «соседями», при этом Котошихин отмечает, что «у крымского хана титул мало», вероятно, намекая как на снижение к середине XVII в. политического статуса Гиреев¹. Более того, если в европейские государства в качестве послов направлялись царские стольники и дворяне «честных и средних родов», то в Крым – «средних родов дворяне, а с ними товарищи подьячие»². Самых же крымских послов, как прежде, больше не встречают: они прибывают в Москву и размещаются на Крымском дворе³.

Не ведя открытой войны, крымские и московские войска периодически вступали в столкновения. Если конфликт перерастал в нечто большее, то его окончание, как отмечает Котошихин, оформлялось не «трактатом», а «пересылочными грамотами»⁴. Это, вероятно, должно было подчеркнуть критическое отношение автора «О России» не столько к «диким» татарам (тем более, что аналогичным образом Москва заключала мир и с Турцией), сколько к уровню дипломатической техники самого Московского царства. Следствием заключе-

о политических контактах Москвы и Мамаю на рубеже 1350–1360-х гг. // Молодежь третьего тысячелетия: XXXII региональная научно-практическая студенческая конференция: Тезисы докладов. Омск, 2008. С. 115–118.

¹ Впрочем, своих политических и геополитических амбиций крымские ханы не утратили, поскольку в своих посланиях и московским царям, и польским королям продолжали титуловать себя «падишахами» «Великой Орды», «Дешт-и Кипчака», «всех татар и многих ногайцев», черкесов и пр., см. подробнее: *Фаизов С. Ф.* Письма ханов Ислам-Гирея III и Мухаммед-Гирея IV к царю Алексею Михайловичу и королю Яну Казимиру. 1654–1658. М., 2003.

² *Котошихин Г. К.* О России в царствование Алексея Михайловича. С. 63.

³ Там же. С. 91. В еще менее выгодном положении находились посланцы ногайских и калмыцких правителей, не имевшие собственных резиденций в Москве: они располагались, «где их поставят».

⁴ *Котошихин Г. К.* О России в царствование Алексея Михайловича. С. 93.

ния мира (или перемирия), как правило, становился выкуп пленных: сначала москвичи и крымцы производили обмен, а затем оставшихся представителям Москвы приходилось выкупать по цене от 15 до 100 руб. в зависимости от статуса пленника¹.

Исследователи отмечают высокую степень информативности сведений Г. К. Котошихина о Московском царстве при критичном отношении с устаревшим институтам его власти и управления со стороны беглеца, успевшего «проникнуться» европейским отношением к ним как за время своей службы в Посольском приказе, так и в период пребывания в Швеции. Полагаем, до некоторой степени это нашло отражение и в «татарском» блоке его книги, хотя, в отличие от «обвиняющей» риторики Курбского и Анкудинова, повторимся, подача материала Котошихиным носит более сдержанный характер, представляя собой больше констатацию сложившейся ситуации, нежели явное ее осуждение.

Итак, можно сделать вывод, что авторы-«эмигранты» XVI–XVII вв., характеризуя политику Московского царства в отношении татар (сначала – только враждебных ханств, а затем – и собственных подданных), стремились продемонстрировать «европейский» взгляд на нее, который нашел отражение в несколько пренебрежительном отношении к татарским ханствам, осуждении пассивной позиции «христианского» Московского царства по отношению к «поганым», «басурманам» и пр. Неслучайно труд А. М. Курбского оказался востребован в 1680-е гг., когда московская правительница царевна Софья Алексеевна и ее сподвижник В. В. Голицын старались активно войти в европейскую политику и в ее рамках предприняли два похода в Крым: сочинение «эмигранта» было призвано сыграть роль идеологического обоснования этих действий². Неудивительно, что причем причины ее создания, равно как и деяния самого автора при этом благоразумно умалчивались...

¹ *Котошихин Г. К.* О России в царствование Алексея Михайловича. С. 81.

² *Богданов А. П.* Московская публицистика последней четверти XVII века. М., 2001. С. 117, 175.

ГЛАВА II. ПРАВО

В эту главу вошли очерки, посвященные конкретным источникам права и правовым институтам, регулирующим русско-ордынские отношения, отдельным аспектам их создания и действия. Часть очерков посвящена правовому регулированию отношений между ханами Золотой Орды и русскими князьями, другие – взаимоотношениям властей Улуса Джучи с русской православной церковью. Также рассматривается вопрос о влиянии юридических практик Золотой Орды на развитие русского права и системы правоотношений как во время пребывания русских земель в зависимости от Джучидов, так и в последующий период.

§ 1. ЯРЛЫКИ ЗОЛОТООРДЫНСКИХ ХАНОВ РУССКИМ КНЯЗЬЯМ: НОВАЯ ПОПЫТКА РЕКОНСТРУКЦИИ ФОРМУЛЯРА

Несколько лет назад автор этих строк уже предпринимал попытку реконструировать типовой формуляр ярлыков золотоордынских ханов своим вассалам – русским князьям из династии Рюриковичей¹. Основой для реконструкции послужил типовой формуляр тюрко-монгольских ярлыков, предложенный в свое время советским и российским тюркологом, специалистом по монгольской дипломатике А. П. Григорьевым, а также официальные ордынские акты, изданные в отношении русских держателей – ярлыки и грамоты русской церкви, «ярлык» Едигея и ярлык-послание хана Ахмада.

В результате реконструкции автором книги был предложен вариант такого формуляра, обоснованность которого подчеркивалась сходством с образцами ярлыков о назначении на должность, содержащимися в «Дастур ал-катиб» – средневековом персидском трактате об управлении в монгольском Иране, со-

¹ Почекаев Р. Ю. Право Золотой Орды / Ред. И. М. Миргалеев. Казань: ФЭН, 2009. С. 188–193.

ставленном во второй половине XIV в. Мухаммадом б. Хиндушахом Нахчивани, чиновником при дворе поздних Хулагуидов и ранних Джалаиридов. Правда, на момент проведения реконструкции автору были доступны только переводы отдельных документов – в частности, ярлыков о назначении улуг-битикчи (старшего писца) и мутасаррифа (управителя низовой административно-территориальной единицы).

Однако в последнее время автор вместе с коллегами из Приволжского федерального университета (г. Казань) – Л. Ф. Абзаловым, М. С. Гатиным и И. А. Мустакимовым предпринял попытку исследования серии ярлыков из «Дастур ал-катиб», включая их перевод и междисциплинарный анализ¹. Среди изучаемых документов имеются акты о назначении на должность не просто чиновников, но и высокопоставленных представителей монгольской администрации – таких, как эмир улуса (улус-бек), темник и др. Как представляется, формуляр документов такого типа в гораздо большей степени близок к предполагаемому формуляру золотоордынских ярлыков русским князьям, что позволяет уточнить некоторые ранее сделанные предположения.

Кроме того, автор пришел к выводу, что для реконструкции также целесообразно использовать и другие акты не золотоордынского происхождения.

¹ Круг анализируемых исследовательским коллективом ярлыков был определен на основе документов, которые перевел на немецкий язык австрийский востоковед XIX в. Й. фон Хаммер-Пургшталь и включил в качестве приложения к своей книге «История Золотой Орды», см.: *Hammer-Purgstall J. von. Geschichte der goldenen Horde in Kiptschak, das ist: der Mongolen in Russland. Pesth, 1840. S. 463–516*. Отметим, что в это приложение вошли только 36 документов различного содержания, хотя соответствующий раздел «Дастур ал-катиб» включает более шестидесяти типов ярлыков, причем большинство их представлено в нескольких (как правило, трех) образцах, т. е. общим числом около 180 документов. Судя по всему, Й. фон Хаммер-Пургшталь остановился на тех документах, которые считал наиболее универсальными, полагая, что их аналоги могли издаваться и в Золотой Орде. Эту же точку зрения разделяли и другие исследователи, рассматривая акты из «Дастур ал-катиб» как источник сведений о правотворческой деятельности в Улусе Джучи и его системе власти и управления.

В частности, определенный интерес представляют ярлыки крымских ханов, адресованные иностранным правителям, которых Гирей считали своими вассалами. Думается, что следует учесть определенные клаузулы и этих документов.

Наконец, видится небесполезным также обращение к такому феномену как «ярлыки» московских правителей, которые они, начиная с эпохи Ивана IV, периодически направляли уже собственным тюрко-монгольским вассалам. В частности, представляют интерес ярлыки самого Ивана Грозного, которые он направлял правителям Ногайской Орды и Тайбугидам – правителям Сибирского юрта¹. По мнению автора, они могли включать элементы формуляра ярлыков, адресованные в прежние времена ханами Улуса Джучи русским (в первую очередь, московским) князьям, которые не сохранились до нашего времени, но, судя по описям архивов Московского царства, могли существовать еще и в XVI в.², т.е. как раз в эпоху правления Ивана IV.

Привлечение этих источников позволит существенно доработать ранее предложенную реконструкцию типового формуляра ярлыков золотоордынских ханов русским князьям.

Прежде всего, обратимся к форме и содержанию ярлыков о назначении на должность высокопоставленных монгольских администраторов – улус-бека и темника³. Некоторые современные исследователи высказывают предположение, что русские князья в сановной иерархии Улуса Джучи могли приравни-

¹ См.: *Трепавлов В. В.* Царские ярлыки. С. 107–111.

² Описи царского архива XVI века и архива Посольского приказа 1614 года / Под ред. С. О. Шмидта. М., 1960. С. 32.

³ *Абзалов Л. Ф., Гатин М. С., Мустакимов И. А., Почекаев Р. Ю.* «Дастур ал-катиб» как источник по истории государства, права и канцелярской культуры Золотой Орды (на примере ярлыка о назначении эмира улуса) // *Золотоордынское обозрение*. 2022. Т. 10. № 4 (в печати); *Они же*. К вопросу о правовом статусе темника в государствах Чингизидов XIII–XIV вв.: ярлык о назначении эмира тумена из «Дастур ал-катиб» // *Золотоордынское обозрение*. 2023. Т. 11 (в печати).

ваться к местным администраторам как раз такого уровня¹. Улус-бек являлся одним из нескольких (как правило, четырех) наиболее значимых сановников в государствах Чингизидов. Темники же нередко управляли своими туменами на наследственной основе. И хотя, конечно же, проводить прямые параллели между ордынскими сановниками и вассальными правителями и представляется довольно рискованным, определенные основания для их сравнения, безусловно, имеются. Соответственно, эти ярлыки могут пролить свет на форму и содержание интересующих нас ярлыков русским князьям.

Следует отметить, что в образцах ярлыков, которые Мухаммад б. Хиндушах Нахчивани включил в свой трактат, отсутствуют многие элементы ярлыков как официальных документов – в частности, инвокация («богословие»), интидуляция (адресант), корроборация (указание на вид документа и прилагаемые к нему печати), эсхатокол (дата и место выдачи, указание писца-исполнителя). Л. Ф. Абзалов вполне логично полагает, что составитель трактата опустил их в своих образцах как элементы, хорошо известные любому делопроизводителю². Поэтому при анализе элементов начального и конкретного протокола в ярлыках русским князьям мы будем опираться на другие документы – в частности, правовые акты Джучидов.

Ярлык начинался с инвокации, т. е. апеллирования к высшим силам. В предыдущем варианте реконструкции автор допускал, что сначала ханы Золотой Орды в своих указах ссылались на волю Неба (Тенгри), а позднее, после принятия ислама в качестве официальной религии заменили эту ссылку на волю Аллаха (Всевышнего). Однако упоминание в инвокации только Аллаха может объясняться тем, что соответствующие ярлыки XIV в. выдавались и были адресованы исключительно лицам, придерживавшимся мусульманского веро-

¹ См., напр.: *Селезнев Ю.* Русские князья при дворе ханов Золотой Орды. М., 2017. С. 54.

² См.: *Абзалов Л. Ф., Гатин М. С., Мустакимов И. А., Почекаев Р. Ю.* К вопросу о статусе монгольского языка в Иране XIII–XIV вв. (по материалам «Дастур ал-катиб») // Монголоведение. 2022. Т. 14. № 1. С. 142–146.

исповедания. Если же ярлык издавался в пользу иноверцев или они фигурировали в качестве его адресатов, то ситуация могла быть иной. Так, даже в XVII в. крымские ханы из рода Гиреев (сомневаться в приверженности которых к исламу не приходится) свои ярлыки-послания¹ московским царям и польско-литовским королям начинали инвокацией «Благословением Тенгри, милостью и милосердием Всевышнего»². По нашему мнению, в данном случае в инвокации присутствуют два основания легитимации власти Гиреев – как потомков Чингис-хана, ставшего ханом по воле Неба, так и милостью Аллаха, дарующего власть, «кому пожелает». Позволим себе предположить, что такая двойная инвокация могла присутствовать и в ярлыках русским князьям – по крайней мере, со второй четверти XIV в., когда ислам был признан официальной религией в Улусе Джучи.

Следующим элементом является интитуляция – указание на адресанта и вид документа. Полагаем, что этот элемент не следует корректировать по сравнению с предыдущим вариантом реконструкции и оставить в виде: «наш (имя хана) ярлык/указ».

Прежде мы уже отмечали, что, наряду с должностными лицами Улуса Джучи, в ярлыках русским князьям, по-видимому, должны были в качестве ад-

¹ Казалось бы, послание иностранному монарху не могло считаться ярлыком, т.е. актом волеизъявления верховного монарха по отношению к нижестоящим. Однако в данных документах речь шла о территориях, входивших в состав Московского царства и/или Польско-Литовского королевства, которые крымские ханы считали частью своих владений и, соответственно, требовали от своих адресатов выплаты дани за «пользование» ими. Соответственно, в глазах Гиреев и московские цари, и польские короли, по крайней мере, в отношении этих земель, являлись их вассалами, что и объясняет статус их актов как ярлыков. Практика подобных дипломатических ярлыков-посланий от ханов-Джучидов как вышестоящих монархов-«сюзеренов» нижестоящим иностранным правителям-«вассалам» уже анализировалась в исследовательской литературе, причем исследователи четко отграничивали их от собственно посланий равным по статусу адресатам, см. в частности: *Усманов М. А. Жалованные акты Джучиева Улуса XIV–XVI вв. Казань, 1979. С. 281.*

² *Фаизов С. Ф. Письма ханов Ислам-Гирея III и Мухаммед-Гирея IV... С. 87.*

ресата фигурировать и представители властей в самих русских землях. В новом варианте реконструкции мы придерживаемся этого мнения, но считаем целесообразным расширить круг адресатов в целом.

В числе ордынских сановников и чиновников, по-видимому, следует перечислить тех представителей власти, в ведении которых находился сбор налогов и возложение повинностей – в т. ч. и вассальных владениях Улуса Джучи, а также тех, с кем сами князья могли взаимодействовать во время своих приездов в ханскую ставку, участия в ордынских походах и т. д.

Первыми среди них следует назвать, безусловно, представителей «военной администрации» – сановников и администраторов, которые, во-первых, участвовали вместе с ханами в принятии важнейших государственных решений (включая выстраивание отношений с вассальными владениями), во-вторых, могли управлять территориями, смежными с вассальными государствами или теми, через которые вассалы проезжали, следуя к ханскому двору, в-третьих, принимали участие в ханских церемониях (приемы, пиры и пр.), на которых важное внимание уделялось статусу присутствующих, и, наконец, в-четвертых, могли взаимодействовать с князьями во время походов¹. Соответственно, в состав адресата ханских ярлыков русским князьям могли быть включены эмиры улуса (улус-беки), темники, тысячники (сотники и десятники – с меньшей вероятностью) во главе с беклер-беком.

Далее следовали те ханские сановники и чиновники, которые отвечали за составление налоговых реестров и непосредственно за сбор налогов, пошлин и пр., в т. ч. и с русских вассальных земель. В первую очередь это могли быть писцы дивана – собственно чиновники налогового ведомства, контролировавшие перепись населения, раскладку налогов и повинностей и составлявшие соответствующие реестры-ведомости; вполне вероятно, что в ярлыке мог быть

¹ При этом речь могла идти либо о военных действиях Золотой Орды против «третьих стран», в которых могли принимать участие и русские князья со своими дружинами, либо о карательных рейдах непосредственно в русские земли, в которых также участие одних князей против других не было редкостью.

указан и их руководитель, отвечавший за правильность таких действий – либо везир, либо сахиб-диван (глава дивана), либо улуг-битикчи (главный писец). Состав должностных лиц, непосредственно взимавших налоги, сборы и пошлины в Золотой Орде, весьма подробно изучался в историографии еще с XIX в.¹, соответственно, круг этих лиц представляется достаточно стандартным: это – даруги или баскаки², в ведении которых находились собственно налоговые чиновники, и которые отвечали за полноту и своевременность сбора налогов с подвластных им территорий, таможенники и весовщики, взимавшие торговые налоги и сборы, близкие к ним по должностным обязанностям портовые чиновники («побережники»), заставщики, лица, надзиравшие за дорогами и почтовыми станциями, мостами, переправами (в т. ч. с помощью плотов и лодок).

Несомненно, в число лиц, которые должны были принимать во внимание положения ярлыков, выдававшихся русским князьям, включались те, кто не взимал налогов, но имел право облагать теми или иными повинностями население Улуса Джучи и вассальных государств. В первую очередь, это были послы и гонцы, имевшие право останавливаться на постой в домах представителей власти и частных лиц (при отсутствии в соответствующей местности ямских станций), требовать с их владельцев провизии для себя и сопровождающих, фуража для лошадей и пр. Также в эту категорию могли быть включены руководители ханской охоты – «сокольники» и «пардусники» / «барсники», которые, в случае организации таких охот у границ русских княжеств могли вовлекать в число загонщиков и представителей местного населения. Для взаимодействия со всеми этими лицами князьям необходимо было наличие определенного ста-

¹ См., напр.: *Беляев И. Д.* О монгольских чиновниках на Руси...; *Березин И. Н.* Внутреннее устройство Золотой Орды (по ханским ярлыкам). СПб., 1850.

² Следует иметь в виду, что к таковым могли относиться как те чиновники, которые являлись представителями хана-сюзерена непосредственно на Руси (см. § 2 первой главы), так и наместники золотоордынских областей, граничивших с русскими княжествами, которые могли по ряду вопросов непосредственно контактировать с вассальными правителями.

туса, признаваемого ордынской администрацией, а для этого – закреплявшегося в ханском ярлыке.

Несмотря на то, что ярлык князю являлся, в первую очередь, подтверждением его статуса в глазах хана и его подданных, не следует забывать, что предписаниям ханских указов большое значение придавали и в самих русских землях. Именно поэтому мы и ранее уже предполагали, что в число адресатов могли войти представители русской знати – удельные князья, бояре, дворяне, а также, вероятно, представители местной администрации – волостели, тиуны и пр.

Довольно затруднительным представляется вопрос о включении в число адресатов ярлыка представителей духовенства. В ярлыке о назначении эмира улуса из «Дастур ал-катиб» присутствуют «сеиды, кадии и их заместители», т. е. представители мусульманской администрации, осуществлявшие как религиозные, так и административные функции в областях с преимущественно мусульманским населением. Естественно, включать их в число адресатов ярлыков русским князьям не было необходимости. Однако не все так просто могло быть и с русским духовенством – ведь особенности их отношений со светскими властями русских земель нашли отражение в специальных ярлыках, которые ханы выдавали русской православной церкви в лице ее митрополитов. Специфика отношений ханов, вассальных русских князей и церкви уже рассматривалась нами выше¹, и анализ соответствующих документов свидетельствует о том, что церковь отнюдь не была изъята из государственной жизни в русских землях. Поэтому, полагаем, в число адресатов могли быть включены епископы, игумены и другие представители духовенства – во главе с митрополитом.

Теперь, переходя к основной части документа, мы можем уже в значительной степени опираться на вышеупомянутые образцы ярлыков их «Дастур ал-

¹ См. § 1 первой главы.

катиб»¹. Ярлыки улус-беку и темнику, как и большинство правовых актов подобного рода, начинаются преамбулы, т. е. основания для издания ярлыка и, когда речь идет о назначении на должность высокопоставленного представителя власти – причины назначения именно его. Среди таких оснований выделяются личные и профессиональные качества претендента на должность, которые, несомненно, могли быть отмечены и в ярлыках, выдававшихся русским князьям.

Прежде всего, речь идет о таких качествах, как справедливость и беспристрастность, опыт прежней деятельности на службе у ханов – предшественников автора ярлыка и, возможно, у него самого, возможно – какие-то особые дарования, связанные со способностями, проявленными в административной, военной или судебной сфере. В то же время, несомненно, в ярлыке должно было найти отражение происхождение князя (как это присутствует в ярлыке о назначении темника): его предки – как по прямой, так и по боковой линии – из поколения в поколение занимали эту должность, что и его делает легитимным претендентом на нее. В том же ярлыке темнику присутствует также еще одна немаловажная причина назначения именно данного лица на должность: одобрение его кандидатуры населением тумена (эмирами тысяч, сотен, воинами и остальным населением). Соответственно, на вновь назначенного сановника возлагается обязанность заботиться о них, проявлять в процессе управления вышеозначенные качества, обеспечивать безопасность и порядок в своих владениях, справедливо разбирать возникающие споры и пр. Полагаем, что апеллирование к поддержке со стороны населения могло стать своеобразным инструментом контроля темника со стороны хана – неугодный ему предводитель тумена, несмотря на потомственный статус, мог быть лишен своих владений под предлогом недовольства его же подчиненных его управлением. Подобные прецеденты были известны в тюрко-монгольских государствах. Думается, по-

¹ Здесь и ниже мы опираемся на переводы, выполненные М. С. Гатиным и И. А. Мустакимовым и содержащиеся в вышеупомянутых статьях, принятых в настоящее время к печати редакцией журнала «Золотоордынское обозрение».

добная оговорка могла быть включена и в ярлыки русским князьям – тем более, что сведения о смещении великих князей по воле ханов и передачи их стола другим претендентами не так уж редко встречаются в источниках.

В связи с этим, думается, в ярлыках русским князьям прописывались обязанности и по отношению к хану, исполнение которых могло гарантировать длительное (вплоть до пожизненного) пребывания на столе: своевременная уплата выхода-дани, немедленное прибытие в ханскую ставку в случае вызова, участие с войсками в ханских военных предприятиях и т.д. Кроме того, представляется весьма вероятным, что в ярлыках князьям могло присутствовать положение, которое постоянно включалось в ханские ярлыки русским митрополитам – о недопустимости совершения противозаконных действий против подвластных лиц, прикрываясь ханским указом. Как правило, прямого наказания такие положения не предусматривали: в одних случаях его заменяла довольно общая фраза «да убоится» (или «неужто не убоится?»), в других вообще речь шла о воздаянии за подобные деяния в загробной жизни¹. Думается, это было связано с тем, что наказание могло зависеть от вида и масштабов противоправного деяния, которое мог допустить обладатель ярлыка – а таковые содержались уже в иных источниках права Улуса Джучи.

Завершаются ярлыки о назначении улус-бека и темника предписаниям ордынским сановникам оказывать соответствующее уважение вновь назначенному сановнику и взаимодействовать с ним по определенным направлениям деятельности, а его собственным подвластным лицам – беспрекословно подчиняться его приказам, являться по его зову для выполнения возлагаемых на них обязанностей, «невзирая на время суток» и выполнять все его указания с надлежащим усердием.

Поскольку в реконструируемом нами формуляре ярлыков князьям речь идет не об ордынских сановниках, которые обязаны подчиняться хану и его воле как его подданные, а о вассальных правителей, по всей видимости, в его

¹ Памятники русского права. С. 466, 468–469, 470. Ср.: Григорьев А. П. Сборник ханских ярлыков русским митрополитам. С. 105, 197–198.

текст должны были войти также положения, касающиеся особенностей взаимоотношений сюзерена и вассала. Некоторые из них нашли отражение в предыдущем варианте нашей реконструкции – на основе анализа «ярлыка» Едигея и ярлыка Ахмада. Тем не менее, считаем, что имеет смысл привлечь и другие документы, в которых присутствуют подобные положения. Так, например, в ярлыке крымского хана Сахиб-Гирея 1538 г., адресованном юному московскому великому князю Ивану IV говорится о необходимости проводить дружественную политику по отношению к ханству, отправлять к ханскому двору послов¹, и вести себя «по моему слову», что должно стать гарантией мирных отношений и обеспечения покровительства со стороны хана – в противном случае могут последовать карательные меры: «А не похочеш, и ты посмотриш, что мы тебе учиним»².

Не менее интересным представляется закрепление отношений «сюзерен-вассал» в ярлыке крымского же хана Каплан-Гирея I, который в первой трети XVIII в. имел намерение принять в свое подданство запорожских казаков, не желавших возвращаться под власть Петра I. В своем ярлыке хан предлагает запорожцам прибыть в его владения, официально признав его власть. В этом случае он обещает им гостеприимство, защиту и покровительство, гарантирует сохранение прежних вольностей (т. е., вероятно, их самоуправления и соблюдения их обычаев), предоставление права выбора места для проживания³. Полагаем, отдельные подобные обязательства со стороны ханов могли присутствовать и в их ярлыках русским князьям.

Наконец, обратимся к вышеупомянутым «царским» ярлыкам – актам, которыми московские цари оформляли вассальную зависимость тюркских народов и государств, являвшихся наследниками Золотой Орды. В рамках настоя-

¹ В невыполнении этой обязанности упрекает великого князя Василия I и эмир Идигу (Едигей) в своем «ярлыке».

² *Флоря Б. Н.* Две грамоты хана Сахиб-Гирея // Славяне и их соседи. Славяне и кочевой мир. Вып. 10. 2001. С. 238–239.

³ *Скальковский А.* К истории Запорожья // Киевская старина. 1882. № 7. С. 179–180.

шего исследования мы сочли возможным ограничиться двумя такими документами, достаточно ярко, на наш взгляд, отражающими особенности выстраивания такого рода отношений с учетом более ранних традиций русско-ордынских отношений.

Первым анализируемым документом является «ярлык» Ивана IV сибирскому князю Едигеру из рода Тайбугидов, подробное изложение содержания которого присутствует в Никоновской летописи¹. Согласно летописному сообщению, царь отправил своему новоприобретенному вассалу ярлык, в котором предписывал Едигеру регулярно выплачивать дань в размере, оговоренном в предыдущей переписка. Сдавать ее предписывалось царскому даруге, которому, в свою очередь, полагалась провести перепись населения, получать от сибирского правителя и направлять в Москву, а самому – получать от Едигера «дорожскую пошлину», т. е., по-видимому, содержание от сибирских властей на период пребывания его в юрте.

Другой документ, содержание которого также весьма ярко отражает восприятие московскими царями традиций прежних русско-ордынских отношений – это грамота царя Федора Ивановича, направленная в марте 1595 г. казахскому хану Тевеккелю (Таваккул-Мухаммаду)². И хотя акт царя Федора, в отличие от вышерассмотренного акта его отца, не называется «ярлыком», однако содержит «повеление» и потому вполне может быть использован нами для реконструкции документов ордынского периода. Среди обязанностей потенциального вассала, в частности, в грамоте упомянута обязанность прислать «в заклад», т. е. заложниками, московским властям влиятельных представителей казахского правящего рода («ваша братья или дети»), которые должны были стать гарантами лояльности казахского хана Москве. Также казахскому хану предписывалось «воевати бухарского царя и изменника нашего Кучюма царя сибир-

¹ Полное собрание русских летописей. Т. XIII. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. М., 2000. С. 248.

² Казахско-русские отношения в XVI–XVIII веках (сборник документов и материалов). Алма-Ата, 1961. С. 8–10, № 6.

ского», которого было велено пленить и прислать «нашему царьского величества порогу». Со своей стороны, московский царь (а вернее – его шурин и фактический московский правитель Б. Ф. Годунов) гарантировал покровительство Москвы казахским правителям, присылку «жалования», в т. ч. «пансырей», т. е. доспехов высокого качества и кречетов, являвшихся статусными птицами для монаршей охоты. Примечательно, что вопросы получения дани с казахов в данной грамоте не обсуждались – вероятно, в силу сложившихся обстоятельств, московские власти были более заинтересованы как раз в выполнении военных обязанностей потенциальных вассалов.

Итак, анализ ряда документов дает нам возможность предложить новый вариант реконструкции формуляра ярлыков, выдававшихся ханами Золотой Орды великим князьям¹:

««Силой Вечного неба и Милостью Всевышнего, наш (имя хана) ярлык.

Правого и левого крыла огланы, князья/беки туменов под началом с (имя улуг-бека), тысяч, сотен (?) и десятков (?), писцы дивана под началом с (имя сахибдивана/улуг-битикчи), даруги, таможенники, весовщики, побережники, заставщики и караульщики, смотрители почт (ямов), мостовщики, лодейщики и плотовщики, ипослы и гонцы, сокольники и пардусники, русские князья, бояре, дворяне, епископы, игумены и весь чин поповский под началом с (имя митрополита), многие люди, идущие по какому-либо делу, все да ведают нижеследующее.

Его (имя великого князя) отцы и старшие братья, прежде восседавшие на великокняжеском столе, обладали качествами, соответствовавшими условиям и требованиям, их люди были ими довольны, и они получали ярлыки на ве-

¹ Следует напомнить, что практика выдачи ханами Улуса Джучи ярлыков русским удельным князьям прекратилась, вероятно, уже в XIII в. Однако, помимо Владимирского (позднее – Московского) великого княжества на Руси XIV–XV вв. появился целый ряд практически равных ему по статусу великих княжеств – Тверское, Суздальско-Нижегородское, Рязанское, Ярославское, Смоленское. И их правителям (возможно, за исключением последнего), несомненно также выдавались ханские ярлыки.

ликое княжение от наших отцов и старших братьев. И теперь (имя великого князя) по обычаю наследования, а также по причине справедливости и беспристрастия, а также проявленного на нашей службе усердия выбран князьями, своими родственниками, и великокняжеский стол поручается ему.

Пусть (имя великого князя) управляет справедливо своими людьми, сохраняет порядок в своих землях и действует так, чтобы его подданные были им довольны.

За наше покровительство и благорасположение пусть (имя великого князя) выход ежегодно в размере (сумма) алтын / рублей собирает – (сумма) весной и (сумма) осенью послам нашим передает, а его подданные пусть все налоги и пошлины по закону платят. К нашему двору пусть сам бывает, либо присылает брата, сына или ближнего боярина. Пусть всегда действует по нашему слову и по призыву нашему немедленно выступает в поход или отправляет войско под началом с братом, сыном или ближним боярином.

Посему выдан настоящий ярлык, чтобы, начиная с этой даты, наши эмиры и военачальники, писцы дивана и чиновники, признавая (имя) великим князем, оказывали ему надлежащее уважение и обращались к нему по упомянутым вопросам, а русские князья, бояре, дворяне и другие подданные не нарушали его приказов и распоряжений, всякий раз по получению от него клича присоединяются ему с оружием для защиты его владений от посягательств мятежников и выполнения других его приказаний, прилагая усилия и прикладывая старание.

После такого нашего распоряжения пусть никто из наших военачальников и чиновников, русских князей и бояр и иных не посмеет оказать неповиновение этому ярлыку, а кто осмелится – непременно устрашится. Также и сам (имя великого князя), говоря, что обладает ханским ярлыком, пусть не притесняет своих подданных и иных противозаконных действий не совершает; если же совершит – да будет устрашен!

Так сказав, ярлык с алой тамгой и золотой/серебряной пайцзой для постоянного ношения выдали. Прошение о пожаловании представили (имена ордынских сановников – даруги и др.).

Писано в (дата), когда мы находились в (местонахождение ставки).

Писал (имя)-бахши».

Безусловно, конкретные формуляры могли отличаться от предлагаемого нами типового варианта в зависимости от времени и обстоятельств издания документа, того, правителю какого именно княжества он выдавался. При составлении конкретного ярлыка могли учитываться политические реалии отношений соответствующей русской земли с Улусом Джучи, особенности взаимоотношений членов ее собственного княжеского семейства между собой, князей и высшей аристократии и т. д. Поскольку имеются основания считать, что проекты ярлыков, адресованных русским держателям, могли составляться сначала при их собственных дворах¹, полагаем, что подобного рода «универсальный» формуляр обеспечивал сочетание пожеланий потенциального обладателя и соблюдения ханскими писцами канцелярской традиции чингизидских государств при составлении окончательного варианта ярлыка.

¹ См. подробнее следующий параграф этой главы

§ 2. ИЗУЧЕНИЕ СОБРАНИЯ ХАНСКИХ ЯРЛЫКОВ РУССКОЙ ЦЕРКВИ: НАПРАВЛЕНИЯ, ПРОБЛЕМЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ

Несомненно, золотоордынские ярлыки¹, выдававшиеся Русской православной церкви в середине XIII – последней четверти XIV вв. относятся к числу наиболее известных и, как следствие, часто используемых источников по истории русско-ордынских отношений, в т. ч. и взаимоотношений между ордынскими ханами и церковными иерархами. Многочисленные публикации этих документов², а также и тот факт, что они дошли до нас исключительно в русском переводе, сделали их доступными для представителей самых наук и дисциплин – историков, источниковедов и архивистов, востоковедов, филологов, правоведов (историков права). В результате на сегодняшний день сложилась весьма обширная и разнообразная историография изучения ханских ярлыков.

В соответствии с целями и задачами этой книги ниже мы предпринимаем попытку дать общую характеристику современного состояния изучения ханских ярлыков Русской церкви, выявить основные проблемы, с которыми сталкиваются исследователи, а также обозначить перспективы дальнейших исследований этих исторических (равно как и историко-правовых) памятников. При этом мы не преследуем цели охарактеризовать все работы, в которых изучались, либо использовались упомянутые документы: в нашу задачу входит обозначить основные тенденции их изучения, а также выявить особенности подхо-

¹ Считаю целесообразным сразу отметить, что здесь и далее мы используем собирательный термин «ярлыки» для обозначения всех документов собрания, однако, как будет показано ниже, не все из них официально являлись именно ярлыками, т. е. ханскими указами.

² Вот основные публикации полных текстов этих документов: *Новиков Н.* Древняя Российская вивлиофика, содержащая в себе собрание древностей российских, до истории, географии и генеалогии российской касающихся. Ч. I. М., 1773. С. 448–485 (2-е изд. – ч. VI. М., 1788. С. 10-26); *Щербатов М.* История российская от древнейших времен. Т. III. СПб., 1774. С. 256, 392–393, 495–497, 507, 510, 514; Полное собрание русских летописей. Т. XX. Львовская летопись. Ч. 1. СПб., 1910. С. 181–184, 188–189; Памятники русского права. С. 463–491; Русский феодальный архив XIV – первой трети XIV вв. Т. III. М., 1987. С. 571–594.

да к нему в зависимости от области знания, к которой принадлежат ученые, привлекавшие ярлыки Русской церкви. Именно поэтому наиболее целесообразным представляется не хронологический, а отраслевой анализ.

Несмотря на то, что ярлыки русской церкви сохранились только в русском переводе и на сегодняшний день представляют интерес, в первую очередь, как источник по истории отношений ханов Золотой Орды и Русской православной церкви, они все же являются источниками восточного происхождения, поэтому неудивительно, что первые исследования, посвященные этим актам были опубликованы именно востоковедами. Вероятно, наиболее ранней в хронологическом отношении работой, посвященной непосредственно ярлыкам Русской церкви, стала диссертация известного российского тюрколога В. В. Григорьева¹, которая, несмотря на критику со стороны ряда последующих исследователей, до сих пор остается востребованной у специалистов.

Впрочем, нельзя не отметить, что среди востоковедов нет единого отношения к этим документам. Некоторые из них вообще отказываются рассматривать ярлыки русской церкви как восточные источники именно из-за того, что они сохранились только в русских переводах. Два известных тюрколога, И. Н. Березин² и И. Н. Веселовский³, не проводя специального анализа этих документов (хотя неоднократно обращались к исследованию других ярлыков, сохранившихся, в оригинале, на тюркском языке), ограничились краткими заметками, в которых осуществили критический обзор работы В. В. Григорьева, уточнив ряд высказанных им положений и отдельных терминов. Впрочем, при этом, И. Н. Березин, а также другой казанский востоковед Г. С. Саблуков активно ис-

¹ Григорьев В. О достоверности ярлыков, данных ханами Золотой Орды русскому духовенству.

² Березин И. Н. Тарханные ярлыки, данные золотоордынскими ханами русскому духовенству // Казанские губернские ведомости. 1852. № 22. С. 3.

³ Веселовский И. И. Несколько пояснений касательно ярлыков, данных ханами Золотой Орды русскому духовенству // Записки российского географического общества. Т. XXXIV. Сб. в честь 70-летия Г. Н. Потанина. СПб., 1909. С. 525–536 (2-е изд. – в сборнике: *Веселовский И. И. Труды по истории Золотой Орды*. Казань, 2010. С. 48–57).

пользовали эти документы в качестве источника сведения о чиновниках Золотой Орды, системе налогов и сборов и т. д. в своих обобщающих исследованиях о Золотой Орде¹.

Некоторые современные востоковеды по аналогичной причине также не включают собрание ярлыков русской церкви в число собственно золотоордынских источников. В частности, они не задействованы ни в фундаментальной монографии М. А. Усманова о жалованных актах Улуса Джучи², ни в сборнике документов по истории Золотой Орды, опубликованном в Казани в 2011 г.³ (хотя один из составителей этого сборника, Л. Ф. Абзалов, в своей монографии⁴ широко опирается на эти акты)⁵.

Другие же представители востоковедения не только считают, что русские переводы золотоордынских ярлыков являются восточными источниками, но и осуществляют даже их филологический анализ. В частности, А. К. Боров-

¹ Березин И. Очерк внутреннего устройства Улуса Джучиева. СПб., 1863. С. 34, 51–53, 66–68, 72–76, 92–95; Саблуков Г. Очерк внутреннего состояния Кипчакского царства / 2-е изд., испр. и доп. Казань, 1895. С. 8, 22–23, 33, 51–56.

² Усманов М. А. Жалованные акты Джучиева Улуса XIV–XVI вв. Исследователь специально оговаривает, что главным критерием привлечения документов для него выступает их «тюрко-язычная оригинальность» (с. 12).

³ Становление и расцвет Золотой Орды. Источники по истории Улуса Джучи (1266–1359) / Сост., вступ. ст., коммент, указ. М. С. Гатина, Л. Ф. Абзалова. Казань, 2011. Отметим, что текст ярлыков Русской церкви при этом вошел в приложение к 7-му тому «Истории татар»: История татар с древнейших времен. В 7 тт.: Т. III. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV в. Казань, 2009. С. 843–851. Впрочем, это объясняется тем, что составители тома преследовали цель дать характеристику не только самой Золотой Орды, но и соседних государств в ордынский период.

⁴ Абзалов Л. Ф. Ордынская канцелярия. Казань, 2013.

⁵ Отсутствие единой точки зрения по поводу ханских ярлыков русской церкви имеет не только в русскоязычном востоковедении, но и за рубежом. Например, турецкие исследователи А. Н. Курат и А. Мелек Озьетгин не включают эти документы в число исследуемых ими актовых материалов, тогда как И. Кемальоглу придерживается противоположной точки зрения.

ков первым попытался соотнести эти документы с другими актами золотоордынских (и остальных чингизидских) правителей – именно на основе терминологического сходства¹. Этот подход впоследствии лег в основу многопланового исследования ярлыков Русской церкви, на протяжении нескольких десятилетий осуществлявшегося А. П. Григорьевым. Результаты его исследования без преувеличения можно охарактеризовать как уникальные, хотя ряд исследователей не вполне согласен как с используемыми им методами, так и с конкретными утверждениями. Став, по сути, родоначальником «чингизидской дипломатики»², ученый широко использовал методологию, разработанную С. М. Каштановым (и опробованную им на русских актовых материалах) для многопланового анализа большого количества официальных документов Монгольской империи и государств, выделившихся из ее состава. Выявив особенности структуры официальных актов (формуляр) в целом, А. П. Григорьев предпринял попытку приложить его и к собранию золотоордынских ярлыков Русской церкви.

На протяжении 1970–2000-х гг. А. П. Григорьев провел анализ отдельных документов собрания, а затем их систематизацию, изучил исторические условия их появления, тем самым, наверное, одним из первых продемонстрировав преимущества междисциплинарного подхода в изучении официальных золотоордынских документов на стыке востоковедения, филологии и политической истории. Наиболее важным результатом его изысканий стали реконструкции исходных текстов документов: ученый предположил, как, в соответствии с выявленным им формуляром чингизидских актов, должны были вы-

¹ Боровков А. К. Опыт филологического анализа тарханных ярлыков, выданных ханами Золотой Орды русским митрополитам // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. Т. 25. Вып. 1. 1966. С. 13–24.

² См.: Григорьев А. П. Монгольская дипломатика XIII–XV вв. *Он же*. Дополнение к «Монгольской дипломатике XIII–XV вв.» // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. Вып. 6. 1980. С. 28–52. Впрочем, эту честь ему пришлось в значительной степени разделить с вышеупомянутым казанским исследователем М. А. Усмановым.

глядеть ханские ярлыки Русской церкви до их перевода и включения в состав собрания уже в XV в.¹.

Конечно, не все выводы А. П. Григорьева представляются убедительными, некоторые из них вызывают критику со стороны других исследователей. Однако его наработки до сих пор оказываются востребованными при изучении истории Золотой Орды и русско-ордынских отношений, и большинство сегодняшних ученых, использующих ярлыки Русской церкви в своих изысканиях, используют разработанную им методологию и следуют предложенному им междисциплинарному подходу.

Ярлыки Русской церкви являются не просто документами восточного происхождения, но и юридическими памятниками. Соответственно, юристы (историки права) заинтересовались этим собранием лишь немногим позже, чем востоковеды: первое востоковедческое исследование ярлыков появилось в 1842 г. (вышеупомянутая диссертация В. В. Григорьева), а первое историко-правовое исследование – уже в 1850 г. Речь идет о статье известного историка отечественного государства и права И. Д. Беляева², сосредоточился преимущественно на формально-юридическом анализе текста этих документов, выявив должности ордынских чиновников и их полномочия по отношению к Руси. Таким образом, уже в середине XIX в. впервые было продемонстрировано значение этих документов как источников о государственности и праве Золотой Орды. Наработки И. Д. Беляева и использованная им методология впоследствии была использована не только историками государства и права России, но и, как будет упомянуто ниже, историками, обращавшимися к теме русско-ордынских отношений.

¹ Первая работа А. П. Григорьева, посвященная ярлыкам Русской церкви, вышла в 1974 г.: *Григорьев А. П.* «Вышняя троица» в ярлыке золотоордынского хана Монгке-Темюра // *Востоковедение*. Вып. 1. 1974. С. 188–200. Впоследствии, опубликовав значительное число отдельных статей по данной тематике, он обобщил свои наработки в специальной монографии: *Григорьев А. П.* Сборник ханских ярлыков русским митрополитам.

² *Беляев И. Д.* О монгольских чиновниках на Руси, упоминаемых в ханских ярлыках.

Нельзя сказать, что изучение ярлыков Русской церкви привлекло внимание большого круга историков права, тем не менее, есть основания говорить об определенных достижениях и по итогам их исследований в юридическом аспекте.

С начала 1990-х гг. изучением этих документов занимается нижегородский историк Ю. В. Сочнев, исследующий их на стыке истории права и общей истории России. Он рассматривает достаточно широкий круг вопросов, связанных с регулированием правовой политики золотоордынских ханов в религиозной сфере в целом и в отношении Русской православной церкви в частности, уточняет особенности этой политики в периоды правления отдельных монархов (Менгу-Тимура, Узбека, ханши Тайдулы), прослеживает ее эволюцию¹. Ценным, на наш взгляд, наблюдением Ю. В. Сочнева является возможность привлечения этих ярлыков как источника по истории правоотношений отдельных русских княжеств². Также исследователь, соглашаясь в целом с мнением исследователей о подложности ярлыка Узбека митрополиту Петру 1313 г.³, обращает внимание на соответствие некоторых его положений (и, в частности, предисловия) другим средневековым источникам, допуская существование реального

¹ *Сочнев Ю. В.* Формирование конфессиональной политики золотоордынских ханов...; *Он же.* Формирование и трансформация золотоордынской политики по отношению к русской православной церкви (XIII–XIV вв.) // Золотоордынское наследие. Материалы Международной научной конференции «Политическая и социально-экономическая история Золотой Орды (XIII–XV вв.)». 17 марта 2009 г. Сб. статей. Вып. 1. Казань, 2009. С. 137–150.

² *Сочнев Ю. В.* Об адресате ярлыка Тайдулы русскому иерарху Иоану; *Он же.* Политическая борьба нижегородских и московских князей и краткая коллекция ярлыков, выданных ордынскими ханами русским митрополитам // Вопросы архивоведения и источниковедения в высшей школе: Сб. материалов научно-практической конференции (7 декабря 2007 г.). Вып. IV. Арзамас, 2008. С. 51–60.

³ То, что этот документ являлся подделкой, было доказано еще в начале XX в., см.: *Сokolov П. П.* Подложный ярлык хана Узбека митрополиту Петру // Российский исторический журнал. 1918. Кн. 5. С. 70–85.

ярлыка хана Узбека, выданного митрополиту Петру¹. В рамках историко-правового анализа Ю. В. Сочнев делает важные наблюдения относительно формы и содержания ярлыков, в частности, обращая внимание на то, что адресатом этих юридических актов являлась не церковь, а ордынские чиновники, а сами акты лишь закрепляли льготы Русской церкви, никак не меняя ее статуса ни в отношении Орды, ни в отношении русских князей².

Автор этих строк также в течение ряда лет неоднократно обращался к текстам ханских ярлыков русской церкви. В ряде случаев они привлекались в качестве источников права Золотой Орды наряду с другими сохранившимися ордынскими документами³. Также была предпринята попытка охарактеризовать юридическую силу этих документов на Руси в ордынский период, прояснить вопрос о прототипе вышеупомянутого поддельного ярлыка хана Узбека митрополиту Петру. Кроме того, автор пришел к выводу, что реальное количество ярлыков, выданных ханами Золотой Орды Русской церкви на самом деле могло быть гораздо большим, и некоторые из этих документов по ряду причин не были включены в собрание его составителями⁴.

Интересное, на наш взгляд, исследование ханских ярлыков Русской церкви провел еще один современный историк права Э. В. Георгиевский, предпринявший анализ этих документов в уголовно-правовом контексте. По его мнению, через ханские ярлыки на Руси были введены в оборот такие составы преступления как взяточничество, посягательство на порядок управления, некоторые со-

¹ Сочнев Ю. В. К оценке достоверности сведений предисловия к ярлыку хана Узбека о конфессиональной политике ордынских властителей // Золотоордынская цивилизация. № 6. 2013. С. 49–60.

² Сочнев Ю. В. К вопросу об изменении правовых основ деятельности православной церкви в монгольский период.

³ Почекаев Р. Ю. Право Золотой Орды.

⁴ Почекаев Р. Ю. Правовая культура Золотой Орды. С. 183–206.

ставы религиозных преступлений (трансформировавшиеся в русском праве в посягательство на церковное имущество, хуление православия и т. п.)¹.

Однако, как уже отмечалось в начале параграфа, наиболее востребованными ярлыки русской церкви оказались для историков – исследователей Золотой Орды, русско-ордынских отношений и Руси в ордынский период.

Специальное исследование ярлыков в начале XX в. осуществил известный российский историк М. Д. Приселков². Будучи специалистом по средневековым русским источниками, он дал характеристику сохранившихся списков собрания, проанализировал две его редакции, провел глубокий текстуальный анализ документов. Важными результатами его исследования стали попытки реконструкции текстов не сохранившихся ярлыков ханов Токты и Азиза, а также предположение о том, что хан Джанибек в начале своего правления намеревался лишить русскую церковь налоговых льгот.

Известный советский историк А. А. Зимин посвятил специальную публикацию археографической характеристике двух редакций собрания ханских ярлыков русской церкви³. Кроме того, именно он подготовил к публикации краткую редакцию ярлыков в составе монументального многотомного издания «Памятники русского права», снабдив публикацию собственным «историко-правовым обзором», который, впрочем, по нашему мнению, представляет собой в большей степени филологический комментарий отдельных терминов и оборотов⁴.

После М. Д. Приселкова, насколько нам известно, отечественные историки не предпринимали столь глубокого анализа ярлыков русской церкви, хотя и активно пользовались ими в своих исследованиях. Так, для Г. А. Федорова-Давыдова их сведения послужили источником информации о золотоордынских

¹ *Георгиевский Э. В.* Общая уголовно-правовая характеристика Ярлыков татарских ханов русским митрополитам // *Право и политика.* 2017. № 2. С. 67–77.

² *Приселков М. Д.* Ханские ярлыки русским митрополитам.

³ *Зимин А. А.* Краткое и пространное собрания ханских ярлыков, выданных русским митрополитам // *Археографический ежегодник за 1961 г. М., 1962.* С. 28–40.

⁴ *Памятники русского права.* С. 471–480.

сановниках и чиновниках (примечательно, что в своем исследовании этого вопроса он опирается на изыскания И. Н. Березина и публикацию А. А. Зимины, но не учитывает работу И. Д. Беляева, специально посвященную этому вопросу)¹.

Ряд историков привлекает ярлыки русской церкви именно как источник по истории ордынской религиозной политики на Руси, эволюции статуса церкви в целом и ее отдельных институтов². В их числе можно назвать труды Н. С. Борисова³, А. И. Плигузова и А. Л. Хорошкевич⁴, И. В. Белозерова⁵, Р. А. Соколова⁶, Т. Р. Галимова⁷. Не ставя перед собой задачу анализа именно текстов ярлыков, эти исследователи подчеркивают их важность для исследований в рамках этой тематики, формулируют собственные версии эволюции отношений Орды, русских князей и православной церкви.

Значительные результаты в изучении ярлыков русской церкви позволяют современным историкам обращаться к изучению более специфических аспектов отношений Руси и Орды. Так, в работах И. И. Назипова эти акты рассматриваются как доказательство сюзеренитета Золотой Орды над Русью в целом⁸.

¹ Федоров-Давыдов Г. А. Общественный строй Золотой Орды. М., 1973. С. 91–100.

² В рамках настоящего параграфа мы не стали анализировать изучение ханских ярлыков историками русской церкви, во-первых, в силу специфики данного направления, во-вторых, потому что оно в последние годы уже неоднократно специально исследовалось специалистами – в частности, Р. А. Соколовым и Т. Р. Галимовым.

³ Борисов Н. С. Русская церковь в политической борьбе XIV–XV вв.

⁴ Плигузов А. И., Хорошкевич А. Л. Русская церковь и антиордынская борьба в XIII–XV вв. (по материалам краткого собрания ханских ярлыков русским митрополитам) // Церковь, общество и государство в феодальной России. М., 1990. С. 84–102.

⁵ Белозеров И. В. Религиозная политика Золотой Орды на Руси в XIII–XIV вв.: Автореф. ... канд. ист. наук. М., 2002.

⁶ Соколов Р. А. Русская церковь во второй половине XIII – первой половине XIV в.

⁷ Галимов Т. Р. Киевские митрополиты между Русью и Ордой.

⁸ Назипов И. И. Возможность характеристики ханских ярлыков как нормативных правовых актов для русских земель XIII–XV веков, – т.е. как признака государственного единства Орды и русских земель в названный период // Сборник статей Четвертой ежегодной

С. А. Маслова посвятила диссертационное исследование анализу статуса золотоордынских чиновников на Руси, продолжая, таким образом, традицию, заложенную еще в середине XIX в. И. Д. Беляевым. Она привлекает ханские ярлыки наряду с другими историческими документами как источник сведений о баскаках, даругах и иных золотоордынских чиновниках, действовавших на Руси, их полномочиях (преимущественно в налоговой сфере)¹.

В некоторых случаях обращение к ханским ярлыкам русской церкви специалистов по тематике, на первый взгляд никак не связанной с русско-ордынскими отношениями, приводит к весьма интересным результатам. Известно, что эти документы в XV – начале XVI вв. служили инструментом в противостоянии церкви попыткам секуляризации, предпринимаемым московскими великими князьями². А между тем, изучая богословское наследие патриарха Никона, Н. В. Воробьева отмечает, что еще и в XVII в. они оказывались востребованными церковным руководством в отстаивании своих позиций перед московскими царями³.

Итак, можно сделать вывод, что традиция изучения ханских ярлыков Русской церкви и привлечения их в качестве источника в отечественной историографии существует уже давно и разделяется на ряд направлений, представители которых, впрочем, опираются на результаты исследований друг друга. Однако подобная практика не всегда применяется отдельными авторами, и некоторые из них не учитывают в полной мере достижения своих коллег в вопросе

всероссийской научно практической конференции «Актуальные проблемы экономики и управления в современном обществе». Пермь, 2010. С. 430–433; *Он же*. Верховенство права Орды в русских землях...

¹ Маслова С. А. Институты ордынской власти над Русью. С. 26, 51, 54, 59, 66 и др.

² Собственно, само составление собрания ярлыков представителями церкви имело целью именно защиту ее интересов от светских правителей, см. подробнее: Григорьев А. П. Время составления краткой коллекции ханских ярлыков русским митрополитам.

³ Воробьева Н. В. «Царские ярлыки» московских митрополитов в полемическом дискурсе патриарха Никона // Вестник Киргизско-Российского Славянского университета. 2015. Т. 15. № 10. С. 24–26.

изучения этих документов. В результате работа со столь специфическими историческими памятниками не только позволяет добиться тех или иных научных результатов, но также время от времени и создает проблемы. Причина их как раз и состоит в том, что представители отдельных наук и дисциплин, прекрасно ориентируясь в собственной тематике, нередко не обладают необходимыми знаниями в смежных областях, что существенно отражается на качестве их исследований. Позволим себе привести несколько характерных примеров – не столько с целью критики результатов конкретных исследований, сколько для выявления аспектов проблемы в целом и поиска возможностей ее решения.

В частности, вышеупомянутый востоковед И. Н. Березин к числу налогов, появившихся на Руси под влиянием Золотой Орды, относит и мыт, аргументируя свое мнение тем, что он, наравне с тамгой, упоминается в русских документах золотоордынского времени¹. Вероятно ему, как востоковеду, было неизвестно, что мыт существовал еще в Древней Руси, в эпоху Русской Правды.

Московский историк права В. В. Еремян в своем обширном исследовании об «Ордынской Руси», анализируя статус Русской церкви, ссылается на ярлык хана Узбека митрополиту Петру, который, как упоминалось выше, еще в начале XX в. был признан подложным. Кроме того, он в данном контексте проводит «анализ ханских “ярлыков” и “тарханных грамот”»²: отсутствие представления о специфике этих документов не позволяет исследователю понять, что ярлыки русской церкви, собственно, и являлись тарханными грамотами!

Положительно оценивая диссертацию С. А. Масловой в целом, все же нельзя не отметить, что она, хорошо ориентируясь в древнерусских источниках и современной историографии, делает принципиальную, на наш взгляд ошибку, считая даруг и баскаков разными чиновниками. Между тем, если бы исследовательница более внимательно отнеслась к текстам ярлыков, она бы

¹ *Березин И.* Очерк внутреннего устройства Улуса Джучиева. С. 94.

² *Еремян В. В.* Ордынская Русь. Т. 3. С. 36–37.

убедилась, что если в них упоминаются даруги, то, соответственно, отсутствует упоминание о баскаках, поскольку первый термин является монгольским обозначением соответствующего чиновника, а второй – тюркским обозначением его же.

Еще одной распространенной в отечественной историографии принципиальной ошибкой является то, что многие современные авторы, вслед за средневековыми составителями собрания ярлыков Русской церкви, называют ярлыками документы, которые, строго говоря, таковыми не являются: речь идет о трех актах, выданных ханшей Тайдулой¹. Специалисты по восточной дипломатике неоднократно подчеркивали, что ярлык являлся указом верховного правителя – хана из рода Чингис-хана, другие представители правящей элиты не могли их издавать². Тайдула, не будучи ни официальной правительницей Золотой Орды, ни представительницей рода Чингизидов не могла выдавать ярлыки, поэтому ее правовые акты более корректно было бы называть грамотами (как делает, в частности, А. П. Григорьев).

Успехи исследователей, опирающихся на наработки своих предшественников – представителей разных наук с одной стороны и указанные проблемы у тех авторов, кто такие данные не использует с другой, на наш взгляд, являются важным доводом в пользу укрепления междисциплинарного сотрудничества в исследовании ханских ярлыков, равно как и русско-ордынских отношений в целом. Именно с учетом такого подхода специалистам и сегодня, когда ярлыки Русской церкви, казалось бы, изучены полностью и всесторонне, удастся обнаружить в этих немногочисленных и довольно небольших по объему документах что-то новое, выявить ранее необнаруженные сведения и о самих документах (в формально и содержательном отношении), и о нашедших в них

¹ Подобную досадную ошибку допускает даже такой компетентный исследователь ханских ярлыков как Ю. В. Сочнев, см.: *Сочнев Ю. В.* Православие как фактор развития религиозной ситуации в Золотой Орде // *Textum Historiae: Исследования по теоретическим и эмпирическим проблемам Всеобщей истории.* Вып. 3. Нижний Новгород, 2008. С. 149–165.

² См., напр.: *Усманов М. А.* Жалованные акты Джучиева Улуса XIV–XVI вв. С. 7–8.

отражение особенностей отношений Руси и Орды, золотоордынских ханов и православной церкви, осветить новые аспекты развития различных сфер общественных отношений на Руси и в Орде.

Полагаем, подобный вывод является важным доводом в пользу укрепления междисциплинарного сотрудничества в исследовании ханских ярлыков, равно как и русско-ордынских отношений в целом. Новым и весьма перспективным направлением в рамках такого сотрудничества, на взгляд автора, могла бы стать история православия в Золотой Орде в XIII–XV вв., при этом сами ханские ярлыки и результаты их изучения могли бы стать отправной точкой для фундаментального исследовательского проекта по этой тематике. Подобное направление представляется тем более актуальным и востребованным, что в последние годы религиозная политика Золотой Орды достаточно подробно исследуется отечественными специалистами: уже появились работы (в т. ч. монографические и диссертационные исследования) о таких религиях в Золотой Орде, как ислам¹, католичество², даже буддизм и тенгрианство¹. А между

¹ См., напр.: *Галиахметова Г. Г.* Ислам в Золотой Орде: традиции религиозного опыта. Казань, 2007; *Измайлов И. Л.* Ислам и язычество в Улусе Джучи: проблемы и дискуссии // *Культурные традиции Евразии*. Казань, 2004. С. 99–107; *Юрченко А. Г.* Золотая Орда: между Ясой и Кораном (начало конфликта). Книга-конспект. СПб., 2012; *Ислам и власть в Золотой Орде*. Сборник статей. Казань, 2012.

² См., напр.: *Майоров А. В.* Письмо римского папы Иннокентия IV золотоордынскому удельному хану Сартаку (текст, перевод, комментарий) // *Mongolica X*. С. 74–82; *Малышев А. Б.* Начало католического миссионерства в Золотой Орде // *Восток – Запад: проблемы взаимодействия и трансляции культур*. Саратов, 2001. С. 140–145; *Он же.* Деятельность католиков на Волжском пути в золотоордынский период // *Великий Волжский Путь: Развитие культурных и этноконфессиональных контактов*. Материалы Международной научно-практической конференции «Великий Волжский путь». Казань – Астрахань – Казань, 6–16 августа 2001 г. Ч. III. Казань, 2002. С. 72–84; *Он же.* Сообщение анонимного минорита о миссионерских пунктах францисканцев в Золотой Орде в XIV в. // *Археология восточно-европейской степи: межвузовский сборник научных трудов*. Вып. 4. Саратов, 2006. С. 183–189; *Хаутала Р.* В землях «Северной Тартарии»: Сведения латинских источников о Золотой Орде в правление хана Узбека (1313–1341). Казань, 2019.

тем, роль православия в этом государстве до сих пор рассматривалась либо в контексте русско-ордынских отношений (или внешней политики Золотой Орды в целом)², либо, как уже отмечалось выше, в рамках изучения истории Русской церкви в золотоордынский период. Есть основания считать, что современный уровень разработки данной тематики позволит раскрыть историю православия в Улусе Джучи подробно и с различных точек зрения, что и должно обеспечить междисциплинарное сотрудничество.

¹ См. подробнее: *Костюков В. П.* Буддизм в культуре Золотой Орды // Тюркологический сборник 2007–2008. История и культура тюркских народов России и сопредельных стран. М., 2009. С. 189-236; *Шереметьев А. Г.* Религиозный фактор в политической жизни Золотой Орды. Дисс. ... канд. ист. наук. Саратов, 2014.

² См., напр.: *Полубояринова М. Д.* Русские люди в Золотой Орде. М., 1978. С. 22–34; *Малышев А. Б.* Православие в этноконфессиональных отношениях Золотой Орды, Византии и государств Северного Причерноморья // Русская православная церковь и межконфессиональные отношения в Нижнем Поволжье: Сб. статей. Волгоград, 2003. С. 5–29.

§ 3. ПРАВОВЫЕ ГАРАНТИИ В ХАНСКИХ ЯРЛЫКАХ РУССКОЙ ЦЕРКВИ

Как мы убедились, изучение ярлыков ханов Золотой Орды русской церкви XIII–XIV вв. имеет долгую историю, что, однако, отнюдь не означает, что исследование этих источников не имеет дальнейших перспектив по выявлению новой информации. Напротив, обращение к ним не только специалистов по политической и социально-экономической истории Древней Руси, Золотой Орды и русско-ордынских отношений, но и представителей смежных научных дисциплин (дипломатики, исторической филологии, истории государства и права) показывает, в каких разных аспектах могут быть рассмотрены эти документы, и каждый исследователь имеет возможность обнаружить в них что-то, интересующее именно его.

Для автора этих строк наиболее интересным представляется историко-правовой анализ ханских ярлыков русской церкви, который, как отмечено в предыдущем параграфе, в последние годы стал привлекать внимание специалистов-правоведов, хотя и не столь многочисленных. И это, безусловно, логично и закономерно, ведь ханские ярлыки (причем не только пожалованные русской православной церкви, но и как тип документов в целом), в первую очередь, являются именно правовыми актами. Соответственно, их историко-правовой анализ имеет весьма значительные перспективы, особенно если не ограничиваться их общей характеристикой с точки зрения истории права, а сосредоточиться на конкретных юридических аспектах. В рамках настоящего исследования в качестве такого аспекта выбраны положения ярлыков, касающиеся возможностей их обладателей, т.е. представителей русского православного духовенства реализовать и защитить права и привилегии, пожалованные им ханами.

В современной правовой науке такие возможности определяются как правовые гарантии и связываются чаще всего с конституционно-правовой сферой. Соответственно, их отсчет ведется одними исследователями от английской Ве-

ликой хартии вольностей 1215 г., другими же – от западноевропейских конституционных актов конца XVII–XVIII вв. (английские Habeas Corpus Act 1679 г. и Билль о правах 1689 г., американская конституция 1787 г., французская декларация прав человека и гражданина 1789 г. и др.). Однако правоведы вполне обоснованно отмечают, что подобные гарантии распространялись (и распространяются) не только на политическую, но и на социально-экономическую сферу. Гарантии защиты предоставляемых прав традиционно включают в себя два основных блока – запрет нарушения прав и законных интересов обладателей имущества со стороны других лиц (включая представителей государства) и законные способы защиты прав в случае, если они все же были нарушены¹. В первом случае государство само ограничивает свой «суверенитет» в отношении конкретных лиц и их имущества, во втором оно помогает пострадавшим владельцам защитить и восстановить свои права.

Анализируемые нами ярлыки ханов Золотой Орды представляют собой жалованные акты, закрепляющие за конкретными субъектами (а именно представителями русского православного духовенства) льготы и привилегии в личной и имущественной сфере, нас заинтересовал вопрос о том, каким образом правители Улуса Джучи обеспечивали возможности по реализации и защите их прав. Именно это натолкнуло нас на мысль об анализе соответствующих положений ханских ярлыков именно как гарантий прав их обладателей.

Источниковую базу нашего исследования составляет хорошо известное собрание ханских ярлыков русской церкви в его краткой редакции, включающее шесть документов, из которых только три, собственно, и являются ханскими ярлыками. Три другие документа – это грамоты ханши Тайдулы 1340–1350-х гг., которые с формально-юридической точки являются подзаконными актами, хотя также названы в собрании «ярлыками». Однако их подзаконный статус никоим образом не умаляет их ценности в рамках проводимого нами анализа. Как видим, круг документов, непосредственно относящихся

¹ *Алексеев С. С.* Право: азбука – теория – философия: Опыт комплексного исследования. М., 1999. С. 382.

к выбранной теме исследования, весьма немногочислен. Это обусловило необходимость в ряде случаев привлекать и анализировать также другие ярлыки ханов Золотой Орды и даже некоторых ее наследников – тюрко-татарских ханств XV–XVIII вв.

Кроме того, нельзя не отметить, что исследователи до сих пор специально не занимались непосредственно вопросами правовых гарантий в ханских ярлыках русскому духовенству, но некоторые наблюдения в этом направлении были сделаны рядом специалистов на примере других ярлыков Золотой Орды и постордынских ханств. Они нашли отражение, в частности, в трудах Г. А. Федорова-Давыдова (по золотоордынским ярлыкам), Ш. Ф. Мухамедьярова (по казанским ярлыкам), Ф. Ф. Лашкова (по ярлыкам Крымского ханства).

Права и привилегии русской церкви, гарантии которых мы намерены исследовать, были впервые установлены в ярлыке Менгу-Тимура 1267 г., остальные анализируемые документы в той или иной степени являлись подтверждающими по отношению к этому правовому акту. Поскольку содержание ярлыков представляет собой преимущественно освобождение русского православного духовенства от налогов и повинностей, которые традиционно возлагались на остальные категории населения Золотой Орды и вассальных государств, есть все основания определять данные ярлыки как тарханные¹. Поскольку указанные документы являлись актами высшей юридической силы, выдававшие их ханы-Джучиды, безусловно, были заинтересованы в том, чтобы их воля исполнялась всеми подданными. Именно это и обусловило необходимость уточнения мер по защите пожалованных прав и привилегий.

В соответствии с вышеприведенной классификацией правовых гарантий можно выделить две основные группы таких мер.

Первая группа предписывает посторонним лицам воздерживаться от посягательств на владение, защищенное ханским пожалованием. И круг адресатов, и само содержание такого запрета, а главное – круг обладателей прав и приви-

¹ См., в частности: *Шапшал С. М.* К вопросу о тарханных ярлыках // Академику В. А. Гордлевскому к его семидесятилетию: Сборник статей. М., 1953. С. 304–316.

легий, на которые этот запрет распространялся, представлены в ярлыках довольно широко. Круг адресатов, фигурирующих в ярлыках, уже неоднократно становился предметом исследования специалистов: таковыми выступали представители ханской администрации разного уровня, не считая, впрочем, термина «все», которым традиционно завершался адресат подобных актов. Это отражает высокую степень централизации власти и развитый административный аппарат Улуса Джучи в XIII–XIV вв., когда власти в полной мере представляли правомочия и возможности различных категорий должностных лиц в сфере взимания налогов или возложения повинностей на подвластных лиц¹.

Напрямую со статусом тех лиц, на которых распространялись гарантии-запреты, было связано и их содержание. Так, для чиновников и других представителей государственной власти основным требованием было недопущение облагать тарханное имущество налогами и сборами, которые взимались ими с остального населения, а также требовать от них исполнения повинностей². В данном случае мы имеем в виду не сборы и пошлины, которые взимались при совершении торговых операций и перемещениях с торговыми целями по стране (хотя большая часть привилегий тарханов была связана как раз с этой сферой), а именно те, которые непосредственно касались личного статуса и имущества. К таким налогам мы относим, в частности, сборы с объектов недвижимости, скота, урожая, дары и подношения представителям власти (чиновникам, послам, гонцам), проезжающим через соответствующий населенный пункт³. Повинностями же, которыми представителям ордынских властей не полагалось облагать русское православное духовенство, являются предоставление подвод, корма для проезжающих послов и гонцов и фуража для их лошадей, а также

¹ См.: *Петрушко В. И.* История Русской Церкви... С. 88.

² До сих пор эти положения традиционно рассматривались как источник по истории налогообложения Золотой Орды, см., напр.: *Федоров-Давыдов Г. А.* Общественный строй Золотой Орды. С. 131–133.

³ См., напр.: *Беляев И. Д.* О монгольских чиновниках на Руси, упоминаемых в ханских ярлыках. С. 108–109.

и самих лошадей, постоя в их домах тех же чиновников или солдат¹. Отметим, что этот круг запретов ханы не считали исчерпывающим, и поэтому, начиная еще с ярлыка Менгу-Тимура митрополиту Кириллу 1267 г., в текст ханских указов стали включаться и более абстрактные категории, предписывающие не творить «насилие», не чинить «вторжения и учинительства», «притеснительства», «обиду и угнетение» и пр.

Большой интерес вызывает круг объектов прав, в отношении которых устанавливались подобного рода ограничения для посторонних лиц. К ним следует отнести как личные, так и имущественные права и привилегии.

Личные права русского православного духовенства, подлежащие защите, были, впрочем, довольно немногочисленны. Среди них – освобождение от предоставления воинов (повинность «чирик авы», именуемая в русских переводах ярлыков «войной»²) и участников облавных охот (в связи с чем среди адресатов упоминаются «сокольники» и «пардусники»³).

Еще одна привилегия, связанная с правовым статусом представителей духовенства, оказалась защищена не в ханском ярлыке, а в грамоте Тайдулы, выданной некоему «митрополиту Иоану», личность которого неоднократно пытались установить исследователи⁴, но при этом адресованной не столько ордынским чиновникам, сколько русским князьям во главе с великим князем Симео-

¹ Позволим себе не вполне согласиться с определением М.А. Усмановым этих «оборотов-запретов» как санкций, см.: *Усманов М. А. Жалованные акты Джучиева Улуса XIV–XVI вв.* С. 247. Возможно, с точки зрения дипломатики они и являлись таковыми, однако в формально-юридическом отношении это были именно гарантии прав владельцев, тогда как собственно санкции (ответственно за нарушение предписаний ярлыков) указывалась отдельно.

² *Григорьев А. П. Сборник ханских ярлыков русским митрополитам.* С. 34; *Усманов М. А. Жалованные акты Джучиева Улуса XIV–XVI вв.* С. 237.

³ *Беляев И. Д. О монгольских чиновниках на Руси, упоминаемых в ханских ярлыках.* С. 110; *Григорьев А. П. Сборник ханских ярлыков русским митрополитам.* С. 29–30.

⁴ См., напр.: *Григорьев А. П. Сборник ханских ярлыков русским митрополитам.* С. 45–54; *Сочнев Ю. В. Об адресате ярлыка Тайдулы русскому иерарху Иоану.* С. 52–55.

ном Гордым, сыном Ивана Калиты. На основании этого документа М. Д. Приселков предположил попытку вмешательства великого князя в судебную компетенцию русской православной церкви, что было нарушением сложившегося порядка, собственно и восстановленного в акте ханши Тайдулы¹. Таким образом, речь шла о праве представителей церкви на собственный суд без вмешательства светских русских властей.

Наконец, в ярлыке Менгу-Тимура существует также запрет на оскорбление православной церкви: «А кто иметь веру их хулити – тот человек извиниться и умрет»². Учитывая отсутствие подобного рода положений в других ярлыках, А. П. Григорьев вполне обоснованно предположил, что эта фраза была вставлена переводчиком или же более поздним переписчиком текста ярлыка³.

Гораздо более подробно перечислены в ярлыках объекты охраняемых имущественных прав. Сравнив пожалования в ярлыках русской православной церкви с содержанием в аналогичных документах, в т. ч. и в постордынских государствах, нельзя не прийти к выводу, что русская православная церковь (как, впрочем, и другие конфессии на территории Золотой Орды, вассальных ей государств, а затем – и постордынских ханств⁴) обладала самыми обширными владениями по сравнению с частными лицами, аристократическими семействами и пр. У последних объектами, защиту от посягательств на которые гарантировали ярлыки, могли быть дома, поля, колодцы и т.п. В ярлыках же православной церкви в качестве таких объектов выступают «церковное, земля, вода, огороды, винограды, мельницы, зимовища, летовища» (ярлык Менгу-Тимура 1267 г.), «церковныя дома, воды, земли, огороды, винограды, мельницы» (ярлы-

¹ Приселков М. Д. Ханские ярлыки русским митрополитам. С. 79–81.

² Памятники русского права. С. 467.

³ Григорьев А. П. Сборник ханских ярлыков русским митрополитам. С. 39. Ср.: Петрушко В. И. История Русской Церкви... С. 88.

⁴ См., в частности, Зайцев И. В. О правах христиан в Крымском ханстве. Ярлык хана Сахиб-Гирея крымским христианам (1772 г.) // Крым: проблемы истории. М., 2016. С. 72; Хаутала Р. В землях «Северной Тартарии». С. 261.

ки Бердибека 1358 г. и Мухаммада-Булака 1379 г.)¹. Сопоставимы с ними по объему имущества, защищаемого от посягательств ханскими ярлыками лишь владения крупнейших золотоордынских феодалов².

Этот обширный перечень имущества, защищаемого от посягательств со стороны ордынских чиновников был частично сокращен лишь в период правления хана Джанибека: согласно реконструкции М. Д. Приселкова, в своем ярлыке митрополиту Феогносту 1343 г. хан не включил в число неприкосновенного имущества «церковные дома», тем самым позволив своим представителям, приезжающим на Русь, вставать на постой в зданиях, принадлежавших церкви и духовенству, а также исключил из налогового иммунитета «дань», т.е., по сути, обложив церковное имущество «выходом», который платили светские вассалы Золотой Орды со своих подданных³. Однако уже грамота Тайдулы, выданная тому же Феогносту в 1351 г., несколько смягчила негативный эффект от ярлыка ее сына, а Бердибек, сын и наследник Джанибека, в ярлыке митрополиту Алексию 1357 г. полностью восстановил прежние льготы и иммунитета русской православной церкви.

Весьма специфический объект, характерный для религиозных организаций, но совершенно нетипичный для любых светских правообладателей нашел отражение в ярлыке Менгу-Тимура: «Или что в законе их книги или ино что — да не заимають, ни емлють, ни издеруть, ни погубять их»⁴. Отсутствие подобного положения как в других ярлыках русской церкви, так и в других жалованных грамотах ордынских (и постордынских) ханов, впрочем, позволяет в полной мере согласиться с мнением А. П. Григорьева, что это положение, «ратующее за сохранность богослужебных книг», стало результатом «творчества рус-

¹ Памятники русского права. С. 465–469.

² См., напр.: Радлов В. Ярлыки Тохтамыша и Темир-Кутлука // Записки Восточного отделения Императорского Русского археологического общества. Т. III. 1889. С. 21.

³ Приселков М.Д. Ханские ярлыки русским митрополитам. С. 74–76.

⁴ Памятники русского права. С. 467.

ского редактора текста ярлыка Менгу-Тимура» – как и вышеприведенное упоминание ответственности за «хуление» православной веры¹.

Как отмечают исследователи традиционной государственности, традиция иммунитетов в значительной степени на Востоке в разные эпохи была связана с тем, что центральные власти не всегда имели возможность обеспечить централизованный сбор налогов и пр.². Думается, что аналогичным образом правители Золотой Орды не могли гарантировать и неуклонное соблюдение своих ярлыков, которыми они, собственно и закрепляли такие иммунитеты. Поэтому наряду с прямыми предписаниями чиновникам и прочим лицам воздержаться от посягательств на тарханное или суюргальное владения ханы в ряде случаев гарантировали обладателям ярлыков возможность на самозащиту своих законных прав и интересов.

Так, в ярлыках русской православной церкви имелись предписания, что взятое следует вернуть: «И яже будутъ поимали, – и они да въздадутъ назад» (ярлык Менгу-Тимура 1267 г.), «А кто будетъ что взял или кто возьметъ, – и тот да отдасть назад» (ярлык Бердибека 1357 г.) «А кто что будетъ взял или что возьметъ, и он отдасть назад» (ярлык Мухаммада-Булака 1379 г.)³. Можно предположить, что сами обладатели ярлыков имели возможность, предъявив соответствующий документ, истребовать незаконно захваченное имущество⁴.

¹ Григорьев А.П. Сборник ханских ярлыков русским митрополитам. С. 39.

² Разуваев Н.В. Традиционное государство: правовая природа, сущность и типология. СПб., 2008. с. 234.

³ Памятники русского права. С. 466, 469.

⁴ Впрочем, анализ более поздних документов позволяет сделать вывод, что со временем возможности самозащиты своих прав и привилегий стали более разнообразными по сравнению с периодом, когда золотоордынские ханы жаловали первые ярлыки русской православной церкви. Так, ханы Джанибек и Бердибек в ярлыках венецианским купцам Азова (1342, 1347, 1358) позволяют им самостоятельно охранять пожалованный им во владение участок от посягательств своих главных конкурентов – генуэзцев, см.: Григорьев А. П., Григорьев В. П. Коллекция золотоордынских документов XIV века из Венеции. С. 74, 119, 166. В ярлыках крымских ханов караимской общине Кырк-Ера (Чуфут-Кале) владельцам пастбищ дается

Интересно отметить присутствующий в двух последних ярлыках оборот «кто будет что взял или кто возьмет/вземлет»: полагаем, что речь идет не только о возможности защиты своих прав как непосредственно в момент их нарушения (сейчас «вземлет»), так и в случаях, когда о нарушении права становилось известно уже после совершения противоправных действий, т.е. когда обладатели прав и привилегий узнавали, что кто-то уже «что взял».

Наряду с вышеперечисленными к числу правовых гарантий относится защита своих нарушенных прав и законных интересов в суде. Такое право было и у обладателей ханских ярлыков, что, впрочем, подтверждается не столько в интересующих нас положениях ярлыков (гарантиях владельческих прав), сколько в других положениях – об обстоятельствах выдачи соответствующего документа, – а также в дополнительных исторических источниках.

Прежде всего, само получение или подтверждение права на тарханство реализовывалось в результате обращения подданного (или вассала) к хану. И, в зависимости от ситуации, монархи Золотой Орды, рассмотрев такие прошения, принимали решение либо учредить новую привилегию (если обращение происходило впервые), либо же подтвердить ранее учрежденную¹. В самих ярлыках это решение отражалось в преамбуле, в которой, собственно, и излагались причины выдачи соответствующего ярлыка. Указывая, что обладатель привилегии (первичный или правопреемник прежнего) обратился к ханскому

право самостоятельно, без дополнительных судебных санкций, снести ограждения, незаконно возведенный в их владениях жителями соседних (христианских!) селений, см.: *Фиркович З. А.* Сборник старинных грамот и узаконений Российской империи касательно прав и состояния русско-подданных караимов. СПб., 1890. С. 71, 74, 78–79, 84–85, 96.

¹ В связи с этим уместно вспомнить проблему, связанную с длительностью действия правовых норм. Согласно Г. Харту, подтверждение установленного правила каждым новым правителем представляет собой «простейший случай», см.: *Харт Г. Л. А.* Понятие права / Пер. с англ. под ред. Е. В. Афонасина и С. В. Моисеева. СПб., 2007. С. 68–69, 73. Тем не менее, именно практика подтверждения каждым новым монархом ярлыков своих предшественников была в течение веков распространена в Монгольской империи и выделившихся из нее чингизидских государствах, в т. ч. и в Золотой Орде.

суду и получил положительное решение, ханы тем самым создавали прецедент, на основе которого обладатели владельческих прав и в других случаях могли обращаться к суду монарха или другого представителя золотоордынских властей, которому хан делегировал судебные полномочия. Имеем основания полагать, что в результате именно подобного обращения в суд ханши Тайдулы и была выдана вышеупомянутая грамота «митрополиту Иоану».

Завершая разговор о судебной защите владельческих прав как гарантии их реализации, нельзя не сказать о последствиях нарушения предписаний ханских ярлыков в отношении законных правообладателей – т. е. о санкциях. Любопытно отметить, что в большинстве дошедших до нас ярлыков ханов Золотой Орды они прописаны очень неопределенно и обтекаемо: нарушителям следует «убояться», «беречься и беречься», порой в документе присутствует угроза, что преступник «будет утрашен», ему «не будет добра», «не хорошо будет», ему «разве будет добро?» и т.п.¹. И именно в ярлыках золотоордынских ханов русским митрополитам негативные последствия за нарушение ханских предписаний достаточно четко конкретизированы: так, в ярлыке Менгу-Тимура русской церкви 1267 г. говорится, что посягнувшие на церковное имущество «по велицеи язе ивиняться и умрут», т.е. будут преданы казни на основе установлений (Великой Ясы) Чингис-хана. В ярлыках Бердибека 1357 г. и Мухаммада-Булака 1379 г. уже без ссылок на Ясу просто отмечается, что такие преступники «во гресех будут да умрут смертию», смертная казнь в качестве наказания присутствует и в грамоте Тайдулы митрополиту Феогносту 1351 г.: «умреть и поблюдеться»².

Правда, еще в первой половине XIX в. В. В. Григорьев посчитал эти формулировки, существенно отличавшиеся от характерной для ярлыков санкции «да будет тому худо», «христианской» заменой, сделанной переводчиком тек-

¹ См., напр.: *Григорьев А. П., Григорьев В. П.* Коллекция золотоордынских документов XIV века из Венеции. С. 120, 166. Примечательно, что в ярлыка хана Узбека францисканским миссионерам 1314 г. вообще нет санкции, см.: *Хаутала Р.* В землях «Северной Тартарии». С. 261.

² Памятники русского права. С. 466, 468, 470.

ста документа¹. Однако, его однофамилец А. П. Григорьев, допустив реальность упоминания в ярлыке Менгу-Тимура санкции в виде смертной казни на основании Ясы Чингис-хана, предположил, что и в более поздних ярлыках эта мера наказания была сохранена – хотя и без ссылки на установления Чингис-хана со стороны его потомков, принявших ислам².

Тем не менее, более обоснованным видится мнение В. В. Григорьева: неопределенность в отношении санкций, характерная для золотоордынских и постордынских ярлыков, объясняется тем, что вид и тяжесть наказания за посягательства на права и привилегии, установленные в ханских указах, зависели от того, какое именно нарушение было допущено – являлось ли оно самовольно введенным налогом или сбором, присвоением защищаемого имущества, незаконным вторжением и т.д. Именно поэтому, предусматривая ответственность за нарушение ханской воли, монархи не вдавались в подробности относительно самих наказаний, предусмотренных другими источниками права.

Наконец, постараемся ответить на вопрос: насколько мы можем анализировать положения считать правовыми гарантиями владельческих прав с точки зрения современной юридической науки? Обычно гарантии прав отдельных лиц теоретики права связывают с определенными ограничениями власти самого государства, т. е. его суверенитета³. Правда при этом обращают, что данное ограничение все же распространяется не на государство как на суверена, а лишь на его отдельных представителей, в которых оно персонифицируется⁴.

¹ Григорьев В. В. О достоверности ярлыков, данных ханами Золотой Орды русскому духовенству С. 105–106.

² Григорьев А. П. Сборник ханских ярлыков русским митрополитам. С. 42–43, 196–197.

³ Правда, специалисты чаще о таком ограничении говорят преимущественно в отношении признания определенным государством норм международного права высшими по отношению к собственному, национальному праву, см., напр.: Харт Г. Л. А. Понятие права. С. 223.

⁴ Кельзен Г. Чистое учение о праве / Пер. М. В. Антонова, С. В. Лёзова; 2-е изд. СПб., 2015. С. 380.

Если мы обратимся к анализируемым положениям ханских ярлыков, то убедимся, что предписаниями, которые мы характеризуем как гарантии прав и привилегий православного духовенства, в самом деле, вводятся запреты на определенные действия лишь в отношении ханских подданных – чиновников, послов и пр. (исключая грамоту Тайдулы 1347 г., адресованную русским князьям). Власть же самих ханов в ярлыках никоим образом не ограничивается предписаниями изданных ими указов, и яркий пример тому – вышеупомянутая реконструкция М. Д. Приселковым предполагаемого ярлыка Джанибека 1343 г., которым он урезал часть прежних иммунитетов русской православной церкви. Позволим себе предположить, что запреты чиновникам и другим лицам посягать на личные и имущественные права русского духовенства и, как следствие из них, возможность пострадавших пожаловаться на них монарху Золотой Орды, являлись не столько защитой интересов владельцев ярлыков, сколько инструментом сдерживания чиновничьего произвола, возможностью привлекать нерадивых служащих к ответственности.

Более того, в ярлыках, выданных золотоордынскими ханами православному духовенству, присутствуют запреты и ограничения для самих владельцев. Так, например, в грамоте ханши Тайдулы митрополиту Феогносту 1351 г. присутствует такое положение «И ты, Фегност [sic! – *P. П.*] митрополит, возмолвишь, что так есмь пожалован А котории к тебе не причястни огороди, виноград, воды, земли, сам нечто не так учинишь, то сам ведаешь». В ярлыке Бердибека митрополиту Алексею 1357 г. этот пункт прописан более подробно: «А ты, Алексеи, митрополит и весь ваш поповьскый чин възмолвити, что сяк пожаловани есмы оч да церковным домом, землям, водам, огородом, виноградом или над церковными людми что учинишь чрез пошлину, – ино то на тебе. Или кто разбоем, татбою, лжею лихое дело учинить каковъ, а не имешь того смотри, ино то сам ведаешь, каково о том исправление учинишь». Практически идентично ему и соответствующее положение в ярлыке Мухаммада-Булака митрополиту Михаилу 1379 г.: «А ты, Михаило митрополит, възмолвишь, что тако есми пожалован, да тем домом церковным или землям или водам и в ого-

родех и в виноградех или над людьми церковными, что чрез пошлину учинишь, – ино то на тебе. Или учинить татьбу или ложь или иное кое злое дело, а не имешь того смотрити ино то и сам ведаешь, каков ответ богу вздаси»¹.

Таким образом, православному духовенству предписывалось не злоупотреблять своими правами, не пытаться, прикрываясь ярлыком, захватывать имущество или владения своих соседей, облагать дополнительными налогами и сборами собственных подвластных лиц и пр. Более того, любые злоупотребления, предпринятые подчиненными митрополитов, предписывалось, как видим, преследовать и наказывать им самим, а не обращаться в ханский суд. Как представляется, эти предписания тоже служили в пользу упорядочения отношений между ханом и русской православной церковью по сути обеспечивая сохранение правопорядка в вассальных русских землях: под угрозой лишения привилегий обладатели ярлыков должны были вести себя законопослушно, к чему, собственно, и стремились Джучиды.

Обратим внимание, что никаких обязательств по обеспечению гарантий прав и привилегий ханы, выдававшие ярлыки русской церкви, на себя не принимали (как, впрочем, и в других тарханских ярлыках, выдававшихся их собственным подданным и пр.): ни в одном документе они не упоминают, что несут ответственность за соблюдение этих прав и гарантий. Таким образом, свою роль в обеспечении гарантий имущественных прав монархи видели только в предоставлении им права обращения в ханский суд – но такое право, как известно, было у всех подданных Джучидов, жителей их вассальных владений и даже у иностранцев, пребывавших в их владениях.

Итак, можно сделать вывод, что гарантии прав и привилегий в ханских ярлыках русскому православному духовенству присутствовали и даже реализовывались на практике. Однако, прописывая их в своих актах, ханы руководствовались не столько соображениями о выгодах самой русской православной церкви и ее представителей, сколько собственными государственными интересами – в первую очередь, обеспечением законности и правопорядка, правомер-

¹ Памятники русского права. С. 466, 468–469, 470.

ного поведения своих подданных, включая и представителей владельческой знати, и чиновников, и самих пожалованных лиц. Думается, именно это обстоятельство позволяет говорить о специфике гарантий прав и иммунитетов золотоордынскими монархами не только в отношении русского православного духовенства, но и в законотворческой практике Джучидов в целом, впоследствии продолженной и в постордынских государствах.

В заключение отметим, что данное исследование еще раз демонстрирует ценность золотоордынских ярлыков русской православной церкви как историко-правовых памятников, которые до сих пор еще не в полной мере изучены и могут представлять весьма ценный материал для анализа с точки зрения различных смежных наук.

§ 4. ОРДЫНСКИЕ «МОТИВЫ» В ЖАЛОВАННЫХ ГРАМОТАХ РУССКИХ КНЯЗЕЙ МОНАСТЫРЯМ (НА ПРИМЕРЕ ГРАМОТ УДЕЛЬНЫХ КНЯЗЕЙ ТРОИЦКОМУ МОНАСТЫРЮ XV В.)¹

Проблемы отношений ханов Золотой Орды с русской православной церковью и их влияния на взаимодействие русских князей с церковными иерархами многократно привлекал и продолжает привлекать внимание исследователей. Однако немногие из них обращались к вопросу о влиянии ордынского опыта на последующие отношения светских (княжеских и царских) властей с церковью, а исследованием этого влияния на примере конкретных правовых памятников занимаются вообще единицы. Наиболее активно на этом направлении сегодня работают Т. Р. Галимов, полагающий, что именно в ордынский период и благодаря ханской политике сформировался тот статус церкви, который впоследствии поддерживали и русские князья, а также активно отстаивали сами церковные иерархи², и Ю. В. Сочнев, подчеркивающий наличие заимствований из ордынского правового опыта в грамотах светских властей в пользу церкви, датированных не только XV, но и рубежом XVI–XVII вв.³

Однако насколько значительным оказалось ордынское влияние на церковную политику русских властей и насколько широко оно вошло в русскую правовую практику? Исследования специалистов не содержат объективного ответа на этот вопрос, поскольку в них затрагиваются, как правило, отношения в масштабе всей Московской Руси или даже на межгосударственном уровне, которые можно условно охарактеризовать как государственно-правовые или международные. Влияние ордынских правовых традиций на правотворческую практику великих князей вполне объяснимо в силу их постоянных контактов с ордынскими властями в лице ханов Улуса Джучи, их сановников и послов.

¹ Автор искренне благодарен д. ю. н., к. и. н., проф. Ю. В. Оспенникову (Самарский НИУ им. академика С. П. Королева) за замечания и рекомендации по содержанию параграфа.

² Галимов Т. Р. Киевские митрополиты между Русью и Ордой. С. 151, 154.

³ Сочнев Ю. В. Золотоордынский правовой прецедент в царской грамоте 1606 г. С. 134.

А до какой степени распространилось это влияние на последующие уровни власти и управления в русских землях?

Для ответа на этот вопрос в данном параграфе предпринимается попытка выявления «ордынских мотивов» в жалованных грамотах не великих, а удельных князей, причем в пользу отдельных монастырей. На наш взгляд, эти акты регулируют отношения, можно сказать, уже «третьего уровня» по сравнению грамотами великих князей митрополитам и епископам (которые, к тому же, нередко носят декларативный, «желательный», характер¹). Таким образом, они отражают повседневную распорядительную практику русских правителей и, соответственно, относятся к актам уже административно-правового характера. Подтверждением этой характеристики является мнение о том, что такого рода грамотами их издатели делегировали ряд публично-правовых функций – в административной, налоговой и судебной сфере².

Средневековые княжеские грамоты, несомненно, не относятся к числу малоизученных источников по истории Древней Руси – напротив, многие из них введены в оборот, опубликованы и активно исследуются. Однако в большинстве случаев они рассматриваются специалистами как источник по политической и социально-экономической истории, тогда как изучение их именно как памятников права до сих пор не вышло на тот уровень, которого они заслуживают.

Также нельзя не отметить, что и на сегодняшний день эти грамоты в силу их многочисленности и разнообразия не классифицированы достаточно четко, и любые критерии их систематизации, предлагавшиеся различными специалистами, так и не стали общепринятыми³. Поэтому для проведения первичного

¹ Как, например, уставы русских князей церкви – в частности, уставная грамота великого князя Василия I митрополите Киприане 1404 г., неоднократно исследовавшаяся в т. ч. и в контексте ордынского влияния на политические и правовые отношения на Руси.

² *Оспенников Ю. В.* К вопросу о трактовке жалованных грамот // *Право и государство: теория и практика.* 2015. № 1 (121). С. 11.

³ Там же. С. 6.

исследования по данной тематике наиболее оптимальным представляется изучение сравнительно небольшого круга грамот, регулирующих однородные правоотношения.

В связи с этим в качестве объекта анализа выбрана серия грамот Троице-Сергиеву монастырю, опубликованных в известном сборнике «Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в.»¹ и датированных первой половиной – серединой XV в. (период правления великих князей Василия I и Василия II). Причиной выбора именно этих документов стали, во-первых, значимость монастыря, который митрополиты уже во второй половине XIV в. рассматривали как образцовый для проведения монастырской реформы, вскоре среди его монахов стали появляться и представители знати². Кроме того, с начала XV в. в силу приобретенного авторитета, этот монастырь стал одним из крупнейших землевладельцев Московской Руси³, а именно в отношении его вновь приобретаемых земельных владений, как мы увидим ниже, в исследуемых грамотах наиболее ярко отразились элементы золотоордынского влияния. Выбор хронологических рамок объясняется тем, что именно на рубеже XIV–XV вв., как известно, прекратилась практика выдачи ханских ярлыков русскому духовенству, и их заменили как раз княжеские грамоты.

Большинство жалованных грамот Троице-Сергиеву монастырю, включенные в данный сборник, принадлежат великим князьям, а, как мы отметили выше, они не могут объективно отражать степень внедрения рецепции ордынского права на Руси в целом. Поэтому для исследования были выбраны грамоты удельных князей рассматриваемого периода, которых оказалось не так много:

¹ Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в. Т. I.

² *Борисов Н. С.* Русская церковь в политической борьбе XIV–XV вв. С. 91, 146.

³ См., напр.: *Скрынников Р. Г.* Святители и власти. Л., 1990. С. 48–49.

1) жалованная оброчная и несудимая грамота радонежского князя Андрея Владимировича игумену Троицкого монастыря Никону на с. Удинское в Прилуке Угличского уезда от марта 1411 г.;

2) жалованная данная грамота Дмитровского князя Петра Дмитриевича тому же игумену Никону на омут Терменевский с исключительным правом ловли рыбы и бобров в нем по р. Воре вдоль монастырской земли от 4 августа 1423 г.;

3) жалованная данная тарханная и несудимая грамота (2-я) кнг. Аграфены [шехонской], вдовы князя Афанасия Ивановича с детьми Семеном и Василием игумену Троице-Сергиева монастыря Зиновию на монастырек св. Николая на р. Шексне с землями, пустошами, езами и пожнями, 1432–1445 гг.;

4) жалованная тарханная и несудимая грамота угличского и галичского кн. Дмитрия Шемяки Троице-Сергиеву монастырю на села и деревни Удинское, Здвиженское, Перетержское и др. в Угличском уезде с платежом оброка, 1434–1447 гг.;

5) жалованная тарханная и несудимая грамота Можайского князя Ивана Андреевича игумену Троице-Сергиева монастыря Зиновию на монастырек св. Юрия в Раменейце и землю «Поповские» по р. Шексне 1442/1443 г.;

6) жалованная льготная и несудимая грамота серпуховско-боровского и радонежского князя Василия Ярославича тому же игумену Зиновию на с. Кесово в Радонеже, 1444/1445 г.;

7) жалованная несудимая грамота можайского князя Ивана Андреевича игумену Троице-Сергиева монастыря Досифею на село Присецкое в Бежецком Верхе от 27 мая 1446 г.;

8) жалованная льготная, тарханная и несудимая грамота серпуховско-боровского князя Василия Ярославича тому же игумену Досифею на двор в Дмитрове, села Ведерниче, Бунятино и на др. владения в Дмитровском уезде от 10 мая 1447 г.;

9) жалованная обельная и несудимая грамота можайского князя Ивана Андреевича игумену Троице-Сергиева монастыря Мартиниану на монастырек

св. Юрия в Раменейце с землями по р. Шексне в Пошехонском уезде от 3 марта 1454 г.

Мы сочли целесообразным провести анализ этих документов на предмет ордынского влияния в них по двум основным направлениям – формальному, т. е. с точки зрения использования ордынского формуляра и правовой терминологии, и содержательному, т. е. с точки зрения рецепции норм и принципов ордынского права в регулировании отдельных сфер правоотношений – материальных (административные, налоговые, уголовные) и процессуальных.

В рамках анализа формы документов сразу же обращает на себя внимание достаточно широкое употребление терминов, обозначающих правовые институты золотоордынской практики. Так, ряд грамот (грамоты княгини Аграфены Шехонской, Дмитрия Шемяки, Ивана Андреевича Можайского, Василия Ярославича Серпуховско-Боровского) носит название тарханных¹ – а это, несомненно, является прямой рецепцией из золотоордынского правового опыта пожалования иммунитетов лицам или группам (категориям) лиц, изначально по своему статусу не имевшим освобождения от уплаты налогов. Вместе с тем, интересно отметить, что все эти тарханные грамоты в то же время названы жалованными и несудимыми. Это означает, что виды грамот, рецепированные из золотоордынского опыта не вытесняют из употребления собственно русские категории аналогичных документов, но используются наравне с ними. Так, например, грамота князя Андрея Владимировича Радонежского носит название жалованной, оброчной и несудимой, Петра Дмитриевича Дмитровского – жалованной данной².

Тут следует лишний раз обратить внимание на то, что тарханы не были представителями знати, а напротив – принадлежали к социальным группам, обычно не освобожденным от налогов и повинностей. Поэтому принципиально важно подчеркнуть, что тарханство жаловалось не самому духовенству

¹ Акты социально-экономической истории... № 103, с. 83–84; № 115, с. 91–92; № 172, с. 125–126; № 191, с. 136–137.

² Там же. № 29, с. 40–41; № 115, с. 91–92; № 40, с. 47.

(в нашем случае – братии Троице-Сергиева монастыря), которое и так уже облагоустроено широким набором иммунитетов – как на основе княжеских уставов, так и ханских ярлыков, – а подвластным им светским лицам, т. е. населению жалующихся монастырям сел и деревень¹.

В большинстве анализируемых грамот присутствуют и другие золотоордынские термины – в частности, «тамга» и «ям»², относящиеся к налоговой сфере и обозначавшие, соответственно, торговый налог и сбор на содержание почтовых станций³. Эти термины в дальнейшем широко использовались в русской правовой практике⁴. Любопытно отметить, что наряду с тамгой в анализируемых документах фигурирует также и мыт – т. е. древнерусский аналог того же торгового налога. В. А. Кучкин на основе исследования княжеских духовных грамот XIV в. предлагает разграничивать их по критерию территории (разные населенные пункты) и объекту налогообложения (торговые сделки для тамги и провоз товаров для мыта)⁵. Однако, полагаем, что речь могла также идти о целях сбора соответствующих налогов: доходы от мыта поступали в кня-

¹ См. также: *Черепнин Л. В.* Русские феодальные архивы XIV–XV вв. Ч. 2. С. 135, 143.

² Акты социально-экономической истории... № 29, с. 40; № 115, с. 92; № 172, с. 125; № 175, с. 127; № 191, с. 136; № 250, с. 178.

³ За пределами нашего исследования по критерию адресанта и хронологии осталась жалованная грамота Троице-Сергиеву монастырю, выданная великим князем тверским Михаилом Борисовичем (1461–1485) между 1461 и 1466 гг. в связи с предоставлением беспошлинного проезда через его владения монастырских торговцев. В них, помимо тамги, присутствуют налоги и ответственные за их сбор чиновники, хорошо известные нам по ханским ярлыкам – например, таможенники и сборщики «побережного» («побережники»), которые взимали торговые сборы не с сухопутных, а с речных и морских транспортных средств, см.: Акты социально-экономической истории... № 294–298, с. 209–211. См. также: Памятники русского права. С. 465, 474. Ср.: *Григорьев А. П.* Сборник ханских ярлыков русским митрополитам. С. 95.

⁴ См. подробнее § 5 настоящей главы.

⁵ *Кучкин В. А.* К характеристике торговли в Москве в XIV – начале XVI в. // Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.). К 80-летию члена-корреспондента РАН В. И. Буганова: сборник статей / Отв. ред. Н. М. Рогожин. М., 2012. С. 127–128.

жескую казну, тогда как собранное в качестве тамги могло составлять часть ордынского «выхода»¹.

В отдельных документах можно обнаружить и другие элементы – менее явные, но, тем не менее, характерные для золотоордынской (и в целом монгольской) правовой и делопроизводственной практики. Например, в жалованной грамоте Ивана Андреевича Можайского 1446 г. присутствует такой элемент, которого мы не находим в других проанализированных грамотах: «по деда своего грамоте великого князя Дмитрея Иванович(а), и по дяди свое(о) грамоте великого княз(я) Юрья Дмитриевич(а) и по брата своег(о) старейшего великого княз(я) Дмитрея Юрьевич(а) грамоте»². В золотоордынских грамотах нередки ссылки ханов-адресантов на волю своих «отцов и старших братьев» как основание выдачи соответствующих (подтвердительных) ярлыков ими самими. Например, в первом из ханских указов, выданных русской церкви – ярлыке Менгу-Тимура 1267 г. имеется отсылка к «Чингизу царю», в ярлыке Бердибека 1357 г. упоминаются «Ченгиъ царь и последнии цари наши отци наши», в ярлыке Мухаммеда Булака (Туляка) – «Чингис царь, а после того цари Азиз и Бердебек»³. Еще более подробный перечень предшественников, чьи грамоты послужили прецедентами для соответствующих пожалований, представлены в ярлыках императоров династии Юань: «В указах императоров Чингиса, Угэдэя, Сэчена, Улджайту, Гюлюка было сказано...»⁴.

При этом следует отметить, что и в древнерусской традиции можно обнаружить ссылки издателей грамот на волю своих предшественников – правда, речь идет о договорных грамотах, преимущественно между Великим Новгородом

¹ О проблеме налогово-правовой терминологии, использовавшейся русскими правителями в отношениях с ханами Золотой Орды и ее наследников см. подробнее: *Беляков А. В.* Чингисиды в России XV–XVII веков. С. 259–263.

² Акты социально-экономической истории... № 179, с. 129.

³ Памятники русского права. С. 465, 467, 469.

⁴ См., напр.: *Зограф И. Т.* Монгольско-китайская интерференция: Язык монгольской канцелярии в Китае. М., 1984. С. 97, 99, 101, 104, 106, 108.

дом и приглашаемыми князьями. Так, например, в договорной грамоте с великим князем Ярославом Ярославичем 1270 г. имеется фраза: «На сем, княже, целуи крест к всему Новугороду, на чем то целовали деди и отец твои Ярослав»¹. В грамотах, заключенных новгородцами с сыном Ярослава – Михаилом Тверским в 1304–1305 гг. также есть ссылки на грамоты его предков: «целуи хрест к всему Новугороду, на чем целовали деди и отец твои Ярослав. Новгород ти держати в старине, по пошлине»; «На сем ти, княже, хрест целовати ... на чем целовали первии князи, и дед твои, и отец твои. Новгород ти держати по пошлине...»².

Однако тут принципиально важно подчеркнуть, что в упомянутых договорных грамотах отсылка к воле предков соответствующего князя связана, как правило, с апеллированием к «старине» («пошлине»). Таким образом, легитимность заключаемым договорам придает не столько сам факт того, что предыдущие князья включали в свои грамоты те же условия, сколько то, что они, делая это, следовали древним правовым традициям³. В ханских же ярлыках ничего не говорится о старинных традициях – ссылки даются именно на волю предшественников на троне как на прецеденты издания грамоты соответствующего содержания. В анализируемой нами грамоте князя Ивана Можайского также нет ни слова о старине, так что, позволим себе предположить, что в ссылке на волю предшественников в большей степени нашли отражение ордынские, нежели древнерусские традиции – тем более что речь идет о жалованной, а не договорной грамоте.

Еще одно вероятное отражение ордынского влияния имеет место в другой грамоте того же Ивана Андреевича Можайского – уже от 1454 г. Наше внимание привлек тот факт, что этой жалованной грамотой он передает Троице-Сергиеву монастырю некий «монастырек св. Юрия в Раменейце с землями по р.

¹ Грамоты Великого Новгорода и Пскова. № 3, с. 12.

² Там же. № 6, с. 15; № 7, с. 17.

³ Наблюдение Ю. В. Оспенникова, высказанное в электронной переписке 28.03.2022.

Шексне»¹. Казалось бы, ничего необычного – однако этот же князь передавал этому же монастырю этот же монастырек уже в 1442/1443 г.² Совокупность льгот, в принципе, идентична в обеих грамотах. В чем же смысл повторной выдачи грамоты? На наш взгляд, единственным объяснением является то, что в 1442/1443 г. «монастырек» был пожалован игумену Зиновию, а в 1454 г. – уже другому игумену, Мартиниану. Это можно трактовать в качестве подражания ордынской практике повторной выдачи идентичного ярлыка в случае смерти либо выдавшего его правителя, либо получателя-грамотчика (что и имело место в данном случае). Данный пример вызывает дополнительные вопросы относительно того, воспринимались ли монастыри в рассматриваемый период в качестве «юридических лиц», либо же в качестве владений конкретных игуменов.

Следует отметить, что вопросы о том, принадлежало ли имущество, полученное во время пребывания иерарха в должности, ему самому или возглавляемому им институту (епархия, монастырь и пр.) периодически возникали и в домонгольский период истории русской церкви и порой приводили к серьезным судебным разбирательствам³. Однако указание на адресата в анализируемых в рамках настоящего исследования грамотах, казалось бы, снимает этот вопрос: в частности, в первой грамоте Ивана Можайского он жалует «игумена Зиновья з брат(ь)ею», а во второй грамоте – «игумена Мартемьяна с братьею, или хто по нем ины игумен будет». Это обстоятельство свидетельствует в пользу того, что монастырь воспринимался как коллективное владение всей братии, т. е., опять-таки, как «юридическое лицо», а игумен – как его временный (пусть и пожизненный в большинстве случаев) руководитель.

Повторная же выдача той же по содержанию грамоты, тем не менее, как представляется, отражает тот факт, что князь и подконтрольные ему чиновники в случае возникновения противоречий должны были обращаться непосред-

¹ Акты социально-экономической истории... № 250, с. 178–179.

² Там же. № 172, с. 125–126.

³ См.: *Гайдено П. И.* Священная иерархия Древней Руси (XI–XIII вв.): зарисовки власти и повседневности. М., 2014. С. 22–23.

ственно к игумену: именно он являлся представителем монастыря во всех его внешних контактах, включая отношения с властями. И выдача грамоты на имя нового настоятеля подчеркивает этот момент. Как мы помним, и золотоордынские ханы своими ярлыками не столько «назначали» русских князей и, тем более, митрополитов, сколько фиксировали, что именно получатели ярлыков признаются ими в соответствующем статусе. Именно поэтому мы предполагаем, что в данном случае также могло иметь место ордынское влияние.

Переходя к содержательному аспекту нашего анализа, конечно же, следует признать заимствованием из золотоордынского правового опыта включение в число льгот монастырю, вернее – зависимому от него населению жалуемых князьями сел и деревень, освобождение от налогов: вышеупомянутой тамги, а также от повинностей – яма, предоставления подвод и коней, корма проезжающих чиновников и их лошадей. Все эти элементы налогообложения хорошо известны по сохранившимся текстам ярлыков золотоордынских правителей русской православной церкви¹.

Влияние Орды, как представляется, проявилось также в некоторых аспектах регулирования процессуальных отношений, а именно в вопросе о подсудности населения тех сел и деревень, которые жаловались монастырям. Прежде всего, говорится о том, что эти лица подсудны не княжеским наместникам, волостелям или тиунам, а самому игумену, либо «кому прикажет» (или просто «приказчику») – даже при разбирательстве дел о татьбе или разбое; единственное исключение составляло «душегубство»². Из золотоордынских документов, содержащих пожалование привилегии русской церкви, подобное положение содержится в грамоте ханши Тайдулы таинственному «митрополиту Иоану» 1347 г.³.

¹ Памятники русского права. С. 465–469.

² Акты социально-экономической истории... С. 40, 129, 178. См. также: *Черепнин Л. В.* Русские феодальные архивы XIV-XV вв. С. 136.

³ *Приселков М. Д.* Ханские ярлыки русским митрополитам. С. 78–81.

Несомненно, было бы ошибочным утверждение, что в домонгольский период на Руси не существовало церковной юрисдикции. Церковные суды были предусмотрены еще ранними княжескими уставами X–XII вв.¹ Владимира Святославича, Ярослава Владимировича, Всеволода и др. Однако исследователи подчеркивают, что в XI – начале XIII в. церковному суду подлежали лишь сами представители духовенства, причем речь идет не о монастырских, а, как минимум, епископских судах². Что же касается зависимых от них лиц, то их священнослужители судили лишь за противоправные деяния в сфере духовной жизни и нравственности – в остальном о церковных судах над мирянами практически неизвестно³. Однако и в этих случаях светская власть оставляла за собой право вмешаться в церковный судебный процесс – неслучайно в каждом последующем уставе князя по настоянию иерархов подтверждали наличие у духовенства собственной подсудности⁴.

Однако в домонгольской Руси в качестве церковных судей в большинстве случаев в источниках фигурируют преимущественно лишь митрополиты и епископы. В анализируемых же грамотах речь идет уже о суде игуменов монастырей или даже тех, кого они сами назначают. В связи с этим возникает предположение о том, что в данном случае мы имеем дело с аналогом местных судов

¹ Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. / Подг. изд. Я. Н. Щапова. М.: Наука, 1976. С. 23, 156.

² Щапов Я. Н. Княжеские уставы и церковь в Древней Руси. XI–XIV вв. М., 1972. С. 116, 178.

³ Оспенников Ю. В., Гайденко П. И. Церковный суд на Руси XI–XIV веков. СПб., 2020. С. 10. П. И. Гайденко также полагает, что церковным судам были переданы дела, ранее входившие в компетенцию общинных или городских судов, см.: Гайденко П. И. Церковные суды и судопроизводство в домонгольской Руси (особенности организации и функционирования) // Исследования по истории Восточной Европы. Вып. 10. 2017. С. 24.

⁴ Гайденко П. И. Священная иерархия Древней Руси. С. 83; Фомина Т. Ю. Епископская власть в домонгольской Руси: истоки, становление, развитие. М., 2014. С. 235. См. также: Юшков С. В. Устав кн. Всеволода // С. В. Юшков. М., 1989. С. 354.

в Золотой Орде, которые действовали вне системы ханского правосудия и выносили решения на основании религиозных норм, обычного права и т. п.¹.

Еще одна возможная причина приобретения судебных полномочий настоятелями монастырей и тех, «кому прикажут» сами игумены, была связана с развитием института так называемых «смесных», т. е. совместных судов, необходимость в которых возникала, когда в споре или при разбирательстве уголовного преступления одной стороной являлось лицо, подвластное монастырю, а другое – светским властям². В таких случаях жалованные грамоты предписывают коллегиальное разбирательство дела княжеским наместником, волостелем или тиуном с одной стороны и игуменом монастыря или его приказчиком с другой. В золотоордынских ярлыках русской церкви мы таких институтов не находим, зато они присутствуют в ханских указах венецианским купцам Азова XIV в.: если в деле участвовали и ордынцы, и венецианцы, предписывалось сформировать совместный суд из ордынского наместника в Азаке и венецианского консула в Тане, либо же из назначенных ими уполномоченных лиц в равном количестве³.

Безусловно, как и в случае с церковной юрисдикцией, сама практика таких совместных судов на паритетных началах существовала задолго до установления золотоордынского сюзеренитета над русскими землями: «обчий суд» упоминается еще в уставе Владимира Святославича⁴. Однако в них со стороны церкви, опять же, участвовали только епископы, а со стороны светских вла-

¹ Почекаев Р. Ю. Право Золотой Орды. С. 150–151, 155. При этом, конечно, не следует игнорировать и давние традиции местных судов в правовом опыте домонгольской Руси.

² Акты социально-экономической истории... № 103, с. 83–84; № 172, с. 125; № 179, с. 129; № 191, с. 136. Эта практика в полной мере распространялась и на обладателей судебного иммунитета из числа светских землевладельцев, см.: Павлов-Сильванский Н. П. Иммунитеты в удельной Руси // Журнал Министерства народного просвещения. Ч. СССXXXII. 1900. Отд. наук. С. 325, 328.

³ Григорьев А. П., Григорьев В. П. Коллекция золотоордынских документов XIV века из Венеции: Источниковедческое исследование. СПб., 2002. С. 28, 73, 107.

⁴ Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. С. 24.

стей – князя и бояре¹. Теперь же мы видим, что, приобретя собственную юрисдикцию, игумены монастырей получили право участвовать и в деятельности таких судов.

Полагаем, это могло быть отражением и развитием тенденции расширения великими князьями судебных полномочий подвластных им удельных князей², которые, в свою очередь, делегировали часть этих функций своим наместникам и волостелям. Соответственно, в «смесном суде» с такими администраторами низшего звена не могли на равных судить митрополиты или епископы – по видимому, отсюда и появление судебных полномочий у настоятелей монастырей или их представителей, чей статус более-менее соотносился со статусом княжеских волостелей и наместников.

Княжеские жалованные грамоты гласят, что какое бы решение (или приговор) ни выносил такой суд, его исполнение возлагалось на соответствующую часть «судейской коллегии», и вторая часть не могла вмешиваться в эту процедуру. Эта норма, как представляется, стала новацией: в более ранний период, даже если решение выносил церковный суд, наказание обеспечивали представители светских властей: епископ получает пошлину, материальное возмещение (штраф), «а князь казнит»³.

К числу формальных и, вместе с тем, уголовно-правовых заимствований можно отнести «санкцию»: в случае нарушения княжеских предписаний каждый адресант угрожает нарушителю «быти у мене в казни»⁴. Поскольку слово «казнь» в данном случае означает не смертный приговор, а наказание как таковое, можно сделать вывод, что конкретные виды наказаний в жалованных гра-

¹ См.: *Фомина Т. Ю.* Епископская власть в домонгольской Руси. С. 236.

² *Черепнин Л. В.* Русские феодальные архивы XIV–XV вв. С. 138.

³ *Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв.* С. 111, 113. См. также: *Гайденко П. И.* Священная иерархия Древней Руси. С. 19; *Фомина Т. Ю.* Епископская власть в домонгольской Руси. С. 234–235.

⁴ Акты социально-экономической истории... С. 41, 47, 92, 126, 127, 179. Ср.: *Оспенников Ю. В.* Проблемы ответственности в жалованных грамотах. С. 78.

мотах не прописывались, поскольку их применение зависело от субъекта правонарушения и размера причиненного им вреда.

Подобный подход также очень напоминает санкцию ярлыков золотоордынских ханов, которые предостерегали потенциальных нарушителей своих предписаний лаконичной фразой: «да убоятся!» / «не убоятся ли?»¹. Однако нельзя не отметить, что и княжеских уставах близкие формулировки также присутствовали – например, в уставе Ярослава Владимировича присутствует такая санкция: «А кто оуставление мое порушит..., соудивше, казнити по закону»². Таким образом, в данном случае мы можем предполагать в равной степени влияние в княжеских грамотах как ордынских, так и древнерусских правотворческих традиций.

В завершение нельзя не отметить, что, как и ожидалось, содержание жалованных грамот князей в значительной степени пересекается с содержанием упомянутой уставной грамоты митрополиту Киприану 1404 г., других княжеских грамот и уставов³ и великокняжеских жалованных грамот тому же Троице-Сергиеву монастырю. Однако, как представляется, это несколько не умаляет ценности сведений рассмотренных грамот: напротив, выявленные в них сходства свидетельствуют о том, что заимствования из ордынского опыта не являлись формальными, а были востребованы в практике отношений представителей светской и духовной власти – даже на уровне удельных князей и конкретных монастырей. Эта практика вполне вписывается в тенденции отношений князей и церкви в ордынский и постордынский период: в связи с появлением у Рюриковичей сюзерена в лице ханов-Джучидов автономный статус церкви стала обеспечивать именно Золотая Орда, тогда как с ее ослаблением князья

¹ Григорьев А. П. Монгольская дипломатика XIII–XV вв. (Чингизидские жалованные грамоты). Л., 1978. С. 91–92; .

² Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. С. 114–115.

³ См. подробнее: Галимов Т. Р. Киевские митрополиты между Русью и Ордой. С. 145–146; Сочнев Ю. В. Золотоордынский правовой прецедент в царской грамоте 1606 г. С. 133.

вновь стали активно влиять на церковные дела, и для духовенства стало делом принципа добиваться от князей подтверждения своих прежних иммунитетов¹.

Вместе с тем, факт обнаружения нами параллелей правовых и судебных институтов, существовавших как в Золотой Орде, так и в домонгольской Руси заставляет задуматься о том, насколько значительной была рецепция ордынского права в русской правотворческой практике. Не было ли включение соответствующих положений в анализируемые грамоты, напротив, возвращением к доордынской правовой традиции?

В какой-то мере прояснить ситуацию позволяет анализ документов того же периода, что и рассматриваемые нами жалованные грамоты удельных князей, причем выданных тому же монастырю, но – не правителями Северо-Восточной Руси. Мы проанализировали две такие грамоты:

1) Жалованная грамота Великого Новгорода игумену Троице-Сергиева монастыря Мартиниану на беспошлинный проезд на Двину монастырских 11 людей с товаром и на свободу от местного суда провожатых старцев и слуг, 1448–1455 гг.

2) Жалованная данная грамота киевской княгини Анастасии с детьми Троице-Сергиеву монастырю на волости Почат и Передол в Малоярославском уезде 1458/1459 г.

Эти документы, как видим, были приняты в регионах, в гораздо меньшей степени затронутых ордынским влиянием, чем великое княжество Владимирское и Московское и другие русские северо-восточные земли. При анализе нетрудно заметить, что пожалования в них не содержат ни формальных, ни материально-правовых элементов, которые имеются во всех проанализированных грамотах князей Северо-Восточной Руси. Так в новгородской грамоте перечисляемые налоги и чиновники, ответственные за их сбор, обозначаются исключительно старинными русскими терминами – «посадники», «приказники», «вата-

¹ См.: *Галимов Т. Р.* Киевские митрополиты между Русью и Ордой. С. 154, 167–168; *Кричевский Б.* Митрополичья власть в средневековой Руси (XIV век). СПб., 2003. С. 217.

маны», «пошлины» и т. п.¹. А в грамоте киевской княгини всего лишь фиксируется сам факт передачи монастырю соответствующих волостей (без уточнения передаваемых публично-правовых полномочий), а также предостережение, что за нарушение грамоты преступник рассудит с адресантом «пред живоначальною троицей»².

Таким образом, можно с достаточной степенью уверенности утверждать, что проанализированные выше положения грамот князей Северо-Восточной Руси все же отражают «ордынские мотивы» и позаимствованы из ярлыков ханов Улуса Джучи. Правда, в таком случае возникает еще один вопрос: почему же ордынские правовые и процессуальные институты имеют столько параллелей с древнерусскими? Оставляя в стороне эволюционистские гипотезы о параллельном поступательном развитии разных государств, позволим себе поддержать мнение исследователей о том, что проекты ханских ярлыков русской церкви могли быть подготовлены как раз лицами, заинтересованными в их получении или их представителями³, которые в них излагали собственные представления о статусе духовенства, правах и привилегиях, скрупулезно перечисляя налоги и повинности, от которых ханам их следовало освободить. А среди них могли присутствовать также и те нормы, которые находили отражение в предыдущих княжеских уставах, хорошо известные представителям духовенства, сведущим в древнерусском светском и церковном праве.

Вероятно, именно это обстоятельство объясняет столь органичное восприятие в русской правотворческой традиции положений золотоордынских ярлыков – как по форме, так и по содержанию. Соответствующие положения «перекочевали» из ханских указов в княжеские жалованные грамоты. Таким образом, не утверждая, что русская правоприменительная практика могла повлиять

¹ Акты социально-экономической истории... № 220, с. 155–156.

² Там же. № 279, с. 200.

³ В частности, уже высказывалось предположение о том, что проекты тарханных ярлыков русской церкви могли составляться сарайскими епископами, см.: *Соколов Р. А.* Русская церковь во второй половине XIII – первой половине XIV в. С. 93.

на золотоордынскую законодательную традицию в целом, мы можем осторожно предположить, что она в известной степени могла учитываться золотоордынскими властями при выстраивании правоотношений с самими русскими вассалами – будь то духовенство или же светские князья.

Безусловно, наблюдения и результаты, полученные в рамках настоящего исследования – это только первичные наработки, можно сказать, постановка проблемы. Полагаем, дальнейшая работа должна заключаться не только в расширении источниковой базы для последующих исследований, но и в проведении сравнительно-правового анализа жалованных грамот монастырям XIV–XV вв. с аналогичными актами более раннего, доордынского, периода. Весьма вероятным представляется, что многие правовые институты, фигурирующие в документах пост-ордынского времени и сформировавшиеся под влиянием ордынской правовой традиции, имели аналоги в более ранних правовых памятниках, но обозначались или трактовались иначе. Результаты такого анализа, как представляется, могут существенно помочь прояснить вопрос о степени влияния золотоордынской правовой традиции на последующее развитие российского права, а также и об эволюции конкретных правовых и процессуальных институтов в истории отечественного государства и права на одном из ее важнейших этапов – в эпоху превращения Руси из ордынского вассала в самостоятельное централизованное государство.

§ 5. ЗОЛОТООРДЫНСКОЕ ВЛИЯНИЕ НА ПРАВОВОЕ РАЗВИТИЕ МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВА XV–XVII ВВ.

История русско-ордынских отношений, безусловно, относится к числу наиболее популярных тем отечественной истории и уже на протяжении многих веков привлекает внимание исследователей. Одним из важнейших аспектов этой темы является влияние Золотой Орды на Русь (сначала удельную, затем – Московскую) в правовой сфере, и практически все историки русско-ордынских отношений, равно как и многие историки государства и права России, в той или иной степени обращались к его изучению.

При этом значительное число авторов ограничивается рассмотрением этого вопроса применительно к периоду собственно пребывания Руси в вассальной зависимости от Золотой Орды (в частности, В. В. Григорьев, М. Д. Приселков, С. Н. Жаров, А. А. Горский, Ю. В. Кривошеев, С. А. Маслова, И. И. Назипов, Ю. В. Селезнев и др.) сосредотачиваются на проблеме ордынского политико-правового влияния на Русь в эпоху вассальной зависимости русских земель от Золотой Орды. Наше же внимание привлекло отражение в отечественной историографии влияния ордынских правовых традиций на Московскую Русь уже пост-ордынского периода, т.е. в XV–XVII вв.

Надо сказать, что этой проблемой в той или иной степени занималось достаточно большое количество исследователей – представителей самых разных наук. Среди них – историки права (И. Д. Беляев, М. Ф. Владимирский-Буданов, Ф. И. Леонтович, Д. Я. Самоквасов, В. И. Сергеевич, В. В. Еремян, Э. В. Георгиевский и др.), историки России (Н. И. Костомаров, С. М. Соловьев, Г. В. Вернадский и др.), востоковеды (С. С. Аверкиев, И. Н. Березин, А. П. Григорьев, В. В. Трепавлов и др.). Считаю целесообразным проанализировать степень проработанности темы ордынского влияния на право Московской Руси на примере освещения специалистами отдельных аспектов этой проблемы.

Своеобразной «отправной точкой» дискуссии о степени влияния Золотой Орды на Русь (как в политическом, так и в государственно-правовом отноше-

нии) послужило небезызвестное утверждение известного отечественного историка Н. М. Карамзина о том, что своим величием Москва была обязана ханам. Последующие историки России и русско-ордынских отношений считали своим долгом либо поддержать, либо опровергнуть это утверждение, порой даже не слишком задумываясь, что же имел в виду «последний русский летописец». При этом некоторые авторы (как правоведы, так и историки, и востоковеды) ограничиваются самыми общими выводами относительно влияния ордынских правовых традиций на московское право.

Целый ряд авторов отвергает какое бы то ни было влияние Золотой Орды на государственность и право Московской Руси в целом, приводя при этом самые разные обоснования своей позиции. Так, например, С. М. Соловьев объясняет отсутствие влияния тем, что монголы не стремились изменить политико-правовую систему Руси, а русские князья, в свою очередь, использовали ханов-сюзеренов как инструмент политической борьбы, также не пытаясь что-то заимствовать из ордынского опыта; все новые государственные и правовые институты и явления, возникшие на Руси в ордынский период и позднее, по мнению историка, «обнаруживаются независимо от монголов»¹.

Востоковед И. Н. Березин полагает, что отсутствие значительных заимствований на Руси из ордынского правового опыта объясняется двумя причинами: во-первых, отсутствием постоянных контактов Руси и Орды, во-вторых – более низким уровнем развития русского общества, которое, по мнению исследователя, было просто неспособно эффективно использовать ордынские государственные и правовые институты². Аналогичной точки зрения придерживается и современный российский востоковед Д. Ю. Арапов³.

¹ *Соловьев С. М.* Взгляд на историю установления государственного порядка в России до Петра Великого // *Соловьев С. М.* Чтения и рассказы по истории России. М., 1989. С. 192–193.

² *Березин И.* Очерк внутреннего устройства Улуса Джучиева. С. 97.

³ *Арапов Д. Ю.* Русь и Восток в XIII в.: к вопросу о возможностях русского влияния в монгольской истории // *Источниковедение и компаративный метод в гуманитарном зна-*

Прямо противоположная позиция высказана современным российским правоведом В. В. Еремянном: по его мнению, Золотая Орда не могла ничему научить Русь именно потому, что ее уровень политико-правового развития был намного ниже русского. Правда, единственным аргументом этого автора является то, что ордынцы были «скотоводами-кочевниками» – этот «неотразимый» довод исследователь приводит многократно на протяжении всего своего обширного трехтомного труда¹.

Легко заметить, что приведенные мнения в большей степени опираются на некие стереотипы или даже эмоциональные оценки, поэтому не выглядят достаточно убедительными. В связи с этим более продуктивным представляется анализ мнений авторов, сосредоточившихся на более конкретных аспектах возможного влияния Золотой Орды на правовое развитие Московской Руси, и здесь мы можем сформировать более четкое представление о степени этого влияния. Для этого считаем целесообразным использовать не хронологический, а именно поаспектный подход, при этом обращая в необходимых случаях внимание не только на сами упоминания исследователями тех или иных проявлений ордынского правового влияния в Московской Руси, но и на убедительность приводимых доводов.

В первую очередь, остановимся на ордынском влиянии на систему органов власти и административно-территориальное устройство Московской Руси. С. С. Аверкиев полагает, что приказная система в Московской Руси стала складываться в качестве подражания золотоордынской системе диванов (своеобразных «министерств» при ордынских ханах); связывает он с ордынским влиянием появление институты государственной казны и должности казначея – вплоть до заимствования самих названий².

нии: Тезисы докладов и сообщений научной конференции. Москва, 29–31 января 1996 г. М., 1996. С. 84.

¹ Еремян В. В. Ордынская Русь. Т. 1. С. 138; Т. 2. 6, 8, 122, 157; Т. 3, с. 7, 27, 29.

² Аверкиев С. С. Влияние татар на жизнь русского народа. С. 56, 64.

Своеобразное «доведение до абсурда» попыток обнаружить «ордынские корни» в московской системе управления является присутствием в работе американского русиста Д. Островски, который, в частности, даже должность тысяцкого (хорошо известную в домонгольской Руси!) считает калькой с золотоордынского беклер-бека (своего рода премьер-министра и военного министра при хане Золотой Орды)¹.

В системе административно-территориального устройства ряд исследователей также пытается найти влияние Золотой Орды. Так, Г. В. Вернадский полагает, что десятичная система, широко использовавшаяся в Золотой Орде и распространенная на Русь, сохранилась в русских землях и после освобождения от ордынской зависимости. В качестве примера он приводит сохранение десятичной системы в Южной Руси в XV–XVI вв.² При этом исследователь не принимает во внимание, что такая система еще с эпохи раннего средневековья была широко распространена отнюдь не только в тюрко-монгольском мире, но также в славянских и германских государствах Европы.

Известный дореволюционный историк Н. И. Костомаров полагал, что появление вотчины также было связано с влиянием Орды на Русь и выводится из «пожалования» ордынскими ханами русским князьям их собственных княжеств в наследуемое владение. Впрочем, эта позиция еще в XIX в. вызвала критику со стороны выдающегося историка права М. Ф. Владимирского-Буданова³. С. С. Аверкиев вслед за известным исследователем права восточных народов Ф. И. Леонтовичем полагал, что ордынским влиянием объясняется и возникновение системы кормлений в Московской Руси⁴.

Обращают исследователи внимание на заимствование отдельных видов источников права из Золотой Орды. Наиболее ярко это проявилось в факте использования ярлыков – указов, которые могли выдавать только ордынские (или

¹ *Островски Д.* Монгольские корни русских государственных учреждений. С. 149.

² *Вернадский Г. В.* История России: Монголы и Русь. Тверь; М., 2000. С. 229 и след.

³ *Владимирский-Буданов М. Ф.* Обзор истории русского права. М., 2005. С. 190–191.

⁴ *Аверкиев С. С.* Влияние татар на жизнь русского народа. С. 56.

иные тюрко-монгольские) верховные правители-ханы. Ученые указывают, во-первых, на то, что ярлыки самих золотоордынских ханов, выданные русской церкви, признавались источником права на Руси в XV–XVII вв. (в качестве таковых они фигурируют даже в сочинениях патриарха Никона) и даже задействовались в качестве основания защиты прав церкви перед светскими правителями¹. Во-вторых, и сами русские цари выдавали ярлыки своим восточным вассалам – ногайским и сибирским правителям, а также одному хану Чингизиду – Ураз-Мухаммаду, правителю небольшого Касимовского ханства, изначально созданного как вассальное образование по отношению к Московскому царству².

К числу важных наблюдений отечественных исследователей следует отнести изменения в правовом статусе отдельных сословных групп русского населения под влиянием ордынских правовых традиций. Так, историк русского права И. Д. Беляев обращает внимание на тот факт, что в процессе обложения данью и другими налогами русских вассалов происходит стирание границ между привилегированной дружиной и земщиной (в чем он сам видит первый шаг на пути к будущему самодержавию)³. Некоторые авторы склонны объяснять введение крепостного права в России также ордынским влиянием – правда, почему-то связывая его с переписями населения, активно применявшимися в эпоху ордынского сюзеренитета⁴.

¹ Воробьева Н. В. «Царские ярлыки» московских митрополитов. С. 25; Григорьев А. П. Время составления краткой коллекции... С. 104–111.

² Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой. 1551–1561 гг. / Подгот. текста В. В. Трепавлова, Д. А. Мустафиной. Казань, 2006. С. 242 – 243, 334; Трепавлов В. В. Царские ярлыки. С. 107–111.

³ Беляев И. Д. История русского законодательства. СПб., 1999. С. 252–253..

⁴ См., в частности: Аверкиев С. С. Влияние татар на жизнь русского народа. С. 51. Г. В. Вернадский в свое время также отметил существование «крепостного устава» еще у монголов эпохи Чингис-хана, приняв за «крепостное право» приписывание всего мужского населения к тому или иному воинскому подразделению, см.: Вернадский Г. В. О составе Великой Ясы Чингисхана // Вернадский Г. В. История права. СПб., 1999. С. 121–122.

Весьма противоречивой представляется позиция исследователей по поводу происхождения местничества в Московской Руси. Вышеупомянутый Ф. И. Леонтович прямо заявляет, что местничество пришло в Москву из Орды, в качестве основания указывая лишь «явное сходство» этого института с порядком рассаживания представителей монгольской знати на официальных мероприятиях (съездах-курултаях, пирах и пр.)¹. Неубедительность такого аргумента оказала влияние на С. С. Аверкиева, который по многим другим аспектам склонен соглашаться с Леонтовичем, однако в отношении местничества все же осторожно отмечает возможность заимствования этого института как из Орды, так и с Запада². Примечательно, что и Г. В. Вернадский, также отстаивавший точку зрения о многочисленных заимствованиях в русском праве из Орды, охарактеризовал местничество как московское пост-ордынское явление довольно нейтрально, без прямых утверждений об ордынском его происхождении³.

Большое внимание уделяют исследователи вопросам налогообложения в Московской Руси, нередко и в этой сфере обнаруживая заимствования из золотоордынского правового опыта и порой даже прямо говоря о преемственности налогово-правовой сферы Руси XV–XVI вв. от Золотой Орды⁴. К числу таковых, в частности, относится ясак (ясачный сбор), который взимался московскими царями, а затем – и российскими императорами с кочевых подданных вплоть до начала XX в.⁵.

¹ *Леонтович Ф. И.* К истории права русских инородцев: Древний монголо-калмыцкий или ойратский устав взысканий (Цааджин-Бичик) // Записки Императорского Новороссийского университета. Т. XXVIII. 1879. Приложение. С. 268–269.

² *Аверкиев С. С.* Влияние татар на жизнь русского народа. С. 66–67.

³ *Вернадский Г. В.* История России: Монголы и Русь. С. 376–377.

⁴ См., напр.: *Сочнев Ю. В.* К изучению ярлыка Менгу-Тимура... С. 72–73.

⁵ *Аверкиев С. С.* Влияние татар на жизнь русского народа. С. 54. Известно, в частности, что сибирские кочевые и бродячие «инородцы» платили ясак «рухлядью», т. е. мехом, вплоть до 1917 г., см.: *Дамешек Л. М., Дамешек И. Л.* Ясак в Сибири в XVIII – начале XX века. Иркутск, 2014. С. 256–271.

Одним из наиболее известных ордынских налогов, безусловно, являлся торговый сбор тамга, заимствованный на Руси и положивший начало организации таможенного дела в России, где первые таможи и, соответственно, таможенные уставы, появляются уже в конце XV в.¹. Однако этот налог прошел интересную эволюцию. Поначалу он использовался московскими властями исключительно в отношениях с пост-ордынскими государствами (Сибирским и Крымским ханствами, Ногайской Ордой и др.)². Непосредственно же на территории Московского государства тамга трансформировалась в целый ряд разнообразных торговых сборов – таких как поворотное, гостиное, порядное, отвоз, свальное, явка, привязная пошлина, роговая, пятно. М. Ф. Владимирский-Буданов склонен объяснять эту тенденцию тем, что тамга была «ненавистна» русским, и они постарались избежать ее упоминания и употребления. Однако, продолжает исследователь, неэффективность новой системы вскоре стала очевидна, и уже в Торговом уставе 1653 г. вновь восстановили единый торговый налог, а в Новоторговом уставе 1667 г. разработали целую систему таможенных пошлин³.

Еще одним проявлением ордынского влияния С.С. Аверкиев считает существование системы откупов в налоговой сфере, печально известных на Руси еще по событиям 1250–1260-х гг. с участием откупщиков»-бесермен». В качестве примера исследователь приводит откупы, существовавшие в питейном деле еще и в XVII в.⁴.

Помимо налогов, из Золотой Орды были позаимствованы и некоторые повинности. Наиболее известная из них, рассматриваемая целым рядом исследователей, была ямская повинность – обязанность содержания почтовых станций.

¹ См., напр.: *Кустерев С. Н.* Таможенные правила на Белоозере в конце XV – середине XVI в. С. 48.

² Посольская книга по связям России с Ногайской Ордой (1576 г.) / Подгот. к печ., введ. и коммент. В. В. Трепавлова. М., 2003. С. 15, 65.

³ *Владимирский-Буданов М. Ф.* Обзор истории русского права. С. 249.

⁴ *Аверкиев С. С.* Влияние татар на жизнь русского народа. С. 55.

В Московском государстве, как отмечает большинство исследователей, она появляется во второй половине XV в., что и является основанием считать ее заимствованием из Орды¹. При этом интересно отметить, что в эпоху Ивана Грозного натуральная повинность трансформировалась в очередной денежный налог – так называемые ямские деньги, на которые местное население фактически содержало «ямских охотников», т. е. почтовых служащих².

Также к числу повинностей, заимствованных от ордынцев, С. С. Аверкиев относит «караул», т. е. обязанность горожан охранять порядок в городе по ночам³. Правда, при этом сам же исследователь отмечает, что эта деятельность окончательно оформилась в России не ранее XVIII в., так что его утверждение о заимствовании этой повинности в Московской Руси от Золотой Орды выглядит не вполне убедительным: она вполне могла быть позаимствована и из европейского опыта.

Интересным представляется наблюдение современного нижегородского исследователя Ю. В. Сочнева, активно занимающегося изучением как исторических, так и историко-правовых аспектов русско-ордынских отношений о том, что заимствованием из золотоордынского опыта является выделение различных категорий налогоплательщиков⁴. Однако, полагаем, этот аспект нуждается в более глубокой проработке: необходимо точно выяснить, какие из подобных категорий плательщиков существовали на Руси еще до установления зависимости от Орды, а какие действительно являются «монгольскими прецедентами»,

¹ *Владимирский-Буданов М. Ф.* Обзор истории русского права. С. 252; *Гурлянд И. Я.* Ямская гоньба в Московском государстве до конца XVII века. Ярославль, 1900. С. 29–44; *Сергеевич В. И.* Древности русского права. Т. III. Землевладение. Тягло. Порядок обложения. СПб., 1903. С. 190.

² *Владимирский-Буданов М. Ф.* Обзор истории русского права. С. 247; *Сергеевич В. И.* Древности русского права. С. 196.

³ *Аверкиев С. С.* Влияние татар на жизнь русского народа. С. 68–69.

⁴ *Сочнев Ю.В.* К изучению ярлыка Менгу-Тимура... С. 72; *Он же.* Золотоордынский правовой прецедент в царской грамоте 1606 г. С. 131–135.

по выражению исследователя «мимикрировавшими под русскую правовую норму».

В связи с этим приходится отметить, что и при анализе заимствований в налоговой сфере не обходится без недоразумений. Так, например, И. Н. Березин к числу налогов, появившихся на Руси под влиянием Золотой Орды, относит и мыт, аргументируя свое мнение тем, что он, наравне с тамгой, упоминается в документах даже XV в.¹ Вероятно ему, как востоковеду, было неизвестно, что мыт существовал еще в Древней Руси, в эпоху Русской Правды. Противоположный пример являет исследование известного историка права В. И. Сергеевича, который, говоря о дани (ордынском выходе) отождествляет ее с «запросами», т. е. подношениями представителям знати населением городов и селений, через которые они проезжали². Подобные примеры, как представляется, отражают односторонность знаний специалистов, что не позволяет им делать объективные выводы в рамках рассматриваемой проблематики. Впрочем, вместе с тем, нельзя не отметить, что именно В. И. Сергеевич занял, пожалуй, наиболее рациональную позицию в вопросе о заимствованиях из Орды в налоговой сфере, отметив, что многие налоги, применявшиеся в Орде (и в вассальных русских княжествах), были известны на Руси и в домонгольский период³.

При анализе заимствований из Орды на Руси в налоговой сфере исследователи нередко упоминают об институте тарханов, т. е. лиц, обладающих налоговым иммунитетом. При этом важно отметить, что исследователи подчеркивают «живучесть» этого института. Формально он, как известно, был отменен в Московской Руси еще Судебником 1550 г., однако отдельные наследственные тарханы продолжали пользоваться своими льготами вплоть до принятия специальных

¹ *Березин И.* Очерк внутреннего устройства Улуса Джучиева. С. 94. Примечательно, что в качестве одного из документов, подтверждающих его точку зрения, Березин приводит ярлык хана Узбека митрополиту Петру, который исследователями уже в начале XX в. был признан подложным!

² *Сергеевич В. И.* Древности русского права. С. 182.

³ Там же. С. 164 и след.

указов царями Алексеем Михайловичем и его сыном Федором Алексеевичем в 1650–1670-е гг.¹. Сами же исследователи подчеркивают, что Судебник и указы касались отмены привилегий тарханов русского происхождения, тогда как в отношении восточных кочевых подданных российские правители практиковали пожалование тарханства еще в 1730-е гг.².

Еще одна сфера заимствований Московской Руси из Золотой Орды – уголовно-правовая. Интересным представляется наблюдение современного правоведа Э. В. Георгиевского о том, что через ханские ярлыки на Руси были введены в оборот такие составы преступления как взяточничество, посягательство на порядок управления, некоторые составы религиозных преступлений (трансформировавшиеся в русском праве в посягательство на церковное имущество, хуление православия и т. п.)³.

Однако гораздо больше внимания исследователи уделяют вопросам появления на Руси смертной казни и жестоких наказаний за уголовные преступления. И в этом вопросе исследователи не приходят к единому мнению, были ли такие наказания однозначно заимствованы из Золотой Орды. Так, например, М. Ф. Владимирский-Буданов допускает, что смертная казнь могла придти из Орды, а болезненные наказания прямо характеризует как «развившиеся непосредственно под влиянием татарщины». Однако сам тут же отмечает, что

¹ *Аверкиев С. С.* Влияние татар на жизнь русского народа. С. 53; *Владимирский-Буданов М. Ф.* Обзор истории русского права. С. 248.

² См. подробнее: *Вельяминов-Зернов В. В.* Источники для изучения тарханства, жалованного башкирам русскими государями (Приложение к IV-му тому Записок Императорской Академии наук. № 6). СПб., 1864. В 1740-х гг. этот институт был возрожден российскими властями для пожалований лояльных им представителей казахской аристократии, среди которых действовал до середины XIX в., см.: *Почекаев Р. Ю.* Чингизово право: правовое наследие Монгольской империи в тюрко-татарских ханствах и государствах Центральной Азии. Казань, 2016. С. 154–171.

³ *Георгиевский Э. В.* Общая уголовно-правовая характеристика ярлыков татарских ханов русским митрополитам. Ср.: *Корчмина Е. С.* «В честь взяток не давать»: «почесть» и «взятка» в послепетровской России // *Российская история.* 2015. № 2. С. 3–4.

смертная казнь была известна на Руси до монголов по византийскому праву, с которым князья знакомились через посредство православного духовенства, а жестокие наказания «и в Европе появились без всякого влияния со стороны Востока, и у нас начались еще до татар»¹! В. А. Рязановский полагал, что появление смертной казни, телесных наказаний, пыток и пр. стало результатом «общего огрубения нравов» в русских землях в период их зависимости от Золотой Орды, но никак не прямого влияния ордынского права на русское².

С. С. Аверкиев, в свою очередь, соглашается с мнением ряда исследователей, что можно найти немало параллелей в наказаниях, применявшихся в Золотой Орде и в Московской Руси, однако подчеркивает, что большинство таких наказаний появляется в России уже тогда, когда она «повернулась лицом к Западу, завершив процесс заимствования восточных традиций»³. Сходной позиции придерживается и Г. В. Вернадский, допуская, что жестокие наказания и пытки, появившиеся на Руси в XV–XVI вв., могли быть позаимствованы из Золотой Орды, однако отмечает при этом, что примерно в то же время пытки и мучительные наказания были законодательно закреплены во Франции и Германии, и, учитывая активизацию связей с Западом в данный период времени, можно равным образом предполагать подобные заимствования и из европейского опыта⁴.

¹ *Владимирский-Буданов М. Ф.* Обзор истории русского права. С. 389, 421. В этом плане также представляет интерес исследование С. Б. Чебаненко, пришедшего к выводу о необоснованности приписывания монгольским завоевателям некоторых проявлений жестокости по отношению к побежденным врагам в период завоевания Южной Руси, поскольку такие практики были распространены среди самих же славянских народов, см.: *Чебаненко С. В.* Рассказы монгольских завоевателей или обычаи восточных славян: находки пробитых гвоздями черепов // Исторический формат. 2017. № 1–2. С. 115–126.

² *Рязановский В. А.* К вопросу о влиянии монгольской культуры и монгольского права... С. 158.

³ *Аверкиев С. С.* Влияние татар на жизнь русского народа. С. 72–78.

⁴ *Вернадский Г. В.* История России: Монголы и Русь. С. 364–365.

Наконец, еще одна сфера правоотношений Московского государства, по мнению исследователей, испытала влияние со стороны Золотой Орды – семейно-правовая. Так М. Ф. Владимирский-Буданов считает, что «покупка» невесты была заимствованием из золотоордынской брачно-семейной практики. Правда, при этом, стремясь сохранить объективность, исследователь не может не отметить, что эта традиция имела широкое распространение у славян еще в языческие времена. Однако он сам же «устраняет» собственное противоречие, заявляя, что под влиянием монголов она получила «позднейшее вторичное распространение»¹! Также он объясняет ордынским влиянием затворнический образ жизни русских женщин, отмечая при этом, что это правило распространялось лишь на жен и дочерей представителей русской знати, испытавшей большое влияние со стороны Орды, тогда как представительницы простого населения, не затронутого этим влиянием, пользовались большей свободой².

Вышеприведенные наблюдения позволяют сделать вывод, что вопрос о влиянии золотоордынского права на право Московского государства, несмотря на его давнюю историографическую традицию, до сих пор не является проработанным в достаточной степени. Логично было бы предположить, что историки права более предметно и корректно исследовали данный вопрос и пришли к более объективным выводам. Однако, к удивлению автора этих строк, принадлежность того или иного ученого к соответствующей области знания отнюдь не всегда влияла на глубину и качество исследования. Главной проблемой в большинстве случаев является неравномерное представление у исследователей о правовых системах домонгольской Руси, Золотой Орды и Московского государства XV–XVII вв., проявляющееся в недостаточном знании как конкретных источников, так и основных принципов права (либо древнерусского, либо тюрко-монгольского). В результате многие построения и выводы в их работах носят преимущественно гипотетический характер и могут быть легко опровергнуты другими учеными, специализирующимися на изучении истории

¹ Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. С. 482–483.

² Там же. С. 483.

государства и права иных периодов. В некоторых случаях очевидно наличие у того или иного исследователя определенной изначальной установки – на наличие или отсутствие золотоордынского влияния на развитие русской государственности и права (основанного на неких стереотипах русско-ордынских отношений), – и в своих изысканиях он отталкивается именно от нее, нередко пытаясь «притянуть» факты к своей заранее обозначенной позиции.

При такой ситуации взаимодействие, с одной стороны, историков и востоковедов с одной стороны и, с другой стороны, правоведов – специалистов по истории государства и права Древней Руси, Московской Руси и Золотой Орды представляется не просто данью современной тенденции (популярности междисциплинарных исследований), но и необходимостью, единственно возможным средством для продолжения изысканий в области ордынского влияния на государство и право Московского государства XV–XVII вв., получения новых знаний, проверки ранее высказывавшихся предположений и прояснения некоторых вопросов дальнейшего политико-правового взаимодействия Российского государства с наследниками Золотой Орды – вплоть до XVIII–XIX вв. Осуществление такого взаимодействия в форме проведения специализированных научных мероприятий, реализации совместных проектов, подготовки коллективных монографий и пр. выглядит вполне возможным, учитывая многочисленность примеров подобного рода взаимодействия в области истории Золотой Орды и русско-ордынских отношений, существенно активизировавшегося в последние годы.

ГЛАВА III. СУД

Одним из наиболее ярких и объективных показателей действия правовых норм на практике и, соответственно, их эффективности является судебная деятельность, в ходе которой становится очевидным, какие нормы права являются востребованными, а какие так и остаются на бумаге. Однако при анализе судебной практики в Улусе Джучи мы сталкиваемся с отсутствием соответствующей источниковой базы даже в большей степени, чем при изучении других сфер правоотношений в этом государстве. В результате сведения источников о судебных разбирательствах дел русских князей в Золотой Орде позволяет не только оценить практическую применимость правовых актов, но и в значительной степени реконструировать сам судебный процесс в Улусе Джучи.

§ 1. СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС В ЗОЛОТОЙ ОРДЕ И ЗНАЧЕНИЕ ДРЕВНЕРУССКИХ ИСТОЧНИКОВ ДЛЯ ЕГО ИЗУЧЕНИЯ

Современное состояние изучения истории Золотой Орды делает возможным обращение к полноценному исследованию отдельных ее аспектов, включая и такие специфические как золотоордынское право и судебный процесс. Автор настоящих строк в свое время обратился к специальному исследованию организации и принципов деятельности суда в Золотой Орде¹. В последние годы эта тематика также стала предметом интереса в отечественной историографии преимущественно со стороны молодых исследований, которые, в принципе, также уделяли основное внимание самим органам, осуществлявшим правосудие, источникам, на основе которых они действовали, отдельным специфическим чертам и принципам ордынских судов. Авторы публикаций до некоторой

¹ Почекаев Р. Ю. Суд и правосудие в Золотой Орде // Правоведение. 2004. № 2. С. 217–232; Почекаев Р. Ю. Право Золотой Орды. С. 141–157.

степени повторяют (как можно увидеть даже из названий)¹, а в ряде случаев расширяя и дополняя вопросы, исследованные нами ранее, за счет привлечения источников по истории других тюрко-монгольских государств². Аналогичный подход применяется и в современных казахских исследованиях³.

В результате за пределами изучения оказывается сам судебный процесс Золотой Орды, т.е. непосредственно деятельность органов, осуществляющих правосудие, включая этапы и стадии следствия и суда, статус участников процессуальных отношений, получение и исследование доказательств и пр. Нет сомнения, что эта сторона золотоордынских судебных реалий не нашла отражения в исследованиях отнюдь не только по причине специфичности темы. Просто в данном случае исследователь сталкивается с той же проблемой, что и при изучении государственности и права Золотой Орды в целом – отсутствием аутентичных источников, содержащих юридически значимую информацию. Как известно, к таковым могут быть отнесены памятники законодательства и правоприменительной практики, в ряде случаев – и другие акты материалы, но именно этот вид источников и относится к числу наименее сохранившихся. В нашем распоряжении имеется всего несколько десятков официальных документов золотоордынского происхождения – ханских ярлыков (жалованных

¹ См., напр.: *Сапронова Ю. В., Ярошенко У. А.* Суд и правосудие в Золотой Орде // Академия педагогических идей. Новация. 2018. № 6. С. 698–706; *Якушева А. А., Калашикова Е. Б.* Суд и правосудие в Золотой Орде // Наука, образование: общество: тенденции и перспективы развития. Сборник материалов VI Международной научно-практической конференции. Чебоксары, 18 июня 2017 г. Чебоксары, 2017. С. 57–61.

² *Шургучиев О. С.* Источники о судопроизводстве в Золотой Орде // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. Т. 28. 2016. № 6. С. 128–134; *Шургучиев О. С., Лиджиева И. В.* К проблеме судостроительства в Золотой Орде // *Universum: Общественные науки: электронный научный журнал.* 2017. № 4 (34). URL: <http://7universum.com/ru/social/archive/item/4700>.

³ См., напр.: *Жумаганбетов Т. С.* Улус Джучи. Государственная организация и правовые отношения в XIII–XV вв. (Тюрко-кыпчакские политические и правовые традиции в средневековой монгольской государственности). Алматы, 2020. С. 321–325.

грамот, посланий и распоряжений), актов правоприменительной практики и т.д. При этом большинство таких документов сохранилось до нашего времени лишь в иностранных переводах, что также заставляет критически отнестись к их содержанию как источникам.

Из рассматриваемых документов, и без того немногочисленных, лишь несколько имеют непосредственное отношение к судебному процессу: речь идет о группе документов, касающихся иска золотоордынских купцов о возмещении ущерба, причиненного им в результате нападения венецианцев. Это – письмо крымского даруги Рамадана 1356 г., два ярлыка хана Бердибека 1358 г. (крымскому даруге Кутлуг-Тимуру и венецианским купцам Азова), а также «платежная ведомость» ханши Тайдулы. Этот комплекс официальных актов позволил автору предпринять попытку реконструкции конкретного судебного процесса – той самой тяжбы торговцев Золотой Орды против Венеции в конце 1350-х гг., проанализировав при этом как формально-юридические аспекты судебного разбирательства, упомянутые выше, так и особенности судопроизводства в условиях, когда одна из сторон в нем была представлена иностранными подданными¹. Наличие нескольких документов позволило восстановить последовательность разбирательства на разных этапах, охарактеризовать судебную компетенцию различных инстанций (от главы администрации ордынского Крыма до хана Золотой Орды и его могущественной бабки Тайдулы), выявить дополнительных участников процесса, в т. ч. писцов и переводчика, рассмотреть вопросы о видах доказательств и о судебных издержках и пр.

Естественно, осуществить подобного рода реконструкцию системы правосудия, пусть даже и на примере конкретного казуса, базируясь только на перечисленных документах было бы невозможно, именно поэтому автор счел необходимым прибегнуть к привлечению других исторических источников, которые позволили бы ему дополнить весьма скудную информацию о суде и процессе в Золотой Орде и современных ей государствах, взаимодействовавших с хана-

¹ *Почекаев Р. Ю.* Крымские торговцы против Венеции: историко-правовые и процессуальные аспекты тяжбы 1350-х гг. // Золотоордынское обозрение. Т. 8. 2020. № 1. С. 51–66.

ми-Джучидами. Ниже мы намерены осветить группы источников, которые содержат необходимые сведения об организации и реализации правосудия в Улусе Джучи.

Сразу стоит отметить, что, во-первых, практически все эти источники имеют иностранное происхождение, во-вторых, большинство из них не являются юридическими. Это обуславливает применение специальных методов исследования при использовании их для достижения поставленной нами цели.

Первую группу источников, в которой достаточно серьезно освещен судебный процесс в Золотой Орде, составляют, как ни странно, именно древнерусские летописи, а также агиографические сочинения (жития святых), также нередко инкорпорированные в содержание этих летописей. В них содержится немало упоминаний о русских князьях, оказавшихся перед судом ханов Золотой Орды, причем в некоторых таких сообщениях дается весьма подробное описание самих судебных процессов, отсутствующее в других исторических летописях и хрониках, содержащих сведения об Улусе Джучи. В частности, достаточно подробно описаны казусы, которые будут детально проанализированы в следующих параграфах настоящей главы: суд ордынского правителя Бату (1227–1256) над Михаилом Черниговским в 1246 г., разбирательство ханом Тула-Бугой (1287–1291) спора о наследстве между галицко-волынскими князьями в 1287 г. суд хана Узбека (1313–1341) над Михаилом Ярославичем Тверским в 1318 г. и разбирательство хана Улуг-Мухаммада (1419–1437, с перерывами) спора о великом княжении между князьями Василием Васильевичем Московским и его дядей Юрием Дмитриевичем Звенигородским в 1433 г. Два последних упомянутых казуса являются настолько уникальными по своей подробности описаниями судебных разбирательств, что заставляют предположить присутствие на этих процессах или даже участие в них самих информаторов, сведения которых записали составители летописей и житийных сочинений.

Исследователи уже успели оценить важность и ценность древнерусских летописных сведений о золотоордынском суде, результатом чего стало появление посвященных им публикаций российского специалиста по истории русско-

ордынских отношений Ю. В. Селезнева¹, которые прямо или в значительной степени посвящены проблемам ханского правосудия в отношении русских вассальных правителей.

Вместе с тем, конечно же, не стоит забывать о специфическом отношении русских князей и их придворных или монастырских летописцев к ордынским сюзеренам, равно как и о том, что авторы летописей могли оценивать процессуальные реалии Золотой Орды в собственной системе ценностей. В связи с этим не следует ограничиваться опорой исключительно на древнерусские летописи даже при изучении казусов, связанных с судом над русскими князьями, по которым, как уже отмечалось, эти источники содержат порой весьма детализированную информацию.

Гораздо менее подробные сведения (и менее исследованные специалистами), касающимися судебных процессов в Золотой Орде, содержатся в других исторических хрониках и летописях – арабских, персидских, тюркских, западноевропейских. Тем не менее, эти источники также содержат ценную информацию, касающуюся конкретных судебных разбирательств – судов над конкретными лицами. Отметим, что речь идет не только о хорошо известных отчетах о путешествиях Джованни де Плано Карпини и Вильгельма де Рубрука в XIII в., Иоганки Венгра в XIV в., Иосафата Барбаро и Амброджо Контарини в XV в., но и сравнительно недавно введенных в научный оборот русских переводах посланий и других документов католических миссионеров, побывавших в Улусе Джучи в XIII–XIV вв.²

¹ Селезнев Ю. В. Возникновение суверенитета монгольского кагана и ордынского хана...; *Он же*. Ордынский хан на территории Волынского и Галицкого княжеств: движение сюзерена через земли подданных // *Stratum Plus*. 2018. № 5. Когда века были средние: общество и власть. С. 207–216; *Он же*. Наказание за государственные и политические преступления в сакральном контексте: описание смертной казни русских князей в Золотой Орде // *Очерки истории уголовно-исполнительной системы* / Под ред. С. С. Выхоря, А. В. Сумина. Иваново, 2019. С. 51–88.

² Хаутала Р. В землях «Северной Тартарии». С. 451–474, 757–898 и др.

Недостаток их сведений о содержании конкретных процессуальных действий может быть устранен за счет привлечения сведений, позволяющих провести аналогию между ханским судом в Золотой Орде и судами правителей других современных ей чингизидских государств. Основания для такого подхода имеются: ведь вся системы органов власти и управления, а также основные источники права в Улусе Джучи и других государствах Чингизидов базировалась на системе политических и правовых ценностях Монгольской империи.

Соответственно, ценным источником являются сведения «имперских» авторов, среди которых, конечно же, наиболее значительными являются персидские историки Ата Малик Алла ад-Дин Джувеини и Рашид ад-Дин, в сочинении каждого из которых описывается значительное число случаев суда ханов Монгольской империи (неслучайно монгольскому имперскому суду также уже было посвящено специальное исследование¹). Кроме того, у Рашид ад-Дина и еще одного персидского историка Шихаб ад-Дина Абдаллаха ал-Хавафи (Хафиза Абру) содержатся довольно подробные описания ханских судов в державе ильханов Хулагуидов в Иране. Учитывая, что Рашид ад-Дин был не только придворным историком, но и высокопоставленным государственным деятелем и, к тому же, активным участником реформ ильхана Газана (1295–1304), не приходится удивляться, что в своем «Джами ат-таварих» («Сборнике летописей») он не только отразил события, связанные с судебной деятельностью ильханов, но также и включил в него несколько документов (ханских ярлыков), касающихся принципов организации судебной деятельности в Ильханате. В результате, благодаря историческому сочинению, до нас дошли тексты правовых документов, столь необходимых для реконструкции суда и процесса. При этом, конечно же, следует принять во внимание, что, несмотря на значительные сходства в государственном устройстве и правовой системе Улуса Джучи и государства Хулагуидов, каждое из них имело все же свою специфику, поэтому экстраполировать сведения о суде у ильханов на золотоордынский ханский суд

¹ *Скрынникова Т. Д.* Судопроизводство в Монгольской империи // *Altaica*. VII. 2002. С. 163–174.

следует с осторожностью, стараясь учитывать отличия, которые могут быть установлены на основании других источников по истории Золотой Орды, ее государства и права.

Также правовые документы, касающиеся процессуальной сферы, содержатся в еще одном персидском сочинении – трактате «Дастур ал-хатиб фи тай-ин ад-маратиб» («Руководство для писца при определении сановных степеней»), автором которого является Мухаммад Нахчивани, сановник при дворе последних Хулагуидов и их первых преемников из династии Джалаиридов. В этот труд включены тексты ряда ярлыков, касающихся назначения на должность судей, требований к ним и пр., что проливает свет на правовой статус ключевой фигуры в судебном разбирательстве¹. Как и в случае с документами в «Сборнике летописей» Рашид ад-Дина, их положения можно с определенными оговорками применить по аналогии к судебному устройству Золотой Орды.

Помимо Монгольской империи и государства ильханов, ценные сведения об организации и деятельности судов, включая и официальную информацию, содержатся в источниках китайского происхождения – в частности, в записках путешественников Пэн Да-я и Сюй Тина, побывавших в Монгольской империи, соответственно, в 1233 и 1235–1236 гг., а также в известной династийной истории «Юань Ши», составленной в 1369 г., сразу после падения власти монгольской империи Юань в Китае на основе официальных документов этой династии. Естественно, и эти сведения можно с определенной осторожностью использовать как косвенный источник для истории суда и процесса в Улусе Джучи – как наследнике Монгольской империи.

Армянские и грузинские источники (а также отчасти – сельджукские), подобно древнерусским летописям, содержат ценные сведения, касающихся суда чингизидских монархов (и золотоордынских ханов, и даже в большей степени –

¹ Подробнее этот вопрос изучен в статье: *Абзалов Л. Ф., Гатин М. С., Мустакимов И. А., Почакаев Р. Ю.* О статусе судей в Монгольской империи и ее улусах в XIII–XIV вв.: опыт междисциплинарного исследования // Вестник Томского государственного университета. История. 2022 (в печати).

персидских ильханов) над вассальными правителями. Соотнесение их информации с сообщениями русских летописцев позволяет понять, существовала ли специфика в судебных разбирательствах по делам или преступлениям вассалов, или же они судились в том же порядке, что и непосредственные подданные ханов-Чингизидов.

Сочетание сведений ряда источников позволяет по-новому взглянуть на хорошо известные факты и дать иную интерпретацию некоторым событиям. В качестве примера сошлемся на свое недавнее исследование, в котором мы, опираясь на источники, содержание сведения о государственности и праве Монгольской империи, Золотой Орды и государства ильханов, предприняли попытку показать, что свержение вышеупомянутого хана Тула-Буги и вступление на престол Токты (1291–1312) были не просто военным переворотом, а результатом судебного разбирательства с соблюдением необходимых формальностей, позволивших новому хану стать не узурпатором, открыто убившим своего предшественника, а законным ханом, лишившим предшественника трона на законном основании¹.

Своеобразным, но при этом весьма полезным источником могут оказаться произведения эпоса и фольклора. И хотя в целом они вряд ли могут использоваться для получения формальных сведений о суде и процессе в Золотой Орде, они представляют ценность как отражение современников к деятельности властных структур, их представления о хороших и дурных качествах судей. Более того, в сочетании со сведениями других источников сведения, почерпнутые из эпоса и фольклора, позволяют дополнить наши представления о деятельности (в т. ч. и судебной) известных правителей и государственных деятелей Золотой Орды. Так, сравнение информации из исторических сочинений и эпоса «Едигей» дало нам возможность охарактеризовать судебные полномочия золо-

¹ *Почекаев Р. Ю.* «Им покрыли головы и переломили спины»: историко-правовые аспекты прихода к власти золотоордынского хана Токты // Сарыарка и Алтын Орда: время и пространство: Материалы международной конференции, посвященной 750-летию основания Золотой Орды. Караганды, 23–25 октября 2019 года. Караганды, 2019. С. 14–24.

тоордынского государственного деятеля Идигу с учетом специфики его статуса как ханского сановника, а затем – и временщика в Улусе Джучи¹.

В заключение считаем целесообразным сказать несколько слов о методологических особенностях работы с вышеперечисленными категориями исторических памятников. Учитывая, что значительная их часть не относится к юридическим, а интересующие нас сведения (процессуальная сфера) носят весьма специфический характер, при работе с такими источниками необходимо комбинировать ряд специальных историко-правовых и общенаучных методов.

Так, формально-юридический подход позволяет понять степень правовой значимости исследуемой информации и выделить именно те фрагменты изучаемых текстов, которые относятся (прямо или косвенно) к сфере суда и процесса. Сравнительно-правовой подход позволит дополнить сведения о правосудии Золотой Орды за счет информации о суде и процессе в других современных ей тюрко-монгольских государствах, выявить их сходства между собой и, самое главное, отличительные черты, присущие правосудию в каждом из них. Системный подход позволит обобщить сведения, полученные на основе анализа конкретных казусов, а структурно-функциональный – определить последовательность стадий следствия и суда, охарактеризовать действия, права и обязанности участников разбирательства, выявить виды и порядок получения доказательств и пр. От каких-то поспешных выводов на основании изучения одной только группы источников поможет уберечь критический источниковедческий анализ.

Используя подобную методологию в изучении источников самого разного жанра и происхождения, полагаем, можно попытаться реконструировать систему суда и в государствах-наследниках Золотой Орды, от которых также сохранилось не слишком много источников правового характера, и сведения о суде

¹ Почекаев Р. Ю. Суд Идигу: эпическая традиция и историко-правовые реалии // Улус Джучи и Сарайшык – у истоков казахской государственности: Материалы Международной научно-практической конференции (Атырау, 9–10 октября 2019 г.). Атырау, 2019. С. 224–229.

и процессе которых также являются достаточно лапидарными и «разбросанными» по самым разным источникам.

Тем не менее, возвращаясь к вопросу о русских летописях, подчеркнем, что они содержат наиболее подробные сведения о самых различных видах судебных разбирательств и характеристики разных стадий процесса. Именно это в значительной степени и побудило автора посвятить отдельную главу суду золотоордынских ханов над своими русскими вассалами. Главной целью настоящего исследования является демонстрация ценности русских летописей как источника сведений о суде и процессе в Золотой Орде и, соответственно, попытка реконструкции различных аспектов этого процесса. Вместе с тем, в исследовании присутствуют и некоторые наблюдения, позволяющие дополнить существующие представления об особенностях правовых отношений Золотой Орды и русских княжеств в целом.

§ 2. ЖИТИЯ РУССКИХ КНЯЗЕЙ КАК ИСТОЧНИК СВЕДЕНИЙ О ЗОЛОТООРДЫНСКОМ СУДЕБНОМ ПРОЦЕССЕ XIII–XIV ВВ.

Жития (или «сказания об убиении») русских князей, казненных в Золотой Орде в XIII в., безусловно, являются, в первую очередь, памятниками агиографии и духовной культуры. Вместе с тем, они уже довольно длительное время используются историками как источники о первых контактах золотоордынских и русских правителей, о проблемах взаимодействия совершенно разных культур и верований. Однако, как представляется, они – гораздо более сложные и многоплановые тексты, в связи с чем заслуживают дополнительного внимания и со стороны историков и представителей смежных наук.

В настоящем исследовании мы намерены проанализировать жития или «сказания об убиении в Орде» Михаила Всеволодовича Черниговского (1246 г.), Романа Ольговича Рязанского (1270 г.) и Михаила Ярославича Тверского (1319 г.) как источник сведений о судебном процессе в Золотой Орде. Как представляется, анализ такой анализ, с одной стороны, позволит выявить элементы золотоордынского суда и правосудия в XIII–XIV вв., с другой – до некоторой степени подтвердить степень историчности описанных в житиях событий. До сих пор такого исследования этих источников, насколько нам известно, не производилось, а между тем, как известно, в церковном праве судебный процесс был весьма детально проработан, так что, не приходится удивляться, что авторы житий (представители духовенства) могли весьма квалифицированно зафиксировать те или иные процессуальные аспекты «дела» того или иного князя.

Суд, который был. История гибели Михаила Всеволодовича Черниговского в Золотой Орде уже многократно становилась предметом специальных исследований, при этом специалисты проводили текстуальный анализ жития, разбирались с причинами казни в Орде этого князя (называя в качестве таковых как религиозные, так и политические), даже пытались реконструировать мон-

гольские религиозные установления, которые, по мнению исследователей, мог нарушить князь, за что и поплатился жизнью¹.

Согласно житию, Михаил Всеволодович Черниговский, как и многие князья в этот период времени (Ярослав Всеволодович Владимирский, Даниил Романович Галицкий и другие, менее значительные), прибыл в Золотую Орду для признания зависимости и получения подтверждения права на свои владения, которые после походов 1237–1241 гг. попали в сферу влияния Монгольской империи в лице правителя ее западного удела (Улуса Джучи) – Бату². По прибытии в ставку Бату он получил указание совершить ряд ритуалов, по прохождении которых имел право на получение аудиенции у золотоордынского правителя – согласно житийным сведениям, это были проход между огней, поклонение «кусту» и «идолам». Различные авторы уже предпринимали попытки ответить на вопрос, что именно представляли собой эти ритуалы, для нашего же исследования это не столь важно, достаточно отметить, что по какой-то причине Михаил Всеволодович отказался совершить эти ритуалы. После ряда увещаний со стороны не только собственных родственников и приближенных, но даже и со стороны монголов, он заявил, что скорее примет смерть, чем поклонит-

¹ А. А. Горский произвел подробный обзор источников и историографии об убиении Михаила Всеволодовича, см.: *Горский А. А. Гибель Михаила Черниговского в контексте первых контактов русских князей с Ордой // Средневековая Русь. Вып. 6. 2006. С. 138–142.*

² Ряд исследователей утверждает, что Михаил Черниговский пытался в ставке Бату подтвердить права лишь на свое Черниговское княжество, не представляя, таким образом, угрозы интересам ни Даниилу Галицкому, ни Ярославу Владимировскому и Киевскому, см.: *Горский А. А. Гибель Михаила Черниговского... С. 151; Майоров А. В. Тайна гибели Михаила Черниговского // Вопросы истории. 2015. № 9. С. 97.* Однако ни в одном источнике не уточняется, о каких именно владениях намеревался поднять вопрос черниговский князь. Исходя из летописных сообщений о его властных амбициях и энергичной политической деятельности, предположение о его возможных претензиях как на Галицко-Волынские владения, так и на Киев имеют не меньше оснований.

ся языческим идолам, тем самым нарушив принципы христианской веры¹. В результате князь Михаил Всеволодович был мучительно казнен, войдя в историю как один из первых князей-мучеников, погибших по воле ордынских властителей².

По мнению исследователей, версия о его мученичестве за веру стала распространяться уже вскоре после его гибели. Вероятно, ее авторами могли стать спутниками князя, сопровождавшие его тело из Орды и изложившие ее именно в таком виде встретившимся им по пути Иоанну де Плано Карпини и Бенедикту Поляку, посланцам Папы Римского, которые в результате выступили «невольными свидетелями» мученичества князя в глазах исследователей³. Окончательно «житийный» вариант его гибели сложился в 1270-е гг., причем не в Южной Руси, не на Черниговщине, а в Ростовском княжестве, где правили его дочь Мария и внуки Борис (бывший свидетелем гибели деда) и Глеб⁴. В результате Михаил Всеволодович Черниговский, достаточно авторитетный князь, но все же проигрывавший по политической значимости таким своим современникам как

¹ А. Г. Юрченко вполне обоснованно отметил, что поклонение «идолам» (по мнению данного автора – некоей «золотой статуе Чингис-хана») в глазах монголов являлось выражением покорности их правителю, в глазах же русских – действием, несовместимым с христианскими догматами, что, возможно, и подвигло Михаила Черниговского на принятие подобного решения, см.: *Юрченко А. Г.* Золотая Орда: между Ясой и Кораном. С. 265–266.

² Полное собрание русских летописей. Т. VII. Воскресенская летопись. М., 2001. С. 153–156; Сказание о убиении в Орде князя Михаила Черниговского и его боярина Феодора / Подг. текста, пер. и коммент. Л. А. Дмитриева // Памятники литературы Древней Руси. XIII век. М., 1981. С. 228–235.

³ Действительно, в ряде научных работ Иоанн де Плано Карпини характеризуется как очевидец расправы с черниговским князем, хотя сам он в своих записках указывает совершенно другие даты собственного пребывания в Золотой Орде, см.: *Юрченко А. Г.* Золотая Орда: между Ясой и Кораном. С. 263–264.

⁴ *Лосева О. В.* Жития русских святых в составе древнерусских прологов XII – первой трети XV веков. М., 2009. С. 244, 251; *Рудаков В. Н.* Монголо-татары глазами древнерусских книжников середины XIII–XV вв. М., 2009. С. 103; *Dimnik M.* The Dynasty of Chernigov, 1146–1246. Cambridge, 2003. P. 2374–375.

Даниил Галицкий, Александр Невский и др. и не получивший достаточно подробных характеристик в «светской» истории, стал одним из самых почитаемых русских святых князей-мучеников, почитаемых в истории «духовной»¹. Как ни парадоксально, в исследованиях XIX в. именно эта версия его гибели была признана достоверной и передавалась историками.

Своеобразную версию событий предложил П. О. Рыкин, высказавший предположение, что Михаил Черниговский нарушил монгольские религиозные нормы: не пройдя через огонь, он продемонстрировал намерение внести «внешний хаос» в «упорядоченный монгольский социум», тем самым нанеся оскорбление монгольскому правителю и его приближенным и сделав их уязвимыми для возможных «магических атак». Именно за это он был столь быстро и жестоко казнен – причем также ритуальным способом, чтобы «нейтрализовать» причиненный им сакральный вред². Впрочем, другие авторы уже обращали внимание, что, несмотря на некоторую экзотичность трактовки, версия П. О. Рыкина базируется на том же безусловном доверии к сведениям жития³.

В последние годы исследователи все больше склоняются к легендарности такой версии, приводя обоснованные доводы в пользу политических причин

¹ *Мартынюк А. В.* «Неявленные мученики»: к пониманию образа святого Михаила Всеволодовича, князя черниговского // *Colloquia Russica. Ser. I. Vol. 8.* Kraków, 2018. S. 273–279. Белорусский исследователь делает любопытное наблюдение о связи с культом св. Михаила Черниговского почитания широкого ряда «неявленных мучеников» из числа его близких родственников – погибших на Калке в 1223 г. дяди Мстислава Святославича и его сына Василия, сестры Агафьи вместе с ее семейством (муж – великий князь Юрий Всеволодович Владимирский и сыновья Всеволод, Мстислав и Владимир) в 1238 г., зятя Василька Константиновича Ростовского в том же 1238 г. и двоюродного брата Мстислава Глебовича в 1239 г.

² *Рыкин П. О.* Гибель князя Михаила Черниговского в свете традиционных монгольских верований // *Россия и Восток: Традиционная культура, этнокультурные и этносоциальные процессы. Материалы IV международной научной конференции «Россия и Восток: проблемы взаимодействия».* Омск: Омский ф-л Объединенного ин-та истории, филологии и философии, 1997. С. 85–89.

³ См.: *Юрченко А. Г.* Золотая Орда: между Ясой и Кораном. С. 268.

убийства князя Михаила. Среди таковых называют и убийство им монгольских послов в Киеве в 1239 г.¹, и призыв к крестовому походу против монголов на Лионском соборе в 1245 г.², даже личное участие в борьбе с монголами во время их похода на Европу и, в частности, в битве при Легнице³. Мы в свое время также предлагали свое объяснение расправы с черниговским князем, который самим своим существованием стал препятствием для распространения непосредственного контроля ордынских правителей на земли Черниговского княжества⁴.

Однако сам ход разбирательства дела Михаила Черниговского в Золотой Орде до сих пор не привлекал внимания исследователей. Более того, некоторые авторы прямо утверждают, что никакого суда над князем в Орде не было⁵. Подтверждается ли это данными жития Михаила Черниговского? Попробуем ответить на этот вопрос.

Прибытие князя в ставку Бату и начало его переговоров с представителями правителя было достаточно стандартным для большинства русских князей и пока никакого отношения к судебному процессу не имело. «Состав преступления», согласно житию, заключался в демонстративном отказе Михаила Всеволодовича выполнить необходимые ритуалы, о смысле и содержании которых он имел достаточное представление как от ранее совершавших их русских князей, так и от самих монголов⁶. Этот отказ он выразил перед «волхвами», т. е. ордынскими священнослужителями. Те, по сути, «возбудили уголовное дело», сообщив о факте нарушения князем установленного порядка ордынским вла-

¹ Горский А. А. Гибель Михаила Черниговского... С. 145; Юрченко А. Г. Золотая Орда: между Ясой и Кораном. С. 268–269.

² Гумилев Л. Н. Древняя Русь и Великая Степь. М., 1992. С. 351.

³ Майоров А. В. Тайна гибели Михаила Черниговского. С. 111–112, 114–115.

⁴ Почакаев Р. Ю. Батый. Хан, который не был ханом / 2-е изд., испр. и доп. СПб., 2018. С. 159–161.

⁵ Горский А. А. Гибель Михаила Черниговского... С. 153.

⁶ Горский А. А. Гибель Михаила Черниговского... С. 143–144; Юрченко А. Г. Золотая Орда: между Ясой и Кораном. С. 263.

стям в лице самого Бату, передав и слова Михаила, которыми тот мотивировал свои действия¹.

Стадия «предварительного следствия» нашла отражение в действиях «стольника Елдеги» – лица, уполномоченного самим Бату, проверить, насколько соответствуют показания «волхвов» реальности. «Следователь» встретился с Михаилом и на всякий случай уведомил его об ответственности, которая предусматривалась за подобные нарушения: фактически Михаилу давался шанс представить свое деяние как результат заблуждения и исправиться². Однако князь перед лицом и самого представителя властей, и перед многочисленными свидетелями («стоящими же има на месте том, множество христиан и поганых слышахом словеса сия») только подтвердил свою позицию, дав тем самым необходимые доказательства своей вины и позволив ордынскому правителю принять дело к рассмотрению и вынести приговор³.

Некоторые авторы, отрицая факт суда, указывают, что сам Бату в этом деле как бы и не участвовал, передав все полномочия по взаимодействию с Михаилом и пр. «стольнику Елдеге»⁴. Однако это не совсем так. Отказавшись выполнить вышеупомянутые ритуалы, черниговский князь не прошел церемонию «очищения», только после которой лица, прибывавшие на прием к ордынскому

¹ Полное собрание русских летописей. Т. VII. С. 154; Сказание о убиении в Орде князя Михаила Черниговского... С. 231. Высказывались предположения, что обвинения политического характера против Михаила Всеволодовича мог выдвинуть Даниил Галицкий, его давний соперник, а также и собственные ближайшие родичи – представители черниговского княжеского дома, среди которых он не пользовался популярностью, см., напр.: *Горский А. А.* Гибель Михаила Черниговского... С. 152, 153.

² В этом, на наш взгляд, можно усмотреть «поправку» ордынских властей на то, что контакты русских князей с Ордой только что начались, и они могли не выполнять тех или иных требований или ритуалов просто по незнанию.

³ Полное собрание русских летописей. Т. VII. С. 154–155; Сказание о убиении в Орде князя Михаила Черниговского... С. 233, 235.

⁴ *Рудаков В. Н.* Монголо-татары глазами древнерусских книжников... С. 109, 110.

правителю, получали право быть допущенными к нему лично¹. Соответственно, князь сам лишил себя права взаимодействовать непосредственно с Бату, волю которого излагал его представитель «Елдега». Кстати, житие постоянно указывает на то, что и «волхвы», и «стольник» адресовали услышанное от князя непосредственно ордынскому правителю, так что, не приходится сомневаться, что именно Бату контролировал весь процесс «предварительного следствия» и, в конечном счете, вынес приговор.

Согласно житию, черниговского князя умертвили весьма мучительным способом: его, «растягоша за руце и за нозе», «нача его руками бити по сердцу», а затем, повалив на землю, «бьяхуть его пятами», т. е. фактически забили до смерти. После этого некий путивлец Доман отрезал уже мертвому князю голову². Позволим себе не вполне согласиться с утверждением А. Г. Юрченко, что «Михаила убили не по-монгольски, а обезглавили труп по-монгольски»³: забивание до смерти представляло собой один из способов казни «без пролития крови», распространенных среди монголов. Что же касается отрезания головы, то тут, на наш взгляд, стоит обратить внимание не столько на факт ее отреза-

¹ См.: Юрченко А. Г. Золотая Орда: между Ясой и Кораном. С. 263. Отметим, что это правило распространялось не только на русских князей и других иностранцев, из сведений о которых (или из записок которых) в основном мы и имеем представление о данном ритуале (летописные сведения, записки И. де Плано Карпини, Гильома де Рубрука и др.). По всей видимости, и подданные монгольских правителей должны были его проходить, чтобы иметь честь лицезреть того или иного монарха. Например, в эпосе «Идегей» сообщается, что когда главный герой, предводитель племени мангыт, прибыл в ставку Амира Тимура – знаменитого Тамерлана, тот ему «почет оказал / Меж кострами велел пройти», см.: Идегей: Татарский народный эпос / Пер. С. Липкина. Казань, 1990. С. 107. Несомненно, почет заключался не в самом проходе через «очистительный огонь», а в последующей личной аудиенции могущественного правителя.

² Полное собрание русских летописей. Т. VII. С. 155–156; Сказание о убиении в Орде князя Михаила Черниговского... С. 235.

³ Юрченко А. Г. Золотая Орда: между Ясой и Кораном. С. 267.

ния¹, сколько на то, кто именно это сделал: Доман – уроженец Путивля, т. е. города, входившего в состав Черниговского княжества: полагаем, выбор пал именно на него, чтобы показать, что даже соотечественники приговоренного не одобрили того деяния, за которое он был казнен.

Нельзя не вспомнить, что другой черниговский князь – Андрей Мстиславич был примерно в то же время казнен в Орде как «конокрад», а его младшего брата принудили жениться на его вдове, что было вопиющим нарушением православных церковных канонов. Такая политика дискредитации именно черниговских князей в глазах их же собственных подданных, на наш взгляд, преследовала уже упомянутую цель – отстранить местную правящую династию от власти и взять Черниговщину под свой непосредственный контроль². Рискнем высказать предположение, что даже фраза, приписываемая Михаилу Всеволодовичу автором жития: «не хочу токмо именем зватися христианин, а дела творити поганных», могла в реальности отражать именно его нежелание числиться «номинальным» правителем собственной земли под непосредственным контролем ордынских наместников. Не забудем, что как раз после смерти князя Михаила Всеволодовича Черниговское княжество прекратило свое существование, разделившись на четыре независимых удела под властью его сыновей...

Итак, как представляется, описание обстоятельств гибели князя Михаила Всеволодовича Черниговского достаточно скрупулезно отражает основные стадии ордынского процесса – от установления факта совершения преступления до вынесения приговора и даже особенностей его приведения в исполнение. Само преступление, за которое последовало столь суровое и мучительное наказание, по-прежнему, не может быть выявлено достаточно четко: слишком уж проти-

¹ Хотя и само это действие дает основание некоторым исследователям утверждать, что Михаил был убит как иностранный правитель, открыто сражавшийся против монголов с оружием в руках: так же умерщвлялись и многие иностранные монархи, попадавшие в плен к монголам в ходе сражений, см.: *Майоров А. В.* Тайна гибели Михаила Черниговского. С. 114.

² *Почекаев Р. Ю.* Батый. Хан, который не был ханом. С. 161–162.

воречивыми представляются сведения жития и других источников для окончательного вывода. Однако в рамках данного исследования этот вопрос не важен, поскольку нас интересовали именно сами процессуальные действия.

В завершение анализа жития Михаила Черниговского ответим на еще один поставленный в начале исследования вопрос – об историчности сведений. Несмотря на очевидные агиографические «штампы», представляется, что описание обстоятельств гибели князя вполне отражает реальные события, на что указывает целый ряд сведений.

Во-первых, обращают на себя внимание детали, связанные с прибытием князя Михаила в Орду, описание разного рода ритуалов для встречи новоприбывших с целью последующего их доступа к правителю.

Во-вторых, в житии фигурируют не только сам князь Михаил и его боярин Федор, разделивший его судьбу (и также причисленный к лику святых), но и другие исторические деятели, пребывавшие в то время в ставке правителя Улуса Джучи. Это – сам Бату и его сын Сартак, внук черниговского князя – ростовский князь Борис Василькович. Ну и главное, представитель правителя, осуществлявший процессуальные действия, «стольник Елдега» – также не символический персонаж, а реальный деятель. Согласно Рашид ад-Дину, эмир Элдэкэ из племени джурьят был пасынком Байху-хушина, от которого унаследовал должность предводителя войск правого крыла Улуса Джучи, т.е. занимал весьма высокую должность в золотоордынском войске¹ и, следовательно, при ханском дворе. Папский посланец Иоанн де Плано Карпини упоминает, что когда прибыл в ставку Бату, его встречал Елдегай, «его [Бату – *Р. П.*] управляющий»², что примерно и соответствует должности «стольник», в качестве которого он

¹ *Рашид ад-Дин*. Сборник летописей. Т. I. Кн. 1 / Пер. с перс. Л. А. Хетагурова; ред. и примеч. А. А. Семенова. М.; Л., 1952. С. 172.

² *Плано Карпини И. де*. История монгалов / Пер. А. И. Малеина, вступит. ст., коммент. М. Б. Горнунга // Путешествия в восточные страны. М., 1997. С. 72.

фигурирует в житии¹. Полагаем, упоминание конкретного сановника также является доводом в пользу отражения в житии реальных событий.

Наконец, сами подробности разбирательства дела князя, как представляется, дают основания считать события реальными, поскольку мы наблюдаем ряд действий процессуального характера, которые известны нам и по другим источникам – в частности, такой способ сбора доказательств, как взаимодействие в форме «вопрос – ответ» между обвинителем (или самим судьей) и подсудимым, по итогам которой та сторона, которая была менее убедительна, признает правоту другой. Подобные действия описываются как в средневековых летописных сочинениях – например, в «Сборнике летописей» Рашид ад-Дина, так и в монгольском фольклоре².

Именно эти указания и позволили нам назвать исследование сведений жития Михаила Черниговского «Суд, который был».

Суд, которого не было. Немногим менее значимым событием для «духовной» истории Руси XIII в. стала мученическая гибель Романа Ольговича Рязанского, имевшая место в 1270 г. Как и смерть Михаила Всеволодовича Черниговского, это событие привлекло внимание летописцев, послужило основанием для создания житийного произведения и нашло некоторое отражение в исследовательских работах. Хотя, учитывая куда меньшую значимость этого правителя, не приходится удивляться, что ему уделено гораздо меньше внимания и в историографии.

Житийный вариант описания гибели Романа Рязанского приводится впервые лишь в Никоновской летописи, которая содержит как причины жестокой

¹ В Древней Руси «стольник» означало именно «домоуправитель», см., напр.: *Срезневский И. И.* Материалы для Словаря древнерусского языка. Т. III. М., 2003. С. 156. Только позднее, уже в Московском царстве, эта должность превратилась в фактически ничего не значивший титул, даровавшийся находившимся при дворе юношам из знатных родов.

² *Рашид ад-Дин.* Сборник летописей. Т. I. Кн. 1. С. 95–96; *Носов Д. А.* Рукопись монгольской сказки «О старике Боронтае» из собрания ИВР РАН / Пред., транскр., пер. с монг., прим. // Письменные памятники Востока. 2015. № 1 (22). С. 10.

казни князя, так и подробное описание ее самой¹. Согласно этому источнику, князь был «оклеветан» перед золотоордынским «царем» в том, что «хулит царя» и «ругается вере» ордынцев. Когда князя вызвали в ханскую ставку, его подвергли пыткам, заставляя... отречься от христианства и принять «веру бесерменскую», т.е. ислам, но он лишь отвечал, что его вера истинная, а «татарская вера погана есть». Тогда ему отрезали язык и, вставив в рот деревяшку, «начаша резати по суставом», а затем «одраша коду от главы его и на копие взоткнуша»². Мученическая гибель позволила причислить Романа Ольговича Рязанского к святым.

В историографии, как уже отмечалось, судьбе Романа Рязанского уделено куда меньше внимания, чем судьбе Михаила Черниговского. Возможно, именно поэтому историки лишь кратко упоминают о его убийстве как «типичном» примере жестокости и самовластия ордынских ханов, столь часто и по надуманным обвинениям каздивших «оклеветанных» русских князей. Таким образом, если житийный вариант убийства Михаила Черниговского, как отмечалось выше, все больше вызывает у исследователей сомнения, аналогичное агиографическое описание смерти Романа Рязанского в Орде почему-то пользуется полным доверием даже современных историков³, включая и церковную историографию⁴.

¹ *Экземплярский А. В.* Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период с 1238 по 1505 г. Биографические очерки. Т. 2. Владетельные князья владимирских и московских уделов и великие и удельные владетельные князья суздальско-нижегородские, тверские и рязанские. СПб., 1891. С. 573.

² Полное собрание русских летописей. Т. X. С. 149–150.

³ См., напр.: *Борисов Н. С.* Иван Калита. М., 2005. С. 67; *Кривошеев Ю. В.* Русь и монголы: исследование по истории Северо-Восточной Руси XII–XIV вв. / 3-е изд., испр. и доп. СПб., 2015. С. 296; *Селезнев Ю. В.* Русские князья в политической системе Джучиева Улуса (Орды). Дисс. ... докт. ист. наук. Воронеж, 2014. С. 362–363.

⁴ См., напр.: *Афанасьев В.* За верность Христу расчлененный. 735 лет со дня казни 19 июля 1270 г. св. блгв. князя Романа Рязанского // *Русский вестник*. 22.07.2005. Электронная версия с сайта издания: <http://www.rv.ru/content.php3?id=5808>.

П. О. Рыкин, об оригинальной работе которого, посвященной обстоятельствам гибели Михаила Черниговского, мы упоминали выше, посвятил еще более развернутое исследование истории убийства Романа Рязанского. Взяв за основу все то же житийное сообщение, исследователь привел целый ряд примеров применения аналогичной казни из опыта других монгольских государств XIII–XIV вв. В итоге он приходит к выводу, что если версия о казни за нежелание менять веру выглядит надуманной (с учетом веротерпимости монголов и особенно потому, что «бесерменскую веру» они сами приняли лишь в 1320-е гг., т. е. полвека спустя после гибели Романа Ольговича), то обвинения в «хулении царя» и его «поношении его веры» могли действительно иметь место, и за них могла последовать именно такая казнь¹.

Несмотря на то, что построения П. О. Рыкина вызвали критику некоторых авторов за его доверие к агиографической версии описания событий², нельзя не отметить, что он вполне обоснованно обратил внимание на то, что в летописной традиции имеются две версии гибели рязанского князя: первая – просто про убийство татарами, вторая – про убийство в ставке ордынского «царя»³. Собственно, именно это наблюдение привело нас к определенным предположениям, которые мы намерены проверить ранее испробованным методом – историко-правовым анализом ордынского процесса.

В самом деле, на первый взгляд, как и в случае с Михаилом Черниговским, мы видим определенную последовательность действий: князя «оклеветали», тем самым дав повод для начала следственных действий. Вызов в Орду и даже последовавшие пытки – по сути, следственные действия с использованием тра-

¹ Рыкин П. О. Монгольский средневековый ритуал в летописном рассказе об убийстве князя Романа Рязанского (1270 г.): опыт интерпретации // *Nomadic Studies*. 2005. № 11. С. 62–73.

² См., напр.: Юрченко А. Г. Золотая Орда: между Ясой и Кораном. С. 276–277.

³ Рыкин П. О. Монгольский средневековый ритуал... С. 62–63.

диционных для средневековья средств получения доказательств¹. Получив подтверждение в том, что князь «хулит веру» царя, князя подвергли жестокой казни. Подробное ее описание, казалось бы, также свидетельствует о достоверности описываемых событий, но...

Во-первых, сравнивая описание суда над рязанским князем с судом над черниговским, нельзя не обратить внимания на «схематичность» описания при изложении событий 1270 г. Если в «деле» Михаила Черниговского упоминается целая группа исторических деятелей – как правители, так и сановники (в лице «Елдеги»), то в «деле» Романа Рязанского идентифицирован только он сам. Даже ордынский «царь» ни разу не назван по имени². Тем более, речи не идет ни о каких сановниках или свидетелях убийства князя. Более того, с чисто процессуальной точки зрения следует особо подчеркнуть, что слова князя, полученные, вроде бы, под пыткой (т. е. его показания!) не были переданы его мучителями ни «царю», ни иным представителям ордынских властей, в результате чего казнь выглядит даже не столько как исполнение официального приговора, сколько самовольное действие самих же «следователей»!

Во-вторых, вспомним об упомянутых П. О. Рыкиным двух летописных версиях гибели Романа Ольговича – лишь согласно второй из них (в Никоновской летописи) князь погибает в резиденции «царя». Первая версия лишь крат-

¹ Применение пыток для получения признания имело место и в Монгольской империи, см., напр.: *Рашид ад-Дин*. Сборник летописей. Т. II / Пер. с перс. Ю. П. Верховского, примеч. Ю. П. Верховского и Б. И. Панкратова, ред. И. П. Петрушевский. М.; Л., 1960. С. 117; *Juvaini Ata-Malik. The History of the World-Conqueror / Transl. from text of Mirza Muhammad Qazvini by J. A. Boyle, introduction and bibliography by D. O. Morgan. Manchester, 1997. P. 245–246.*

² Только в монументальном труде С. М. Соловьева впервые «уточняется», что Роман Рязанский был казнен по воле Менгу-Тимура, см.: *Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Т. 3–4. М., 1988. С. 162.* Естественно, единственным основанием для этого утверждения послужила хронология событий, поскольку никаких ханских имен в средневековых текстах не упоминается.

ко упоминает о его гибели от рук «поганных татар», хотя подробности казни все равно приводятся¹.

По нашему мнению, источник столь подробного описания казни вполне очевиден, поскольку и сами авторы обеих версий сказания об убиении рязанского князя его не скрывают, проводя прямую параллель между Романом Рязанским и ранне-христианским мучеником Иаковом Персидским, который в IV в. н. э. был казнен таким же образом по приговору персидского шаха Йездигерда². Таким образом, красочное описание казни Романа Ольговича, создающее обманчивое впечатление достоверности события – скорее всего, агиографический прием, к которому постоянно прибегали авторы житий древнерусских святых, в т. ч. и князей.

Историки Рязанского княжества отмечают практически полное отсутствие сведений о Рязанском княжестве в период княжения Романа Ольговича и позднее, т.е. во второй половине XIII – первой половине XIV вв., за исключением имен и примерной хронологии правления князей³. Причем те отрывочные сведения, которые имеются, свидетельствуют исключительно о покорности рязан-

¹ См., напр.: Полное собрание русских летописей. Т. XXV. С. 150. Легенда об Иакове имела распространение по всей Европе, см., напр.: *Иаков Ворагинский*. Золотая легенда / Пер. И. И. Аникьева и И. В. Кувшинской. Т. II. М.: Изд-во Францисканцев, 2018. С. 537–540.

² Любопытно, что армянский хронист Киракос Гандзакеци при описании казни армянского князя Джалала правителем монгольского Ирана в 1261 г. (ее в качестве одной из параллелей с гибелью Романа Ольговича приводит П. О. Рыкин) также прямо проводит параллель с Иаковом Персидским, см.: *Киракос Гандзакеци*. История Армении / Пер. с древнеарм., предисл. и коммент. Л. А. Ханларян. М., 1976. С. 235.

³ *Иловайский Д. И.* История Рязанского княжества. М., 1884. С. 156; *Экземплярский А. В.* Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период... С. 573. В частности, описание гибели еще одного рязанского князя Ивана Ярославича в 1327 г. в источниках представлено настолько противоречиво, что невозможно понять, погиб он в Орде или нет, от рук татар или нет.

ских правителей воле хана, выполнении всех его требований¹ – какая уж тут «хула на царя»?

Вместе с тем, в источниках встречаются упоминания, с одной стороны, о конфликтах самих представителей рода рязанских князей, не брезговавших и убийствами близких родственников², с другой – о периодических набегах ордынских отрядов в рязанские пределы³. Опираясь на эти косвенные сведения, можно с большой долей вероятности допустить, что Роман Ольгович пал жертвой одного из таких татарских набегов – либо при попытке противостоять грабителям, либо по наговору кого-то из своих многочисленных родственников. Во всяком случае, никакого суда в Орде над ним точно не было.

Вероятно, именно эта скудность летописной информации и позволила создать легенду о мученической гибели Романа Ольговича, поскольку доказательств ее истинности было столько же, сколько и аргументов против нее – ни одного! Желание же сделать из Романа Рязанского почитаемого святого также выглядит вполне объяснимым: авторы обеих версий проводят параллель не только с Иаковом Персидским, но и со «сродственником» Романа – Михаилом Черниговским. Нет сомнения, что рязанскому княжескому дому хотелось иметь в роду не менее почитаемого князя-мученика, чем тот, который уже имелся в старшей, черниговской, ветви их рода!

¹ *Иловайский Д.И.* История Рязанского княжества. С. 154.

² Сначала сторонами конфликта были князья Рязани и Мурома, затем – Рязани и Пронска, кроме того, непростые отношения были и с черниговским княжеским родом, поскольку после смерти Михаила Всеволодовича и распада его княжества рязанские князья стремились «прихватить» часть его наследия, см.: *Иловайский Д.И.* История Рязанского княжества. С. 156.

³ Например, есть сообщения о вторжении под 1288 г. в рязанские пределы ордынского князя Елортая, сына Темира, а под 1301 г. – еще одного отряда татар-грабителей, расправа с которым даже не вызвала гнева ордынского хана, см.: Полное собрание русских летописей. Т. X. С. 167; *Иловайский Д.И.* История Рязанского княжества. С. 154–155; Рязанские достопамятности, собранные архимандритом Иеоронимом / Прим. И. Добролюбова. Рязань, 1889. С. 19.

Итак, несмотря на некоторые «правдоподобные» элементы сказания об убиении Романа Ольговича Рязанского, мы приходим к однозначному выводу о легендарности описываемых событий. Именно эти соображения и позволили нам назвать исследование сведения жития Романа Рязанского «Суд, которого не было». Тем не менее, элементы процессуального характера, на наш взгляд, представляют определенный элемент и могут быть использованы при дальнейшем изучении золотоордынского судебного процесса.

Житие как самый подробный источник о суде и процессе Золотой Орды. Как мы уже убедились, применение междисциплинарного подхода в изучении истории средневековой Руси и ее соседей позволяет совершенно по-новому использовать источники, которые уже давно введены в оборот, хорошо известны исследователям и, казалось бы, всесторонне изучены. Очеренным ярким примером тому является средневековое сочинение, известное под названием «Повесть о Михаиле Тверском» или «Житие Михаила Ярославича» (далее по тексту – «Повесть»)¹. Безусловно, в первую очередь, оно является агиографическим (житийным) источником, однако исследователи не без оснований рассматривают его и как исторический источник, отражающий реальные политические события в истории отношений Тверского княжества с Москвой и Золотой Ордой. Неслучайно ряд специалистов уже анализировали это произведение именно как источник по истории русско-ордынских отношений и представлению о Золотой Орде и ее правителях в средневековом русском общества².

¹ Для последующего анализа источника нами взяты за основу Пространная редакция «Жития Михаила Ярославича» (по изданию: *Клосс Б. М.* Избранные труды. Т. II. Очерки по истории русской агиографии XIV-XVI вв. М., 2001. С. 188–201) и Пространная редакция «Повести о Михаиле Тверском» (по изданию: *Кучкин В. А.* Пространная редакция Повести о Михаиле Тверском // *Средневековая Русь*. Вып. 2. 1999. С. 125–163).

² См., напр.: *Рудаков В. Н.* Монголо-татары глазами древнерусских книжников середины XIII-XV вв. М.: Квадрига, 2009. С. 111–121; *Селезнев Ю. В.* Описание своего (русского) и чужого (ордынского) пространства в «Житие Михаила Тверского» // *Вестник ВГУ. Сер.: «История. Политология. Социология»*. 2007. № 2. С. 112–114.

По мнению специалистов, автором сочинения мог быть не просто современник, но и очевидец событий (предположительно – спутник князя Михаила Ярославича в роковой для него поездки в Золотую Орду), что нашло отражение в упоминании деталей географического и топографического характера¹. Считаем возможным полностью согласиться с этим утверждением, добавив, что доказательством составления «Повести» очевидцем является также упоминание ряда деталей, непосредственно связанным с судом над Михаилом Тверским в Орде, которые никак не связаны с агиографическими канонами, но зато отражают ряд аспектов судебного процесса Золотой Орды. Собственно, именно эти сведения и привлекли наше внимание в рамках настоящего исследования, целью которого является попытка реконструкции золотоордынского судебного процесса на основе сообщения спутника тверского князя.

Нет сомнения, автор сочинения не ставил задачу именно описать процедуру судебного разбирательства, однако нельзя не обратить внимания, насколько детально рассмотрен им суд – от вызова сторон до вынесения и исполнения приговора, хотя, конечно, разные стадии процесса охарактеризованы с различной степенью подробности. Если принять версию В. А. Кучкина о том, что автором «Повести» мог быть игумен Тверского Отроча монастыря Александр², подобный интерес его к процессуальным аспектам становится вполне понятным: священнослужитель такого ранга, скорее всего, сам должен был хорошо знать каноническое право и, возможно, осуществлять суд над подвластными людьми. Именно это обстоятельство может объяснить причины столь пристального внимания к деталям процесса Михаила Тверского, отсутствующим во многих других русских средневековых агиографических памятниках, равно как и в иных источниках. Именно это привлекло наше внимание к данному памятнику. Привлечение же других источников о суде в тюрко-монгольских гос-

¹ См., напр.: *Полубояринова М. Д.* Русские люди в Золотой Орде. С. 11; *Halperin Ch. J.* The Tatar Yoke: The Image of the Mongols in Medieval Russia. Bloomington, 2009. P. 88, 90.

² *Кучкин В. А.* Повести о Михаиле Тверском. Историко-текстологическое исследование. М., 1974. С. 234.

ударствах рассматриваемого периода (XIII–XIV вв.) позволяет, с одной стороны, дополнить, с другой – проверить и уточнить некоторые сведения «Повести».

Агиографический и политический характер «Повести», нашедший отражение в формировании образа Михаила Ярославича как святого великомученика и в осуждении его недругов – московского князя Юрия Даниловича и золотоордынского сановника («князя») Кавгадыя, обусловил длительное существование мнения о том, что суд явился лишь средством для расправы с Михаилом Тверским в пользу Юрия Московского, и что решение об осуждении тверского князя было принято заранее. Лишь отдельные авторы склонны сомневаться в этом, обосновывая, впрочем, свою позицию лишь логическими заключениями¹.

Между тем, в «Повести» имеются прямые указания на то, что ни о какой «предрешенности» дела Михаила Ярославича и речи не шло – более того, оно являлось не расследованием преступления тверского князя, а, по сути, его спором с московским соперником, вынесенным на ханский суд. На это указывает, во-первых, сообщение о том, что князья решили отправиться на суд в Орду во время переговоров, причем инициатива передать их спор на решение ордынских властей исходила от самого князя Михаила². Во-вторых, когда он прибыл в Золотую Орду, хан Узбек, назначая судей, произнес следующую фразу: «Что ми есте молвили на князя Михаила, сътворита им суд съ князем Юрьемъ, да котораго сътворите въ правду, того хочю жаловати, а виноватаго казни предати»³. Т. е., никакого заранее принятого решения ни у хана, ни у самих судей не было, и князья Юрий с Михаилом оказались практически в равных условиях.

¹ См., напр.: *Клюг Э.* Княжество Тверское (1247–1485 гг.) / Пер. с нем. А. В. Чернышева. Тверь, 1994. С. 112.

² *Клосс Б. М.* Избранные труды. С. 193; *Кучкин В. А.* Пространная редакция Повести о Михаиле Тверском. С. 138.

³ *Клосс Б. М.* Избранные труды. С. 194; *Кучкин В. А.* Пространная редакция Повести о Михаиле Тверском. С. 141.

Таким образом, процесс, традиционно рассматриваемый как суд (и даже судилище!) над Михаилом Тверским, юридически являлся разбирательством спора между двумя князьями. И это предопределило форму процесса, который, как мы увидим ниже, являлся не обвинительным, характерным для расследования уголовных преступлений, а состязательным, чаще использовавшимся именно при рассмотрении споров равноправных сторон.

Думается, что Михаил Ярославич, несмотря на обострение отношений с ханом Узбеком и вооруженное сопротивление войскам его посла Кавгады, имел основания считать, что суд может вынести решение в его пользу. Помимо тех доказательств, которыми он надеялся опровергнуть обвинения своего соперника, он уповал также на свое старшинство, делавшее его более легитимным претендентом на власть, а его соперника – соответственно, незаконным¹. Это обстоятельство прежде скрупулезно учитывалось золотоордынскими монархами, практически всегда поддерживавшими претензии на великое княжение тех членов рода Рюриковичей, кто имел на него право в соответствии с лестничным правом². Таким образом, тот факт, что Михаил Ярославич по собственной воле поехал в Орду, несмотря на то, что его, согласно «Повести» отговаривали и члены семьи, и бояре, свидетельствует не столько о его жертвен-

¹ См.: *Борзаковский В. С.* История Тверского княжества. СПб., 1876. С. 108. В связи с этим весьма важным представляется наблюдение А. А. Горского, что Юрий Московский в «Повести» осуждается не за то, что вместе с ордынцами действовал против Михаила Тверского, а за то, что бросил ему вызов как старшему, т.е. более законному претенденту на великокняжеский стол, см.: *Горский А. А.* Москва и Орда. С. 57.

² См. подробнее: *Почекаев Р. Ю.* Право Золотой Орды. С. 178. Однако, как показали события 1317 г., Узбек не поколебался нарушить этот принцип своих предшественников. Кроме того, как оказалось, за время своего великого княжения (1305–1317) Михаил Тверской сумел восстановить против себя многие удельные княжества, а также Новгород, решительно принявший сторону Юрия Московского в борьбе с его соперником, см., напр.: *Штыков Н. В.* Политика Михаила Ярославича Тверского: новгородский аспект // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2013. № 3 (53). С. 160.

ности и благочестии, сколько об уверенности в том, что суд может вынести решение в его пользу.

Представляет интерес вопрос о так называемых «процессуальных сроках», которые неоднократно фигурируют в исследуемом источнике. Когда Михаил по дороге в Орду остановился во Владимире, местный баскак сообщил ему, что хан ожидает его в течение месяца¹. Отметим, что подобный срок для прибытия на суд участников, проживавших вдали от места его проведения, по-видимому, являлся стандартным, в т.ч. и для средневековых русских процессуальных источников².

Когда Михаил прибыл в ханскую ставку (согласно источнику, 6 сентября 1318 г.), по указанию Узбека к нему был придан «пристав», которому было поручено «не дадуще его никому же обидети»³, что также свидетельствует о том, что Михаил изначально не был «заочно осужден»⁴. Впрочем, как нам представляется, фактически задачей этого пристава было не допускать сговора Михаила со своим противником, его представителями или даже с самими судьями: как показывают и последующие события, хан Узбек не вполне доверял им же назначенным судьям и старался принять меры, чтобы другие участники процесса не могли на них повлиять.

Автор «Повести», однозначно осуждающий и Юрия Московского, и Кавгадия, обвиняет их в том, что они прибыли в ханскую ставку раньше Михаила

¹ Клосс Б. М. Избранные труды. С. 193; Кучкин В. А. Пространная редакция Повести о Михаиле Тверском. С. 139.

² Например, земельные споры по Новгородской судной грамоте могли разбираться в течение 20 месяцев, тогда как для остальных дел срок разбирательства не должен был превышать одного месяца: еще один месяц отводился на вызов в суд землевладельцев из отдаленных местностей и их прибытие, см.: Новгородская судная грамота // Российское законодательство X-XX вв. Т. 1. Законодательство Древней Руси / Отв. ред. В. Л. Янин. М., 1984. С. 307. Ст. 28.

³ Клосс Б. М. Избранные труды. С. 194; Кучкин В. А. Пространная редакция Повести о Михаиле Тверском. С. 141.

⁴ Клюг Э. Княжество Тверское. С. 110.

и успели склонить на свою сторону уговорами и подкупами многих влиятельных ордынских аристократов-«князей». Однако, как следует из этого же источника, аналогичные возможности были предоставлены и самому Михаилу: по прибытии он посетил многих сановников Узбека, его жен и, наконец, самого хана – всем им также были преподнесены богатые дары.

Процесс начался лишь через полтора месяца после прибытия Михаила. Это время понадобилось на проведение того, что сегодня называется «предварительным следствием», т. е., на сбор и изучение предоставленных сторонами материалов, а также и для формирования состава суда. Этот аспект представляет большой интерес, поскольку дела вассальных правителей чаще всего разбирали сами ханы¹. Узбек же демонстративно устранился – «взял самоотвод»². Полагаем, это могло быть связано с тем, что он в данном деле выступал заинтересованным лицом и даже до некоторой степени «пострадавшей стороной»: ведь одним из обвинений против Михаила Тверского было отравление великой княгини Агафьи – супруги Юрия Московского и родной сестры самого хана Золотой Орды. По-видимому, хан, отказавшись разбирать дело, решил продемонстрировать свою объективность.

Однако при этом он поручил рассматривать дело не членам ханского рода (поскольку подобные дела, согласно еще установлению Чингис-хана, рассматривались «семейным советом» Чингизидов³), а неким «князьям», т.е. предста-

¹ В древнерусских источниках такими судьями в отношении русских князей выступают, в частности, ханы Токта (в отношении ряда рязанских князей), сам Узбек (в отношении ряда рязанских и тверских князей), Джанибек (в отношении тверских князей и др.), Улуг-Мухаммад (в отношении Василия II Московского и его дяди Юрия Звенигородского).

² Ср.: *Андреева Е. А.* Прямая речь в повести о Михаиле Тверском в Никоновской летописи // *Русская речь.* 2011. № 2. С. 72.

³ См.: *Рашид ад-Дин.* Сборник летописей. Т. I. Кн. 2 / Пер. с перс. О. И. Смирновой; примеч. Б. И. Панкратова и О. И. Смирновой; ред. А. А. Семенов. М.; Л., 1952. С. 263–264. Сам Чингис-хан, равно как и его ближайшие преемники, неоднократно возлагали судебные полномочия на своих родственников, что, впрочем, не носило массового характера, см.: Зо-

вителям менее родовой знати Улуса Джучи. На наш взгляд, это может объясняться тем, что как раз в это время хан Узбек предпринял ряд реформ с целью ограничения привилегий Чингизидов и выдвижения на высшие административные посты своих доверенных лиц из числа своих верных сподвижников¹. А поскольку в тот период времени судебная власть от административной не отделялась, вполне логичным представляется, что и рассмотрение спора двух вассальных правителей было поручено высшим представителям исполнительной власти в государстве².

В «Повести» упоминается, что суд происходил в специальной юрте («веже») вне ханской ставки³. Однако сколько именно было судей-«князей»? В разных источниках, хронологически близких к исследуемым событиям, называется разное число судей, разбиравших наиболее значительные дела при ханской ставке. Так, Марко Поло упоминает «двенадцать баронов» великого хана Хубилая, обладавших высшей властью (в т. ч. и судебной); персидский историк и государственный деятель Рашид ад-Дин сообщает, что у монгольских ханов было восемь судей⁴.

лотая Орда в источниках. Т. III: Китайские и монгольские источники / Пер. с кит., сост., ввод ст., коммент. Р. П. Храпачевского. М.: Б. и., 2009. С. 209.

¹ См. подробнее: *Почекаев Р. Ю.* Правовая культура Золотой Орды. С. 37-43.

² На такую мысль наводит и тот факт, что Узбек не поручил рассмотрение специально назначенным для него судьям ad hoc или же курултаю, как это бывало и в Монгольской империи, и в ее улусах, см.: *Скрынникова Т. Д.* Судопроизводство в Монгольской империи. 2002. С. 164–169. См. также: *Данилевский И. Н.* Русские земли глазами современников и потомков (XII–XIV вв.). М., 2000. С. 249.

³ *Клосс Б. М.* Избранные труды. С. 194; *Кучкин В. А.* Пространная редакция Повести о Михаиле Тверском. С. 142.

⁴ Книга Марко Поло / Пер. с фр. И. П. Минаева; ред. и вступ. ст. И. П. Магидовича. М., 1956. С. 265–266; *Рашид ад-Дин.* Сборник летописей. Т. II. С. 178. См. также: *Абзалов Л. Ф.* Ордынская канцелярия. С. 40-42. Примечательно, что и в судебных традициях монгольских народов упоминается близкое число судей – например, в суде Калмыцкого ханства XVIII в. («дзарго») также было восемь судей, см.: *Бакунин В. М.* Описание калмыцких народов,

Автор «Повести» ничего не сообщает о числе судей, разбиравших дело Михаила Тверского и Юрия Московского, однако мы можем предположительно назвать его на основе косвенных данных. Дело в том, что после того, как суд вынес решение признать князя Михаила Ярославича виновным, но до того, как хан его утвердил, тверской князь был взят под стражу, причем его охраняли «от седми князь семь сторожов»¹. Позволим себе предположить, что эти «семь князей» и были семью судьями, которые либо по своему усмотрению, либо по ханскому распоряжению назначили собственных охранников, чтобы, опять же, не допустить сговора Михаила с их коллегами. Это – второй показатель того, что хан Узбек не доверял полностью даже своим самым приближенным сановникам!

Еще одним интересным аспектом является институт «судебного представительства», которое фигурирует в деле Михаила Тверского неоднократно. Одним таким представителем являлся Константин – третий сын Михаила Ярославича, которого отец временно послал в Орду, пока сам собирался и готовил необходимые доказательства своей невиновности². И хотя исследователи указывают, что Константин являлся, скорее, заложником³, думается, его (несмотря на несовершеннолетний возраст) можно посчитать именно «поверенным» своего отца: по его поручению он взаимодействовал с ордынскими сановниками, вручал дары и т.д.

Еще более противоречив статус ордынского вельможи Кавгадыя, который в «Повести», а также и в других источниках, содержащих сведения о суде над Михаилом Тверским, фигурирует как один из главных «злодеев», оговоривших

а особенно из них торгоутского, и поступков их ханов и владельцев. Сочинение 1761 года. Элиста, 1995. С. 146.

¹ Клосс Б. М. Избранные труды. С. 195; Кучкин В. А. Пространная редакция Повести о Михаиле Тверском. С. 143–144.

² Клосс Б. М. Избранные труды. С. 193; Кучкин В. А. Пространная редакция Повести о Михаиле Тверском. С. 138.

³ См., напр.: Борзаковский В. С. История Тверского княжества. С. 108.

князя и добившихся его казни. В «промосковских» источниках он даже представлен главным недругом Михаила Ярославича, тогда как роль московского князя Юрия Даниловича более пассивна¹. Поначалу Кавгадый предстает своего рода «консультантом» московского правителя, дающим ему рекомендации, как правильно построить обвинение против соперника, к кому из ордынских князей обратиться и пр. А во время суда, как специально подчеркивает автор «Повести», Кавгадый – «сам судиа и сутяжеи, той же и лжив послух бываше», т. е. одновременно является одним из судей, свидетелем в пользу Юрия и обвинителем²! Это – пожалуй, единственное существенное противоречие выше приведенным доводам в пользу того, что Михаил и Юрий во время суда являлись равноправными участниками процесса.

Какие же обвинения были предъявлены Михаилу Тверскому? Они весьма четко указаны и в анализируемом источнике, и в других средневековых памятниках. Во-первых, это – утайка дани, которую Михаил, будучи великим князем, должен был собирать и передавать в Орду, во-вторых – враждебные действия против хана, выразившиеся в битве с его послом (тем же Кавгадыем) в 1317 г.³.

¹ Клюг Э. Княжество Тверское. С. 109; *Halperin Ch. J. The Tatar Yoke*. P. 91–92.

² Клосс Б. М. Избранные труды. С. 194; Кучкин В. А. Пространная редакция Повести о Михаиле Тверском. С. 142. Нельзя не согласиться с В. С. Борзаковским по поводу такой позиции Кавгадыя, который, казалось бы, не имел никаких причин выступать против Михаила, отнесшегося к нему с почетом и богато одарившего ханского посла: если бы Михаил доказал свою невиновность, это автоматически бы означало, что виновным оказался бы сам Кавгадый, см.: *Борзаковский В. С. История Тверского княжества*. С. 108-109.

³ В Никоновской летописи к этому перечню обвинений также добавлено намерение «немцы с казною бежати» и «казну въ Римъ к папе отпустил еси», см.: Полное собрание русских летописей. Т. X. С. 183. Однако, как представляется, подобные обвинения могли быть более актуальны не для описываемых событий, а для времени составления самой летописи. В «Повести» они, во всяком случае не упоминаются. Ср.: Клюг Э. Княжество Тверское. С. 111; Монин М. А. Планета Тверь. Культура Тверского княжества периода независимости (1247-1485 гг.). М., 2016. С. 105.

Обвинители Михаила подготовились к процессу весьма основательно: ими были представлены «многы грамоты съ многым замышлениемъ», содержащие «лжа свидетельства» от имени суздальских князей, бояр, новгородцев и пр., которые также лично свидетельствовали в суде. Грамоты и устные показания были представлены судьям, однако Михаил «со всякою правдою обличаше их лживое свидетельство»¹. Это – еще одно доказательство применения состязательного процесса в рамках данного дела: Михаил имел возможность ознакомиться с обвинениями и выдвинуть свои возражения против них.

В результате первое заседание закончилось ничем, и соперники Михаила оказались в опасности из-за своих лживых свидетельств и мог быть подвергнут тому же наказанию, к которому, как он надеялся, приговорят Михаила². Тем не менее, обвинения оказались достаточно серьезными, что заставило ордынские власти (либо судей, либо самого хана) принять дополнительные «меры пресечения»: в «Повести» сообщается, что на второе заседание, состоявшееся через неделю после первого, тверского князя доставили уже связанным³.

¹ Клосс Б. М. Избранные труды. С. 193, 194; Кучкин В. А. Пространная редакция Повести о Михаиле Тверском. С. 142. Любопытно провести параллель между описываемым судом и Переяславским собором 1311 г., на котором сам князь Михаил Тверской выступал судьей митрополита Петра: там также упоминается о предъявлении обвинений епископами (недоброжелателями митрополита) и опровержении им этих обвинений, см.: Голубинский Е. Е. История русской церкви. Период второй, Московский. Том 2. От нашествия Монголов до митрополита Макария включительно. Первая половина тома. М., 1900. С. 106–109; Соколов П. П. Русский архиерей из Византии и право его назначения до начала XV в. Киев, 1913. С. 228–233.

² Подобный принцип правосудия известен в традиционном праве с глубокой древности – еще в законах Хаммурапи (середина XVIII в. до н. э.) имелась целая группа норм о том, что ложно обвинивший другого должен понести то же наказание, которое понес бы виновный, если бы его вина была доказана, см.: Волков И. М. Законы вавилонского царя Хаммурапи. М., 1914. С. 20. П. 1–4.

³ Клосс Б. М. Избранные труды. С. 194; Кучкин В. А. Пространная редакция Повести о Михаиле Тверском. С. 143.

На этот раз соперники Михаила Ярославича к своим прежним обвинениям добавили третье – и самое опасное для него: «княгиню Юрьеву повелел еси уморити». Почему же обвинение в отравлении жены Юрия и, соответственно, сестры хана Узбека не прозвучало на первом же заседании? Надо полагать, у Юрия и его сторонников не было никаких доказательств в пользу своего обвинения – в отличие от других, касавшихся утайки Михаилом даней и сопротивления ханской воле, нашедших отражение в «многих грамотах» (пусть даже и сфабрикованных, как утверждает автор «Повести»).

Эта необоснованность «зеркальным образом» нашла отражение и в позиции Михаила Тверского, который на суде стойко отрицал все обвинения¹. При этом весьма примечательно, что доказательства противоположной стороны он опротестовывал с помощью равнозначных доказательств. Так, в ответ на «грамоты» с обвинениями его в утайке дани он заявлял «со многым свидетельствомъ», что «колико сокровищъ своих издаял есмь цареви и княземъ, все бо исписано имяше», т.е. также предоставлял письменные документы в пользу своей невиновности. Исследователи истории русского уголовного процесса отмечают, что именно в XIV в. и в русских судах при рассмотрении дел, связанных с денежными или налоговыми отношениями, стали широко применяться письменные документы, причем именно церковные учреждения использовали их для защиты своих прав наиболее широко². Нет сомнения, что князю Михаилу подготовить соответствующие документы помогли его советники из числа представителей церковных иерархов – возможно и сам предполагаемый автор «Повести» игумен Александр.

¹ По мнению Ч. Гальперина, доводы Михаила в свою пользу охарактеризованы автором «Повести» как правдивые и убедительные с целью усилить его образ как святого мученика, см.: *Halperin Ch. J. The Tatar Yoke*. P. 92.

² *Чельцов-Бебутов М. А. Курс уголовно-процессуального права. Очерки по истории суда и уголовного процесса в рабовладельческих, феодальных и буржуазных государствах*. СПб., 1995. С. 648–649.

На обвинение в том, что «противу посла бился», Михаил отвечал, что «посла како избави на брани и съ мною честию отпусти», и присутствие на процессе самого Кавгадыя – здорового и действующего весьма активно – подтверждала его слова.

Но по поводу обвинения в умерщвлении ханской сестры аналогичных доказательств представить он, естественно, не мог – равно как и его противники не могли представить убедительных доказательств в пользу его вины. Единственное, что было точно известно, что ордынская царевна Кончака (она же великая княгиня Агафья) попала в плен к тверскому князю и скончалась при невыясненных обстоятельствах именно в Твери. Соответственно, Михаилу оставалось совершить лишь одно действие, которое в соответствии со средневековой процессуальной традицией предусматривалось при отсутствии доказательств – поклясться, т. е. дать присягу в том, что он не виновен. Именно это он и сделал: «Бога послуха призывааше, глаголаше, яко “ни на мысли ми того сътворити”»¹.

Вряд ли можно с уверенностью утверждать, что именно сыграло решающую роль в признании проигравшим и, соответственно, виновным Михаила Ярославича Тверского, а не Юрия Даниловича Московского – либо неубедительность его доводов против последнего обвинения, либо же то, что Юрию и Кавгадыю удалось-таки заручиться поддержкой судей. Сам автор «Повести», кажется, также не знает ответа на этот вопрос: обвинительное решение против Михаила Тверского он объясняет приверженностью хана Узбека и его судей к «мерьской вере срацинской», т.е. их мусульманским вероисповеданием, что, по его мнению, и сделало ордынских участников процесса «немилостивыми», «неправосудными» и «законопреступными», «лукавыми» и т. д. в отношении православного князя². Однако в тексте «Повести» нет ни одного даже косвен-

¹ Клосс Б. М. Избранные труды. С. 194–195; Кучкин В. А. Пространная редакция Повести о Михаиле Тверском. С. 13.

² Клосс Б. М. Избранные труды. С. 191; Кучкин В. А. Пространная редакция Повести о Михаиле Тверском. С. 132–133. См. также: Данилевский И. Н. Русские земли глазами со-

ного указания на то, что в рамках данного суда применялись какие-либо принципы мусульманского материального или процессуального права, не дано ни одной ссылки на нормы шариата – все упомянутые выше стадии судебного разбирательства, права и возможности участников процесса, представленные доказательства в полной мере отвечают нашим знаниям о процессе в средневековых тюрко-монгольских государствах, почерпнутым из других источников. Более того, взаимоотношения сюзеренов и вассалов в Монгольской империи и государствах Чингизидов (а именно в нарушении вассальных обязательств, по сути, обвинялся Михаил Тверской) регулировались исключительно имперским правом – установлениями Чингис-хана («Великой Ясой») и ярлыками самих ханов¹.

Как бы то ни было, судебное решение было не в пользу Михаила Тверского. Однако говорить о том, что он был осужден и приговорен, было все же преждевременно: приговор должен был утвердить хан, который как раз в это время по странному стечению обстоятельств отправился на охоту («пошел на ловы»). Вполне можно согласиться с мнением исследователей, полагающих, что Узбек колебался в своем решении и взял паузу для его обдумывания². Это заняло у него, согласно «Повести», двадцать шесть дней. Вместе с тем, это сообщение дает основание считать, что даже если вассальных правителей судил не хан, а специально назначенные лица, их судьбу в случае признания виновными решал исключительно сам монарх³.

временников и потомков. С. 251; *Монин М. А.* Планета Тверь. С. 105–106; *Рудаков В. Н.* Монголо-татары глазами древнерусских книжников... С. 116–117; *Селезнев Ю. В.* Описание своего (русского) и чужого (ордынского) пространства... С. 112–113.

¹ *Юрченко А. Г.* Золотая Орда: между Ясой и Кораном. С. 285.

² *Клюг Э.* Княжество Тверское. С. 113.

³ См. также: *Скрынникова Т. Д.* Судопроизводство в Монгольской империи. С. 169 и след.

В течение этого времени к Михаилу были применены новые, еще более суровые меры пресечения: он был закован в цепи, посажен в колодку, у него были отняты вещи (казна, одежда, еда), его свита была отделена от него¹.

Далее описывается, как Кавгадый приказал вывести Михаила Тверского «на торг», т.е. на базарную площадь, где и подверг унижениям, созвав «займодавцев»². В чем состояло юридическое значение подобных действий, не вполне понятно. Возможно, речь шла о поиске поручителей за князя – коль скоро часть обвинений против него так и не была полностью доказана? Как известно, поручительство, подобно присяге, нередко использовалось в качестве доказательства, если иные средства отвергнуть обвинение отсутствовали. Вероятно, именно с этим были связаны упоминаемые в источнике «вопросы» и «ответы» во время пребывания на «торге». Однако, как следует из «Повести», никаких дальнейших действий со стороны «займодавцев» не последовало, и Михаил был возвращен под стражу.

Весьма показательны высказывание Кавгадыя, обращенное к тверскому князю, подвергнутому унижениям, закованному в цепи и колодки и ждущему смерти: «Ведая буди, Михаиле, таковъ царевъ обычай: аже будетъ ему на кого не любо, хотя от своего племени, то таково древо въскладають на него, егда же гневъ царевъ минеть, то паки въ первую честь введет его. Утро бо въ предъидущии день тягота сии отъидеть от тебе, потомъ в большой чти будещи»³. Автор повести (а за ним – и современные исследователи) видит в этом проявление некоего злорадства со стороны ордынского вельможи, однако, как представляется, Кавгадый не лукавил: от хана (тем более, такого непредсказуе-

¹ Клосс Б. М. Избранные труды. С. 195; Кучкин В. А. Пространная редакция Повести о Михаиле Тверском. С. 144.

² Клосс Б. М. Избранные труды. С. 196–197; Кучкин В. А. Пространная редакция Повести о Михаиле Тверском. С. 148–149.

³ Клосс Б. М. Избранные труды. С. 197; Кучкин В. А. Пространная редакция Повести о Михаиле Тверском. С. 149.

мого и капризного, как Узбек) можно было ждать и смертного приговора, и помилования.

Наконец, после длительного ожидания (22 ноября 1318 г., как указано в «Повести») Кавгадый «въхожааше къ царю и исхожааше съ ответы на убие-ние блаженааго Михаила», т. е., наконец, получил утверждение смертного приговора. Казнь состоялась в тот же день, причем, согласно автору «Повести», она носила публичный, мучительный и, следовательно, устрашающий характер¹.

Несколько выходя за рамки процессуальных действий, мы все же не можем не обратить внимания на одну деталь, связанную уже с исполнительным производством – вопрос о судьбе тела казненного тверского князя. Источники XIII–XIV вв. содержат многочисленные сведения о казни в чингизидских государствах вельмож и вассальных правителей, обвиненных в неподчинении ханам, измене и пр. Так, например, когда в 1289 г. по приказанию ильхана Аргуна был казнен за измену грузинский царь Деметре II, его тело в течение долгого времени не позволяли похоронить, и царским приверженцам пришлось его выкрасть и тайно доставить в Грузию². Аналогичным образом, когда в 1318 г. был казнен некогда всемогущий персидский везир Рашид ад-Дин, его тело было разрублено на части и разослано по разным областям³. Совершенно иначе поступили с телом казненного Михаила Тверского. Во-первых, сам же Кавгадый, согласно «Повести», упрекнул своего сообщника Юрия Московского в том, что тот допустил поругание трупа казненного «старшего брата» (в некоторых версиях «Повести» он даже назвал Михаила «отцом» Юрия⁴) и заставил одеть его¹.

¹ Клосс Б. М. Избранные труды. С. 197–198; Кучкин В. А. Пространная редакция Повести о Михаиле Тверском. С. 154–155. См. также: Андреева Е. А. Прямая речь... С. 73.

² Анонимный грузинский «Хронограф» XIV в. / Пер. со старогруз. Г. В. Цулая. Вып. I. Текст. М., 2005. С. 129–133.

³ См. подробнее: Юрченко А. Г. Золотая Орда: между Ясой и Кораном. С. 285–286.

⁴ Естественно, речь шла не о родственных связях тверского и московского князей, а об их месте в семейной иерархии Рюриковичей.

После этого тело было доставлено в Москву для захоронения, а затем за «множество серебра» передано семейству казненного².

Причины таких действий в отношении тела «предателя и изменника» остаются не до конца понятными. В связи с этим можно лишь вновь отметить вышеприведенное предположение о том, что суд «ордынских князей» представлял собой не расследование преступлений Михаила Тверского против своего сюзерена – хана Узбека, а разбирательство спора двух вассальных князей. Да, проигравший был приговорен к смерти, но, по-видимому, обвинения в неподчинении хану, нарушении вассальных обязанностей не были доказаны. В пользу этого можно привести наблюдение С. М. Соловьева о том, что «Тверь не теряла ничего от смерти Михаила»³. В самом деле, его семейство сохраняло свои владения независимыми от Москвы до конца XV в., более того, двое его сыновей (Дмитрий и Александр) и внук (Михаил Александрович) занимали великокняжеский стол.

Итак, какие же выводы о суде и процессе Золотой Орды позволяет сделать анализ сведений «Повести о Михаиле Тверском»? Прежде всего, отметим, что этот источник содержит гораздо более подробное описание судебного разбирательства, чем какие-либо другие известные нам источники.

На его основе достаточно четко выделяются основные стадии судопроизводства: возбуждение дела и вызов в суд, исследование судом доказательств, показания сторон и свидетелей, меры пресечения, вынесение решения, его утверждение и вступление в силу. Упоминаются виды доказательств, характерные для суда того времени: устные показания сторон и свидетелей, письменные документы («грамоты»), присяга в случае их отсутствия. Состав суда – группа

¹ Клосс Б. М. Избранные труды. С. 199; Кучкин В. А. Пространная редакция Повести о Михаиле Тверском. С. 155–156. См. также: Андреева Е. А. Прямая речь... С. 74; Данилевский И. Н. Русские земли глазами современников и потомков. С. 255.

² Клосс Б. М. Избранные труды. С. 200–201; Кучкин В. А. Пространная редакция Повести о Михаиле Тверском. С. 159–161.

³ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. II. Т. 3–4. С. 218.

(предположительно семь) «князей», т.е. представителей высшей администрации Золотой Орды – отражает важность рассматриваемого дела, которое не могло быть подсудно какому-либо чиновнику, назначавшемуся ханом *ad hoc*, и в то же время не могло быть рассмотрено ханом, имевшим, как выяснилось, личную заинтересованность в этом деле. В качестве мер пресечения упоминается пристав при ответчике (обвиняемом), связывание его, а позднее – взятие под стражу, заковывание в цепи и колодку.

Безусловно, мы не можем быть полностью уверены в том, что автор «Повести» описал весь судебный процесс совершенно объективно – ведь перед ним стояла совершенно иная задача. Тем не менее, даже с учетом специфических целей и задач проанализированного источника, как представляется, мы можем сделать выводы о достаточно четкой и жестко регламентированной судебной процедуре в Золотой Орде, использовании состязательного процесса и широкого круга доказательств.

Вместе с тем в Улусе Джучи, как и в других современных ему странах, по-видимому, не было четкого деления разбирательств на гражданские и уголовные. Это и объясняет противоречивое положение Михаила Тверского, одновременно являвшегося и обвиняемым (тогда как Кавгадый выступал своего рода «государственным обвинителем»), и ответчиком, имеющим возможность на равных с истцом, т.е. князем Юрием Московским, представлять доказательства в свою пользу, опротестовывать доказательства другой стороны и пр.

Наконец, весьма показательным, что окончательное решение по данному делу, связанное со смертной казнью виновного, принял все же хан, который поначалу показательным образом устранился от его разбирательства. Это лишний раз подтверждает, что монархи в тюрко-монгольских государствах являлись верховными судьями и принимали окончательное решение по наиболее значительным делам, касающимся жизни и смерти подданных или вассалов, даже в тех случаях, если сам суд осуществлялся другими судебными органами.

§ 3. СПОРЫ ЗА УДЕЛЬНЫЕ КНЯЖЕСТВА В ОРДЫНСКОМ СУДЕ XIII–XIV ВВ.

Русские летописи содержат немало сообщений о русских князьях, оказавшихся перед судом своих сюзеренов – золотоордынских ханов. При этом большинство летописных сообщений посвящено случаям, когда русские правители представляли перед судом золотоордынского монарха, из-за какого-либо обвинения против князя, вынесением ему приговора и даже, как мы увидели выше, последующей казнью вассала. Однако наряду с ними присутствуют и менее многочисленные примеры разбирательства ханами не преступных действий вассальных князей, а споров между ними. В данном случае нас заинтересовали три таких дела, которые, как представляется, весьма ярко отражают одну из прерогатив государя-сюзерена – разбирательство споров и улаживание конфликтов между вассалами. Это три спора по поводу удельных княжеств: наследство волынского князя Владимира Васильковича, претензии московского князя Симеона Ивановича Гордого и суздальского князя Константина Васильевича на обладание Нижним Новгородом, а также конфликт двух претендентов на муромский престол.

«Выездная сессия» ханского суда. В 1287 г. золотоордынский хан Тула-Буга вместе со своим двоюродным братом и соправителем Алгуем отправился в поход на Польшу и по пути остановился в Галицко-Волынской земле, потребовав, чтобы его вассалы, местные князья – Лев Данилович Галицкий, его сын Юрий и брат Мстислав Луцкий, а также двоюродный брат Владимир Василькович Волынский присоединились к нему в походе. Практически все они повиновались сюзерену и направились со своими войсками к хану за исключением смертельно больного Владимира Волынского. Предвидя скорую кончину и не имея сыновей-наследников, он принял решение завещать все свои владения двоюродному брату – Мстиславу Даниловичу Луцкому, о чем уведомил не только его, но и его старшего брата Льва, и племянника Юрия. Сам Мстислав, получив послание от Владимира, в свою очередь, направил собственное

письмо брату Льву, в котором также сообщал о намерениях волынского князя, завершив его следующими словами: «А чего восхочешь чего искати по животе брата моего и своего, осе же ти цареви. А се царь, а се аз, молви со мною». Лев же ничего на это не сказал, после чего князя вместе с ханами отправились в поход на Польшу. Вскоре по окончании похода Владимир Василькович по настоянию Мстислава в присутствии присланного им епископа оформил завещание, в котором и подтвердил свою предсмертную волю.

Между тем как оказалось, молчание князя Льва Галицкого вовсе не означало согласия: в 1288 г. его сын Юрий стал просить у двоюродного дяди Владимира, чтобы тот уступил ему Берестье (Брест), на что тот отвечал, что не намерен нарушать обещания Мстиславу. В конце 1289 г. Владимир Василькович скончался, и Мстислав намеревался вступить в права наследника, однако как только Юрий Львович узнал о кончине дяди, он тут же захватил Берестье и ряд других городов. Бояре Мстислава Даниловича, услышав об этом, стали тут же подговаривать его в качестве ответной меры захватить города Бельз и Червень, принадлежавшие самому Юрию. Но новый волынский князь попытался закончить дело миром и направил к брату Льву и племяннику Юрию послание, в котором, однако, упомянул о том, что Владимир назначил его своим наследником «при царех», и что призовет на помощь «татар». Получив это письмо, Лев, у которого «не сошла оскомина Телебужины рати», тут же ответил посланцу Мстислава, что его сын по молодости самовольно захватил города, и что он тут же прикажет ему оставить их. Такова версия событий, изложенная в Ипатьевской летописи¹.

Естественно, для большинства историков этот яркий и драматичный сюжет представляет интерес с точки зрения анализа политических процессов в Галицко-Волынской Руси и характеристики их участников. В этом контексте воля князя Владимира Васильковича вызывает противоречивые оценки исследователей. По мнению одних, он совершил ошибку, не передав владения «та-

¹ Полное собрание русских летописей. Т. II. С. 213–224; *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. Кн. II. Т. 3–4. С. 199–204.

лантливому» Льву Даниловичу, стремившемуся объединить Галицко-Волынскую Русь, разделившуюся после смерти Даниила Романовича и его брата Василька (в 1264 и 1269 гг. соответственно). Их оппоненты, напротив, считают, что, завещав земли Мстиславу, Владимир Василькович предотвратил гражданскую войну и позволил объединить Волынь в границах владений своего отца¹. Также высказываются мнения, что завещание Владимира стало проявлением его самостоятельной воли, тогда как прежде он находился под властью и влиянием Льва Даниловича².

Лишь в последнее время исследователи стали рассматривать данный сюжет в контексте сюзеренитета золотоордынских ханов над юго-западной Русью³. Результаты исследований XX и в особенности начала XXI в. дают возможность убедительно опровергнуть высказывавшееся в еще в XIX в. утверждение о, якобы, лишь номинальном подчинении Галицко-Волынской Руси⁴. Прежде всего, постоянное участие местных князей в золотоордынских военных кампаниях в Восточной Европе уже является вполне обоснованным доказательством реального их подчинения Золотой Орде. И поведение хана Тула-Буги во время его пребывания в Галицко-Волынской Руси, проводимые им мероприятия, связанные с призывом князей, размещение своих воинов в городах, смотром княжеских войск и пр. очевидно свидетельствуют, что он рассматривал местных князей как вполне реальных, а не номинальных вассалов. Наконец, нельзя не отметить вполне справедливое наблюдение о том, что

¹ См. подробнее: *Котляр М. Ф.* Галицко-Волинська Русь. Київ, 1998. С. 218–219.

² *Домбровски Д.* Экономические возможности русского правителя XIII в. в свете его придворной летописи (владими́ро-волинский князь Владимир Василькович) // Восточная Европа в древности и средневековье. Экономические основы формирования государства в древности и средневековье: XXV Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР В.Т. Пашуто и члена-корреспондента АН СССР А. П. Новосельцева, Москва, 17–19 апреля 2013 г.: Материалы конференции. М., 2013. С. 90.

³ *Селезнев Ю. В.* Ордынский хан на территории Волынского и Галицкого княжеств.

⁴ См., напр.: *Шараневич И.* История Галицко-Володимирской Руси от наивысших времен до року 1453. Львов, 1863. С. 115.

сама негативная характеристика монголов, вкладываемая летописцем даже в уста князей, свидетельствует об унижительной (с их точки зрения) зависимости галицко-волынских князей от Орды¹. Более того, в 1270-е гг. эти земли оказались как бы в «двойном» подчинении: с одной стороны, в номинальном от хана, имевшего резиденцию в Сарае, с другой – в реальном от темника Ногай. Именно изменение этой ситуации, т.е. восстановление контроля центральной власти над юго-западными князьями, намеревался продемонстрировать Тула-Буга в истории с завещанием Владимира Васильковича². В связи с этим вполне обоснованным представляется историко-правовой (и историко-процессуальный) анализ данного летописного сюжета.

Центральным событием, несомненно, является волеизъявление волынского князя, выраженное сначала в устной форме, а затем – и в завещании (текст которого также приводит летописец). Весьма характерно, что хан Тула-Буга вместе со своим соправителем Алгуем, которые вместе характеризуются как «цари» или «цесари» и в интерпретации летописцем событий играют довольно пассивную роль наблюдателей (что неудивительно, принимая во внимание вышеупомянутое негативное отношение создателя летописи к ордынцам), тогда как активно ведут себя именно князья. Тем не менее, ряд косвенных указаний позволяет сделать вывод, что предсмертное волеизъявление Владимира Васильковича Волынского стало предметом ханского судебного разбирательства.

Прежде всего, на это указывает подчеркивание самим князем того, что он свою волю «при царех и при его рядцех», т.е. непосредственно в присутствии

¹ Лаушкин А. В. К вопросу об изображении авторами Галицко-Волынской летописи русско-монгольских отношений в период после Батыева нашествия // Восточная Европа в древности и средневековье. XXX Юбилейные чтения памяти члена-корреспондента АН СССР Владимира Терентьевича Пашуто: Материалы конференции, Москва 17–20 апреля 2018 г. М., 2018. С. 181–183.

² См.: Войтович Л. Галич у політочному житті Європи XI–XIV століть. Львів, 2015. С. 347.

хана Тула-Буги, его соправителя Алгуя и их сановников¹. Любопытно, что далее летописец сообщает, что и сам наследодатель князь Владимир, и его наследник князь Мстислав сразу после этого оглашения воли отправили сообщения о нем Льву Даниловичу во Львов. При этом, выше в самой же летописи сообщалось, что и Владимир, и Мстислав, и Лев со своим сыном Юрием и «инии князи мнозии» присоединились к ханам – несомненно, именно эту возможность и решил использовать волынский князь, чтобы сразу же всех уведомить о своем решении². Да и слова князя Мстислава, которые летописец описывает как его послание старшему брату, несомненно, были сказаны устно в ханской ставке и, по всей видимости, в присутствии самого Льва, которому были адресованы: «а се царь, а се аз, молви со мною». И в ответ Лев Данилович именно «противоу томоу словоу ничегоже», т.е. не высказал никаких устных возражений. На «очное разбирательство» сослался и Мстислав Данилович в послании к племяннику Юрию после захвата последним Берестья: «но ты сам слышал гораздо, и отец твой, и вся рать слышала, оже брат мой Володимер дал ми землю свою и вгороды, по своем животе, при царех и при его рядцях вам поведал, а я поведал же; аже чего еси хотел, чему есь тогда со мною не молвил при царех?»³.

Все это позволяет сделать вывод, что никакой переписки, столь подробно описанной (и даже, вроде бы, процитированной) летописцем не было. Все заинтересованные стороны присутствовали в ставке Тула-Буги и Алгуя и являлись участниками разбирательства, вероятно, инициированного либо самим Владимиром Васильковичем, либо, что более вероятно, Мстиславом Данило-

¹ Исследователи уже обращали внимание на эту деталь, см.: *Горский А. А.* Ногай и Русь // Тюркологический сборник / 2001: Золотая Орда и ее наследие. М., 2002. С. 142–143; *Селезнев Ю. В.* Ордынский хан на территории Волынского и Галицкого княжеств. С. 212.

² Сам же летописец сообщает, что Владимир Василькович из-за болезни вернулся с полпути в свои владения, тогда как все остальные пошли в поход. Следовательно, когда он сам в присутствии ханов озвучивал свою волю, остальные князья, тем более, находились в ставке золотоордынских монархов.

³ Полное собрание русских летописей. Т. II. С. 213, 214.

вичем, явно опасавшимся враждебной реакции старшего брата на такое решение волынского князя. Соответственно, процедура разбирательства представляла собой заслушивание волеизъявления наследодателя (князя Владимира), согласия наследника (князя Мстислава) на принятие завещаемых владений и другого потенциального наследника по закону (князя Льва). Отсутствие возражений со стороны последнего означало конец разбирательства и принятие ханом решения в пользу наследника по завещанию, которое, полагаем, также было утверждено ханом по итогам разбирательства. Известно, что Чингизиды придавали подобного рода документам весьма серьезное значение: предсмертные волеизъявления правителей имели не столько частноправовое, сколько публично-правовое значение, поскольку определяли право наследования и связанные с ним последствия прихода к власти нового правителя¹. Скорее всего, подобным же образом золотоордынские монархи относились и к завещаниям своих вассалов. Если наше предположение соответствует действительности, то удостоверение завещания Владимира Васильковича Волынского – один из первых подобных случаев в истории русско-ордынских отношений².

Ханское решение, несомненно, было зафиксировано в ханском ярлыке, что подтверждают события, последовавшие уже после ухода ханов с Волыни и смерти Владимира Васильковича. Как только новый волынский князь Мстислав Данилович после смерти своего предшественника узнал о захвате князем Юрием Львовичем ряда городов Волыни, он тут же пригрозил и своему племяннику, и его отцу, что прибегнет к помощи «татар». Тот факт, что Лев Данилович сразу же поверил ему и приказал сыну очистить захваченные города,

¹ Султанов Т. И. Чингиз-хан и Чингизиды. Судьба и власть. М., 2021. С. 91–98. См. также: Порсин А. А. Ханские «завещания» как источник государственного права Золотой Орды // Публичное и частное право. Вып. IV (XXVIII). 2015. С. 44–52.

² В современной науке к наиболее ранним княжеским завещаниям, утвержденным в Золотой Орде, относят обычно духовные грамоты великого князя владимирского и князя московского Ивана Даниловича Калиты, см.: Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы XIV–XV вв. Ч. 1. С. 15–16; Мазуров А. Б. Утверждались ли духовные грамоты Ивана Калиты в Орде?

несомненно, доказывает наличие у Мстислава реальных прав на волынское наследство, одобренных и подтвержденных ханами. В противном случае вряд ли он имел бы основания прибегнуть к подобному доводу в отношениях с властным и амбициозным старшим братом.

Итак, факт рассмотрения и утверждения предсмертной воли князя Владимира Васильковича ханами Тула-Бугой и Алгуем с участием и других заинтересованных князей представляется вполне доказанным. Отсутствие ожесточенных споров возможных наследников в сочетании с намерением Тула-Буги как можно скорее совершить поход на Польшу обусловили достаточно короткую процедуру разбирательства, поэтому никакого «судебного следствия», поиска и представления сторонами дополнительных доказательств в данном случае просто-напросто не понадобилось. Остается уточнить еще пару вопросов, связанных уже не столько с процессом, сколько с результатом принятия ханского решения, а также с его последствиями.

Первый из них: почему в данном случае хан сделал ставку не на объединение земель под властью одного князя (Льва Даниловича), а на сохранение раздробленности Галицко-Волынской земли? Ведь в дальнейшем ханы в большинстве случаев поддерживали старшего из князей и старались закрепить его власть над всеми остальными – что было вполне логично и удобно с точки зрения контроля вассальных земель, организации взимания «выхода» и реализации других прерогатив сюзерена. Однако, во-первых, нам уже приходилось обращать внимание на то, что вплоть до конца XIII – начала XIV в. Джучиды не могли определиться со статусом своих русских вассалов и инструментами контроля над ними¹. Именно поэтому свой сюзеренитет с 1240-х и до 1290-х гг. проявляли эпизодически, делая акцент на разных его составляющих – идеологической, военной, налоговой и пр.². Лишь после консолидации

¹ См. подробнее § 2 первой главы

² Попытку разобраться в этой сложной проблеме предпринял воронежский историк Ю. В. Селезнев, см.: *Селезнев Ю. В.* Возникновение сюзеренитета монгольского кагана и ордынского хана на территории Руси.

власти в руках хана Токты происходит некоторое упорядочение отношений Улуса Джучи и русских земель (поворотным моментом стал съезд 1296 г. во Владимире). Во-вторых, не следует сбрасывать со счетов личность самого князя Льва Даниловича, который в рассматриваемый период не только претендовал на власть над всем прежним Галицко-Волынским княжеством, но также над частями Киевской и Переяславской земель, Закарпатьем и некоторыми польскими регионами (в частности – Люблинской землей)¹. По мнению исследователей, именно он настоял на том, чтобы после смерти его дяди Василька Романовича в 1269 г. его сын и наследник князь Владимир выделил восточную часть Волыни с центром в Луцке его младшему брату Мстиславу². К тому же, в памяти ордынских правителей еще могли быть живы воспоминания о попытке Даниила Романовича противостоять власти Джучидов, а Лев Данилович был властолюбив и агрессивен куда больше, чем его отец, да еще и находился в союзе с Ногаем, к которому сам Тула-Буга уже начинал испытывать враждебность³. Поэтому недопущение объединения всей юго-западной Русью в руках галицкого князя было вполне грамотным политическим решением хана и его соправителя⁴. Более того, в рассматриваемый период подобная практика разделения вассальных владений между несколькими правите-

¹ См.: *Войтович Л.* Князь Лев Данилович. Львів, 2012. С. 138–141, 158–159.

² *Войтович Л.* Галицько-Волинські етюди. Біла Церква: Вид. Л. Пшонківський, 2011. С. 319; *Домбровский Д.* Родство и власть. Внутрисемейные разделы княжества Романовичей в 1217–1270 гг. // Восточная Европа в древности и средневековье. Миграции, расселение, война как факторы политогенеза: XXIV Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР Владимира Терентьевича Пашуто, Москва, 18–20 апреля 2012 г.: Материалы конференции. М., 2012. С. 96. Это объясняет и опасения Мстислава по поводу реакции Льва на завещание Владимира Васильковича и последовавшие по смерти последнего агрессивные действия Юрия Львовича.

³ См.: *Пашуто В. Т.* Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. С. 296; *Горский А. А.* Ногай и Русь. С. 131–132.

⁴ См. также: *Войтович Л.* Галич у політочному житті Європи XI–XIV століть. С. 347–348.

лями была вполне распространенной: достаточно вспомнить утверждение Александра и Андрея Ярославичей, соответственно в Киеве и Владимире, двух грузинских царей Давида Улу и Давида Нарини, двух сельджукских султанов Изз ад-Дина Кей-Кавуса II и Рукн ад-Дина Килич-Арслана IV и т. д.

Второй вопрос: к кому именно мог обратиться Мстислав Данилович, если бы Лев и его сын Юрий не вняли бы его просьбе отказаться от захвата волынских городов? Полагаем, речь шла о ханских наместниках в Киевской земле, которая в этот период находилась под куда более жестким контролем ордынской администрации, чем Галицко-Волынская Русь. Присутствие ханских баскаков в Киеве фиксируется и в гораздо более поздний период – даже когда он фактически уже попал под власть Великого княжества Литовского: в частности, летописи фиксируют под 1331 г. нападение киевского князя Федора «с баскаком татарским» на обоз новгородского архиепископа Василия Калики, ездившего на поставление к митрополиту Феогносту¹. Обратиться же за поддержкой к чиновникам ордынских ханов Мстислав Данилович мог только в том случае, если имел возможность доказать, что его соперники нарушили ханскую волю². Это соображение позволяет предположить, что ханское решение об утверждении завещания Владимира Васильковича и, следовательно, прав на Волынское княжество Мстислава Даниловича, скорее всего, было документально закреплено в ханском ярлыке, который был вручен новому правителю Волын, имеющему возможность в случае необходимости предъявить его баскакам.

¹ Полное собрание русских летописей Т. IV. Ч. 1. Новгородская четвертая летопись. Вып. 1. Пг.: Я. Башмаков и Ко., 1915. С. 264. См. также: *Маслова С. А.* Институты ордынской власти над Русью. С. 42–43.

² Весьма показательно, что И. Шараневич, отстаивавший идею номинальности ордынской власти над Галицко-Владимирской Русью, ничего не сообщает об участии Тула-Буги в оглашении воли Владимира Васильковича, но упоминает о том, что Мстислав грозил брату и племяннику призвать татар, см.: *Шараневич И.* История Галицко-Володимирской Руси... С. 115–116.

Таким образом, с формальной точки зрения процедура ханского утверждения завещания князя Владимира Васильковича, несомненно, была вполне стандартной и довольно быстрой, в содержательном же отношении она отражала некоторую неопределенность, сохранявшуюся в отношении сюзеренитета Джучидов над русскими землями. Эта неопределенность впоследствии была устранена, что в полной мере нашло отражение в других примерах ханского правосудия, которые мы намерены проанализировать ниже.

Как два великих князя претендовали на одно удельное княжество. Несмотря на поддержку, которую ханы Улуса Джучи неоднократно демонстрировали Москве в ее борьбе за верховенство над землями Северо-Восточной Руси, время от времени они считали необходимым указать московским вассалом их место и зависимость от воли сюзерена. Одним из таких примеров стало судебное разбирательство спора за удельное Нижегородское княжество между двумя влиятельными князьями – московским князем Симеоном Ивановичем Гордым и суздальским князем Константином Васильевичем.

История конфликта, по-видимому, берет начало в 1328 г., когда хан Узбек после разгрома Твери решил одновременно назначить в Северо-Восточной Руси двух великих князей – Ивана Даниловича Московского (Калиту) и Александра Васильевича Суздальского. Последнему были переданы в управление Нижний Новгород и Городец - но не как отдельный удел, а как его «половина великого княжения». В 1331 г. этот князь, не сыгравший значительной роли в истории, умер, и пожалования Узбека вернулись в единый великокняжеский домен, который оставался под управлением Ивана Калиты вплоть до его смерти. Чтобы восстановить контроль над Нижним Новгородом, он направлял туда своих наместников, последним из которых, как полагают исследователи, мог быть его старший сын и наследник Симеон Гордый¹.

В 1340 г. Иван Калита скончался, и сразу же в Сарай к хану Узбеку двинулись претенденты на великокняжеский престол – князья суздальский, тверской

¹ Кучкин В. А. Формирование государственной территории северо-восточной Руси в X–XIV вв. М., 1984. С. 217–218.

и ярославский. По возрасту и месту в семейной иерархии Рюриковичей они имели больше прав на великое княжение, чем Симеон Иванович, также направившийся к Узбеку, но прибывший позднее своих конкурентов. Золотоордынский хан, с одной стороны, не желал отказывать в поддержке представителям московской династии (своим наиболее лояльным вассалам на Руси), с другой – не мог игнорировать и доводы других претендентов. По-видимому, тогда-то, в 1340 или 1341 г. и было принято компромиссное решение: великокняжеский стол отошел Симеону Гордому, а Нижний Новгород был передан суздальскому князю Константину – брату покойного Александра Васильевича¹.

Исследователи как раз с этого времени ведут отсчет истории Суздальско-Нижегородского княжества, однако расходятся в оценке его статуса. С одной стороны, Нижний Новгород был передан Константину Васильевичу в удел, с другой же, он прежде являлся частью владимирского великого княжения. Неслучайно в Рогожском летописце под 1341 г. сообщается, что это князь сел «въ Новегороде въ Нижнемъ на Городце на княжении на великомъ»². И хотя эти претензии представляются недостаточно очевидными³, великий князь Симеон не мог не почувствовать угрозы своей верховной власти от нового обладателя Нижнего Новгорода.

Неудивительно, что в 1342 г. Симеон отправился к новому хану Золотой Орды, Джанибеку, по-видимому, подняв вопрос о принадлежности этого города. Однако Джанибек, только что вступивший на престол после расправы с двумя братьями, несомненно, не был готов сразу же разбирать споры своих

¹ См.: *Экземплярский А. В.* Великие и удельные князья Северной Руси... С. 400.

² Полное собрание русских летописей. Т. XV. Стб. 54. См. также: *Кучкин В. А.* Формирование государственной территории... С. 218; *Сочнев Ю. В.* Очерки по истории Нижнего Новгорода и Нижегородского края средневекового периода. Нижний Новгород, 2012. С. 42.

³ Убедительным представляется мнение А. А. Горского о том, что официально статус великого княжения был закреплен за Нижним Новгородом лишь в 1364 г., когда Дмитрий Константинович, сын Константина, отказался от прав на великое княжение владимирское, взамен получив великокняжеский статус в собственном уделе (по аналогии с князьями тверскими, ярославскими и др.), см.: *Горский А. А.* Москва и Орда. С. 69.

вассалов. Поэтому великий князь, не получив никакого «пожалования», решил повторить попытку годом позже¹, и именно тогда состоялся тот самый суд, который мы намерены проанализировать.

Согласно вышеупомянутому Рогожскому летописцу, в 1343 г. «князь великий Семень Ивановичъ сперся съ князем Костянтиномъ Василичемъ Суждальским о княжении Новагорода Нижнего и поидоша во Орду и яшася бояре Новгородскийи и Городечскийи за князя Семена Ивановича, да съ нимъ и въ Орду поидоша. И бысть имъ въ Орде суд крепокъ и достася княжение Новгородское князю Костянтину и выдаша ему боярь, и приведени быши въ Новъгородъ в хомольстехъ и имение ихъ взя, а семх повеле казнити по торгу вода»².

Этот весьма лаконичный пассаж, тем не менее, представляет значительный интерес с точки зрения изучения, во-первых, русско-ордынских отношений, периодически проявлявшихся и в ханском суде над русскими князьями, во-вторых, судебного процесса Улуса Джучи в целом.

Итак, между московским и суздальским князьями возник спор, который они не смогли, а может быть, и не пытались решить самостоятельно: ведь судьбу Нижнего Новгорода в 1340/1341 г. определил ханский ярлык – соответственно, от воли хана и зависело, чьим станет этот город.

Весьма примечательно, что вместе с Симеоном Гордым на ханский суд прибыли бояре Нижнего Новгорода и Городца: скорее всего, он мог снискать их поддержку, когда являлся наместником отца в этих владениях. Кроме того, в глазах местных аристократов пребывание этих городов в составе великокняжеского домена могло существенно повысить и их собственный статус – по сравнению с рядовым удельным боярством. Не сомневаемся, что великий князь взял бояр с собой как свидетелей, готовых подтвердить его претензии.

Сам суд в летописи детально не описан, но из краткой характеристики «суд крепок» можно понять, что разбирательство было бурным и непростым. Можем предположить, что великий князь Симеон Иванович не удовольство-

¹ Горский А. А. Москва и Орда. С. 69.

² Полное собрание русских летописей. Т. XV. Стб. 55.

вался показаниями нижегородских и городецких бояр в свою пользу, но и мог апеллировать к прежней традиции, согласно которой Нижний Новгород представлял собой великокняжеское владение.

Что мог противопоставить ему Константин Васильевич Суздальский, судя по всему, не обретший поддержку со стороны знати отданного ему города? Полагаем, его главным доводом могло стать апеллирование к воле покойного хана Узбека, по ярлыку которого он и получил в управление Нижний Новгород вместе с Городцом¹.

Джанибек, чей приход к власти вряд ли мог быть признан полностью легитимным, имел возможность укрепить свое положение как продолжатель политики собственного отца. И в этих условиях подтверждение решения хана Узбека могло стать примером как раз такой политической преемственности. Причем это касалось не только сохранения Нижнего Новгорода под властью суздальского князя, но и политики ограничения всевластия великих князей из московской династии в Северо-Восточной Руси в целом.

В результате Симеон Гордый проиграл спор и, как следствие, окончательно лишился возможности восстановить контроль Москвы над Нижним Новгородом. Вероятно, чтобы лишить его поддержки местной знати, хан Джанибек своим судебным решением передал бояр-свидетелей князю Константину, который получил возможность отомстить им за показания в пользу своего конкурента. Как следует из летописного сообщения, победитель наказал их как в имущественной сфере, конфисковав «имение», так и в репутационной: привез в Нижний Новгород связанными, а затем приказал позорно провести их по городскому торгу, что, несомненно, являлось сильным ударом по чести и достоинству родовитых аристократов. Поскольку, согласно ханскому решению, великий князь не имел возможность вступить за своих бывших приверженцев, нет сомнения, что эти события могли оттолкнуть нижегородскую аристократию от Москвы.

¹ Как будет показано в следующем параграфе, этот довод оказывался решающим в спорах князей еще и в XV в.

Прозорливость хана Узбека, в свое время передавшего этого город суздальской династии, и хана Джанибека, подтвердившего это решение на суде, доказали последующие события: смирившись с великокняжеским статусом Симеона Ивановича, Константин Васильевич Суздальско-Нижегородской вскоре после его смерти, в 1354 г., отправился в Сарай добиваться великого княжения владимирского в ущерб Ивану Красному – брату Симеона. И хотя хан Джанибек и на этот раз поддержал претензии московского правящего рода, сам Константин и его потомки еще в течение нескольких десятилетий предъявляли претензии на великое княжение владимирское. Несомненно, не последнее место в их обоснованиях своего права на власть являлось именно обладание Нижним Новгородом – некогда «половиной великого княжения»¹.

Это разбирательство показывает, что, как и в вышерассмотренном деле с наследием князя Василька Волынского, хан предпочел вручить спорный удел менее влиятельному и могущественному русскому князю, не желая усиливать и без того властный и энергичный московский правящий дом². Даже поддержка удельной аристократии не помогла склонить весы на сторону Москвы в данном споре. Между тем, в следующем деле, рассматриваемом нами, участие таких свидетелей, как представляется, оказалось решающим.

Ордынский суд и конец Муромского княжества. Еще один спор князей, в результате вынесенный на ханский суд, представляет собой событие куда меньшего масштаба, чем предыдущие, рассматриваемые нами в рамках настоящего исследования. В споре 1287 г. ставкой являлись обширные владения юго-западной Руси, в деле 1343 г. – обширная часть великого княжения, за которую

¹ Еще одним проявлением амбиций Константина Васильевича стало создание в Суздале и Нижнем Новгороде самостоятельной епархии, главу которой, епископа Иоанна, поставил константинопольский патриарх Иоанн XIV Калика, не согласовав свое решение с русским митрополитом Феогностом. Тем самым князь Константин бросил вызов не только великокняжеской, но и митрополичьей власти, см.: *Кучкин В. А.* Формирование государственной территории... С. 219; *Сочнев Ю. В.* Очерки по истории Нижнего Новгорода... С. 43–44.

² См.: *Борисов Н. С.* Русская церковь в политической борьбе XIV–XV вв. С. 65; *Горский А. А.* Москва и Орда. С. 70.

соперничали два могущественных князя. Несомненно, по сравнению с ними конфликт князей в небольшом Муромском княжестве, к тому же явно находившемся в упадке, выглядит совершенно мелким, «местечковым». Тем не менее, летописцы сочли необходимым отразить его на страницах своих сочинений, и, на наш взгляд, этот сюжет также заслуживает историко-правового анализа, поскольку позволяет дополнить (или, по крайней мере, подтвердить) наши представления о суде ханов Золотой Орды, сформированные на основе анализа других источников.

Согласно летописным сведениям, в 1355 г.¹ князь Федор Глебович со своим войском захватил Муром, изгнав оттуда местного правителя князя Юрия Ярославича, чему сами муромцы оказались весьма рады. В сопровождении своих сторонников князь Федор отправился в Орду для подтверждения своих прав сюзереном, между тем, изгнанный князь Юрий, выждав неделю после отъезда своего соперника, вернулся в Муром и, собрав собственных приверженцев, вместе с ними также отправился на ханский суд. Далее летописец сообщает: «И бысть велик суд межи их пред князи Ординскими, и досталось княжение Муромское князю Федору Глебовичу. Сице же князя Юрья Ярославича выдаша князю Федору Глебовичу; он же в велицей крепости держа его у себя, и бысть ему тяжестно зело, и в тягости и в нужи и преставися»².

Итак, перед нами вновь конфликт двух русских князей, вынесенный на рассмотрение хана-сюзерена. Несмотря на лаконичность сообщения, это – достаточно четкая картина золотоордынского суда, позволяющая проследить основные этапы процесса. Во-первых, имеются сами стороны – спорящие князья, которые явились в суд сюзерена вместе со свидетелями в свою пользу. Во-вторых, суд осуществлялся не ханом, а его сановниками – «князьями ординскими». Вероятно, это было связано с незначительностью Мурома как вассаль-

¹ Некоторые исследователи приводят и другие даты: С. М. Соловьев – 1354, а Д. И. Иловайский – даже 1353 г.

² Полное собрание русских летописей. Т. X. С. 227–228; Полное собрание русских летописей. Т. XV. Стб. 64.

ного владения; тем не менее, сам факт принятия спора к рассмотрению свидетельствует о том, что ордынский суд (в различных инстанциях) был открыт для всех вассалов Золотой Орды, равно как и для всех ханских подданных. В-третьих, характеристика разбирательства «велик суд»¹ позволяет предположить длительность суда, соблюдение всех необходимых процедур – в частности, заслушивания самих тяжущихся и свидетелей, которых они привели с собой². Наконец, привлекает внимание последующее решение, согласно которому не только княжество досталось Федору Глебовичу, но и его противник был выдан ему.

Безусловно, краткость летописного сообщения вызывает вопросы, ряд которых уже привлекал внимание исследователей. В частности, это касается личностей участников спора. С Юрием Ярославичем все достаточно просто: это был представитель местной правящей династии, наследовавший муромский престол от своего старшего брата Василия Ярославича, скончавшегося в 1345 г. Судя по всему, он старался восстановить роль и значение своего удела, постаравшись укрепить собственную резиденцию, городские стены, храмы и пр. Исследователи видят в этих действиях консолидацию князя и всех слоев городского общества³. Тем удивительнее выглядит факт изгнания из города столь де-

¹ Н. М. Карамзин называет его «торжественный суд», см.: *Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. IV. М., 1992. С. 169.*

² Н. М. Карамзин говорит о муромских боярах, что представляется вполне логичным, несмотря на то, что в летописи фигурируют «люди Муромския»: несомненно, в сословном обществе большим доверием пользовались свидетельства представителей аристократического сословия, нежели простолюдинов. С другой стороны, претендент мог выставить в качестве свидетелей и выходцев из разных сословий, чтобы подчеркнуть всеобщую поддержку своего княжения. С.М. Соловьев даже предполагает, что судьбу княжества решало муромское вече, см.: *Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. II. Т. 3–4. С. 505.* Возможно, в таком случае, и это сыграло роль в решении ордынских сановников: поддержка народа гарантировала претенденту на престол стабильность в княжестве, а Орде – соответственно, полное и своевременное поступление «выхода».

³ *Кривошеев Ю. В. Русь и монголы. С. 316.*

ятельного и поддерживаемого в своей деятельности народом князя, да еще и радость горожан по поводу захвата власти Федором Глебовичем¹.

В отличие от Юрия Ярославича, личность его противника до сих пор не установлена. Дореволюционные исследователи в большинстве своем и его относили к муромской княжеской династии². Однако уже С. М. Соловьев впервые предположил, что этот Федор Глебович мог быть тем самым отправленным в Орду в 1348 г. послом московского князя Семена Гордого³. Эта версия в дальнейшем была поддержана В. А. Кучкиным, который постарался объяснить причины отсутствия княжеского титула в упоминании московского посла и его наличия в описании событий 1355 г., но не предложил никаких версий происхождения Федора⁴. Лишь в начале XXI в. А. А. Горский высказал интересное предположение, что это мог быть сын Глеба Святославича Брянского, убитого собственными подданными в 1340 г.⁵

Тем не менее, если признать правдоподобность отождествления претендента на муромский престол с московским послом, то радость горожан по поводу захвата им Мурома выглядит уже не так загадочно: вполне вероятно, что под властью ставленника Москвы и московским покровительством жители пришедшего в упадок города могли чувствовать себя гораздо увереннее. И поэтому именно на их свидетельства в свою пользу (а не на прямую московскую поддержку) решил сделать упор Федор Глебович в последующем судебном разбирательстве. Принадлежностью его к московской правящей элите также можно объяснить решение в его пользу ордынских сановников-судей, которые,

¹ См.: *Иловайский Д. И.* История Рязанского княжества. С. 146–147.

² См., напр.: *Карамзин Н. М.* История государства Российского. Т. IV. С. 327; *Экземлярский А. В.* Великие и удельные князья Северной Руси... С. 618–619.

³ *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. Кн. II. Т. 3–4. С. 257.

⁴ *Кучкин В. А.* Русские княжества и земли перед Куликовской битвой // Куликовская битва: Сб. статей. М., 1980. С. 52.

⁵ *Горский А. А.* Московские «примыслы» XIII–XV вв. С. 177–178. Впрочем, сам же историк подчеркивает гипотетический характер своей версии и допускает принадлежность Федора Глебовича к муромскому княжескому роду.

казалось бы, должны были встать на сторону легитимного правителя княжества.

Итак, решение было принято не в пользу князя Юрия Ярославича. Более того, по решению судей он сам был отдан во власть своего соперника, выигравшего дело. Было ли такое решение из ряда вон выходящим? По-видимому, нет: подобные прецеденты встречаются как в практике монгольского имперского суда, так и в случаях разбирательства дел русских князей в Золотой Орде. Так, во время дела по поводу заговора против монгольского хана Мунке в 1251 г. ряд представителей ханского рода, признанных виновными (Бури, Эльджигитая и др.) выдали Бату, который предал их казни¹. Результатом разбирательства спора Михаила Ярославича Тверского с Юрием Даниловичем Московским стала выдача проигравшего суд тверского князя своему противнику, и убит он бы не ордынцами, а русскими². Однако в большинстве случаев князья, победившие в споре со своими соперниками в ханском суде, не обагрjali своих рук их кровью, почему в летописях чаще всего не фиксируется факт выдачи проигравшего в споре победителю. Например, вполне вероятно, что и герою предыдущего сюжета Всеволоду Холмскому была дана воля над его дядей Василием Кашинским, но он не стал злоупотреблять своими правами. Аналогичным случаем представляется выдача (правда, после выплаты большой суммы серебра) московскому князю Дмитрию Ивановичу тверского княжича Ивана, представлявшего интересы своего отца Михаила Александровича в споре за великое княжение перед судом Мамаю и его хана Мухаммада в 1371 г.: будущий Донской позволил отцу выкупить княжича³.

Полагаем, что именно тот факт, что Федор Глебович злоупотребил властью над своим противником Юрием Ярославичем (либо позволив ему умереть в тюрьме, либо даже умертвив его), проявленная им жестокость и привлекли к этому случаю внимание летописцев. В их глазах это символизировал закат

¹ Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. II. С. 90, 137.

² См. подробнее предыдущий параграф.

³ Полное собрание русских летописей. Т. XXV. С. 187.

некогда славного княжества: неслучайно, как отмечают исследователи, в дальнейшем в летописях ничего не говорится о конкретных правителях Мурома, и лишь с 1380-х гг. начинают вновь фигурировать некие безымянные муромские князья – и то в контексте окончательного присоединения территории княжества к московским владениям.

Проведенный анализ позволяет увидеть в золотоордынских ханах XIII–XV вв. как сюзеренах русских князей не только суровых карателей нерадивых вассалов за истинные или мнимые преступления, но и справедливых третейских судей в междукняжеских спорах. Естественно, на суд хана выносились не мелкие обиды, а серьезные конфликты, по итогам разрешения которых, как правило, решалась судьба либо удельного княжества, либо даже великого княжения в целом – как будет показано в следующем параграфе.

§ 4. СПОРЫ О ВЕЛИКОМ КНЯЖЕНИИ В ХАНСКОМ СУДЕ XIV–XV ВВ.

Неоднократные споры русских князей по поводу великого княжения, выносившиеся на рассмотрение ханов-сюзеренов, достаточно часто упоминаются в русских летописях. Однако в большинстве случаев сообщения о таких спорах весьма краткие, и лишь два таких дела нашли гораздо более подробное описание в источниках. По странному совпадению в обоих случаях спор за великое княжение происходил между родными дядями и племянниками.

Дядя против племянника – I: спор тверских князей. Спор между членами правящего дома великого княжества Тверского во второй половине 1340-х гг. и его вынесение на суд хана Золотой Орды получили освещение в целом ряде летописных источников. Весьма характерно, что летописи тверского происхождения хранят молчание об этих событиях, безусловно, не в лучшем свете характеризующих их участников.¹ В большинстве же других исторических памятников информация об интересующем нас конфликте довольно подробна в отношении действий самих участников, но весьма лаконична в отношении ханского суда.

Согласно наиболее распространенной летописной версии², в 1346 г. Константин Михайлович Тверской начал притеснять семейство своего покойного брата Александра, взяв с его владений поборы и пр. Несмотря на то, что, будучи старшим князем Тверской земли, он, в общем-то, имел право на подобные действия³, старший из сыновей Александра, Всеволод Холмский, отправился жаловаться на его действия в Москву, к великому князю Семену Ивановичу Гордому, который, будучи главой всей Северо-Восточной Руси, имел формальное право вмешаться в конфликт удельных князей. Вероятно, желая не допу-

¹ Так, в Тверском сборнике эти годы указаны, но никаких событий под ними не фиксируется, см.: Полное собрание русских летописей. Т. XV. Стб. 422.

² См., напр.: Полное собрание русских летописей. Т. X. С. 217–218.

³ См.: Ключ Э. Княжество Тверское. С. 162.

стить его вмешательства в тверские дела, Константин Михайлович¹ направился в Орду, желая получить одобрение своих действий от верховного сюзерена – хана Джанибека. Семен Иванович посоветовал Всеволоду Холмскому поступить так же, и последний, в свою очередь, поехал в Орду, однако по дороге узнал, что его дядя скончался в джучидских владениях – надо полагать, от чумы, которая, по сообщениям летописцев, как раз в этом году охватила территорию Улуса Джучи.

Дальнейшие события отражены в летописи не вполне четко. Оказавшись в Орде, Всеволод «выхлопотал каким-то способом»² у хана великое княжение тверское (несомненно, с подтверждающим ярлыком), и вместе с ханским послом, который должен был гарантировать исполнение ханской воли в Тверском княжестве, двинулся в родные земли. По пути же он встретил еще одного своего дядю – Василия Михайловича Кашинского, который, в свою очередь, спешил в Орду для утверждения в достоинстве тверского великого князя, собрав для этой цели немало серебра, в т. ч. с Холма – удела самого Всеволода. Встреча дяди и племянника закончилась схваткой, в результате которой Всеволод ограбил Василия – полагая, что законно возвращает свое.

О том, что было дальше с обоими князьями, летописец под 1346 г. ничего не говорит. Согласно мнению историков, сразу же после ссоры они оба направились в Орду и в течение длительного времени (по разным версиям исследователей – от полугода до года с лишним) спорили о старшинстве. В результате только в 1348 г. хан Джанибек отдал старшинство Всеволоду Александровичу, в чем некоторые историки видят влияние великого владимирского и московского князя Семена Ивановича Гордого, поддержавшего племянника в ущерб дяде. Впрочем, не стоит видеть уникальности в ханском решении: хан Джанибек вполне мог принять сторону того князя, который сразу же явился к нему для

¹ В историографии Константин Михайлович характеризуется как союзник суздальско-нижегородских князей и, следовательно, далеко не горячий сторонник Москвы, см.: *Клюг Э.* Княжество Тверское. С. 163.

² *Борзаковский В. С.* История Тверского княжества. С. 133.

подтверждения своего статуса, а не того, который сначала попытался реализовать великокняжеские прерогативы в собственных владениях¹. Вспомним, что при аналогичных обстоятельствах было признано ханшей Огул-Гаймиш и ее сыновьями («кановичем») старшинство князя Андрея Ярославича, получившего великое княжение владимирское в ущерб дяде – Святославу Всеволодовичу, который не поспешил прибыть к новому сюзерену, а принял власть, полагаясь на свое законное право по лествичному принципу². Сходным образом поступил и ильхан Газан, утвердив в 1298 г. новым царем Грузии Вахтанга III в ущерб его старшему брату Давиду VIII, упорно не являвшемуся к своему сюзерену³. Да и в самой практике Чингизидов неоднократно имели место случаи наследования трона племянником в ущерб дяде – в частности, в 1242 г., когда после Чагатая его преемником стал внук Кара-Хулагу, а не сын Есу-Мунке или в 1256 г., когда преемником золотоордынского правителя Бату стал его сын Сартак, а не брат Берке⁴.

Летописные сообщения не содержат подробностей самого рассмотрения ханом спора князей и принятия им решения. Однако детали о ханском суде сохранились в «Истории Российской» В. Н. Татищева, которая, несмотря на противоречивые оценки историков разных периодов, признается источником, заслуживающим внимания⁵. Поскольку ниже мы намерены предпринять попытку ре-

¹ Ср.: *Пресняков А. Е.* Образование великорусского государства. Очерки по истории XIII-XIV столетий. Пг.: Я. Башмаков и Ко., 1918. С. 197.

² Полное собрание русских летописей. Т. XXV. С. 139, 141. См. также: *Селезнев Ю. В.* Русские князья в составе правящей элиты Джучиева Улуса в XIII-XV веках. Воронеж: Центрально-Черноземное книжное изд-во, 2013. С.

³ Анонимный грузинский «Хронограф» XIV в. С. 141–148.

⁴ *Рашид ад-Дин.* Сборник летописей. Т. II С. 81, 93.

⁵ См. подробнее: *Майоров А. В.* [Рец. на:] Толочко А. П. «История Российская» Василия Татищева: Источники и известия. М.; Киев, 2005 // *Rossica Antiqua: Исследования и материалы.* 2006 / Отв. ред. А. Ю. Дворниченко, А. В. Майоров. СПб., 2006. С. 387–391; *Фомин В. В.* Страсти по Татищеву // *Исторический формат.* 2016. № 1. С. 55–72.

конструкции данного судебного разбирательства, считаем целесообразным привести соответствующую цитату из данного труда:

«По смерти князя Александра Михайловича тверскаго начася котора межи сыном его Всеволодом холмским и братом Александровым Василием кашинским. Всеволод же, не хотя со стрьем своим битися и кровь неповинну проливати, иде во Орду к хану просити о суде. А Василий кашинский, уведав, вскоре иде за ним по Волге. И быша у хана более полугода, прение имея о княжении тверском. И Василий многих князей закупи, и помогаху ему, глаголя, яко сей есть старейший; им же и хан согласова, хотя дати Василию. Мать же ханская Шеритамгу, пришед в совет той и слыша их суд, рече: «О безумнии судии, како неправо судите, лишая сына отча достояния. Кто бо ближайший есть, яко сын по отцы? А брат Александров имат свой удел от отца, и по нем наследят сынове его. Когда в Орде было, чтобы вместо сына ханского по нем брат был? разве насилие и кромола». И тако устыдившеся вси, даде хан княжение Тверское Всеволоду, а Василию Кашин с города присудными им. И князь Всеволод Александрович того же лета прииде из Орды от хана с пожалованием и с честью на Тверское княжение, а с ним посол. А дядя его князь Василей Михайлович кашинский прииде из Орды в Кашин. И сотворися между ими нелюбие, а людям тверским тягость, и мнози люди тверские того ради нестроения разошася»¹.

Если принять сведения, приведенные В. Н. Татищевым, за реальную передачу сообщений несохранившихся летописей, они позволяют сформировать довольно подробное представление о том, как именно разбирался спор князей Василия Михайловича и Всеволода Александровича в суде хана Джанибека.

Прежде всего, обращает на себя внимание его длительность: он продолжался более полугода. Именно такое время понадобилось князьям для сбора убедительных доказательств в свою пользу. В частности, вызывает интерес фраза о том, что «Василий многих князей закупи, и помогаху ему, глаголя, яко

¹ *Татищев В. Н.* Собрание сочинений. Т. V и VI. История российская. Ч. 3 и 4. М., 1996. С. 103.

сей есть старейший». Речь идет о представителях золотоордынской знати, которым русские правители традиционно подносили дары во время своих приездов в Орду. Таким образом, Василий Михайлович заручился статусными «ходатаями» по своему делу, которые, в соответствии с золотоордынской процессуальной традицией, представляли хану прошение о разбирательстве дела и принятии по нему решения, закрепляемого в ярлыке¹. Подтверждается это и следующей фразой о том, что «им же и хан согласова», т. е. прислушался к мнению своих влиятельных приближенных.

Последующее развитие событий также представляет интерес в связи с участием в судебном процессе матери хана, фигурирующей под именем «Шеритамгу», которая убедила хана вынести решение, прямо противоположное тому, к которому он склонялся. Любопытно, что и ханша в интерпретации Татищева приводит вполне убедительные правовые доводы в пользу князя Всеволода, акцентируя внимания хана (и «судей» в целом) на том, что сын является ближайшим наследником своего отца.

Упоминание В. Н. Татищевым имени Шеритамгу является уникальным: после него это имя встречается в труде Й. фон Хаммер-Пургшталля и в сборнике В. Г. Тизенгаузена, но оба они ссылаются именно на его труд². Учитывая, что имя матери хана Джанибека – влиятельной ханши Тайдулы – хорошо известно русским летописцам, упоминание ее под другим именем вызывает недоумение. Ранее мы уже высказывали предположение, что это мог быть один из ее титулов или эпитетов, почему-то привлечший внимание автора сообщения, изложенного Татищевым³. Сам факт участия ханской матери в судебном про-

¹ См., напр.: *Григорьев А. П., Григорьев В. П.* Коллекция золотоордынских документов XIV века из Венеции. С. 68.

² *Тизенгаузен В. Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. II: Извлечения из персидских сочинений, собранные В. Г. Тизенгаузенем и обработанные А. А. Ромаскевичем и С. Л. Волиным. М.; Л., 1941. С. 50; *Hammer-Purgstall J. von.* Geschichte der Golden Horde. S. 309.

³ *Почакаев Р. Ю.* Цари ордынские. С. 334–335, прим. 315. Касимовский краевед А. С. Игнатъев высказал предположение, что Тайдула могла принадлежать к роду Ширин,

цессе также выглядит вполне правдоподобным. Во-первых, участие представительниц ханского семейства в официальных государственных мероприятиях (курултаях и собственно судах¹) зафиксировано в исторических сочинениях еще со времен Монгольской империи. Во-вторых, сама ханша Тайдула, пользовавшаяся влиянием еще при своем муже хане Узбеке и фактически возведшая на престол сына Джанибека, обладала такой властью и могуществом, что к ней, несомненно, прислушивались и хан, и его сановники. Более того, как известно, она выдавала собственные грамоты русским князьям и церкви² и даже сама вершила суд³.

Приводимые ей доводы – это, по сути, ссылка на прецеденты, как русские («А брат Александров имат свой удел от отца, и по нем наследят сынове его»), так и ордынские («Когда в Орде было, чтобы вместо сына ханского по нем брат был? разве насилие и кромола»). Конечно, с фактической точки зрения подобного рода аргументы не выдерживают никакой критики: и тверские князья, предшественники Всеволода и Василия, получали власть после своих братьев⁴,

см.: *Игнатьев А.* Мещерские князья // Сайт «Старый посад»: <http://www.starposad.ru/istoriya/13-mescherskie-knyazu.html>. Однако следует также принять во внимание, что Татищев «иногда неудачно исправлял собственные имена, переводил их на свой язык», см.: Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. XXXIIа. СПб., 1901. С. 674.

¹ Например, Сорхактани, мать хана Мунке, в 1251 г. участвовала в суде по делу о покушении на хана при рассмотрении дел Огул-Гаймиш и Кадагач-хатун, см.: *Рашид ад-Дин*. Сборник летописей. Т. II. С. 138.

² См., напр.: *Григорьев А. П.* Сборник ханских ярлыков русским митрополитам. С. 45–71.

³ *Григорьев А. П., Григорьев В. П.* Коллекция золотоордынских документов XIV века из Венеции. С. 196–217. См. также: *Почекаев Р. Ю.* Крымские торговцы против Венеции. С. 59–61.

⁴ Михаил Ярославич, отец Василия и дед Всеволода – после своего старшего брата Святослава, Александр, отец Всеволода – после старшего брата Дмитрия, а после смерти его самого тверской престол перешел Константину.

и в Золотой Орде сыновья не так уж часто наследовали отцам¹. Но нас в данном случае интересует не содержательная, а именно процессуальная сторона, в контексте которой аргументы подобного рода были вполне допустимы. Получается, что если Василий Михайлович Кашинский в споре с племянником заручился поддержкой в качестве ходатаев представителей золотоордынской знати, то таким ходатаем его племянника стала сама мать хана. Но одна ли она?

Исследователи, опирающиеся не на сообщение В. Н. Татищева, а на летописную версию событий, высказывают вполне обоснованное предположение, что хан мог принять решение в пользу Всеволода Александровича с учетом позиции великого князя владимирского Семена Ивановича². Последний, во-первых, являлся в глазах хана верховным правителем всех русских земель, включая Тверское княжество, во-вторых, в качестве джучидского вассала, сам входил в сановную элиту Золотой Орды³ и, следовательно, имел не меньше прав представлять в качестве «ходатая» интересы любого из подвластных ему князей перед ханским судом. Интересно, что как раз в 1348 г., когда хан вынес решение по спору князей Василия и Всеволода, при его дворе оказался посол великого князя владимирского, некий Федор Глебович (который еще появится на страницах нашего исследования ниже). И хотя официальной причиной великокняжеского посольства была жалоба на действия великого князя литовского Ольгерда⁴, не приходится сомневаться, что у него были все возможности озву-

¹ Сам Джанибек пришел к власти, убив своего старшего брата и предшественника на троне Тинибекка.

² Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. IV. С. 164; Штыков Н. В. К истории внутренних конфликтов в Тверской земле в середине XIV в. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2009. № 3 (37). С. 129.

³ Статусу русских князей в составе элиты Золотой Орды посвящен ряд работ А. Г. Юрченко и Ю. В. Селезнева (который уделил этому вопросу значительное внимание и в своей докторской диссертации).

⁴ Halperin Ch. J. Tsarev Ulus: Russia in the Golden Horde // Halperin Ch. J. Russia and the Mongols. Slavs and the Steppe in Medieval and Early Modern Russia. Bucuresti: Editura Academiei Romane, 2007. P. 78–79.

чить позицию Семена Гордого и по данному спору. Не будем забывать также, что именно из Москвы Всеволод Александрович Холмский направился в Орду, а пока он спорил там с дядей за тверское княжение, Семен Иванович женился на его сестре Марии (1347 г.).

Таким образом, процедура ханского разбирательства представляется нам следующей: оба князя прибыли в Орду, подав хану прошение о разбирательстве их спора, после чего каждый из них занялся поисками ходатаев по делу, выплачивая им соответствующее вознаграждение. Заручившись поддержкой влиятельных сторонников, оба князя вышли на суд, на котором были заслушаны самих сторон, а также и их свидетелей или поручителей: представителей ордынской элиты со стороны князя Василия, ханской матери и Федора Глебовича, представителя великого князя владимирского, со стороны князя Всеволода. Выслушав все доводы и мнения, хан принял решение в пользу последнего, выдав ему ярлык (вероятно, уже повторный, если доверять летописным сообщениям о получении Всеволодом ярлыка еще в 1346 г.) и поручил своему чиновнику – «послу» сопровождать нового тверского князя и убедиться, что его статус будет признан в княжестве¹.

Наш анализ был бы неполным, если бы мы не затронули последующие события, которые, по сути, стали игнорированием ханской воли, зафиксированной в ярлыке Джанибека. Как сообщает летописец, Василий Михайлович не смирился с победой Всеволода и продолжал проявлять к нему враждебность, едва не доведя дело до открытой войны. Лишь вмешательство в конфликт тверского епископа Феодора позволило двум князьям придти к миру: Всеволод Александрович отказывался от великого княжения тверского и возвращался в Холм, а Василий Михайлович обязывался с ним «в единомыслии, и в совете, и в единстве жити»².

¹ О возвращении Всеволода в Тверь с ханским «пожалованием», «великой честью» и послом также сообщается в летописи: Полное собрание русских летописей. Т. X. С. 220.

² Полное собрание русских летописей. Т. X. С. 221.

Столь неожиданный отказ Всеволода Александровича от статуса, за который он так долго и упорно боролся, и который был закреплен ханским ярлыком, порождает самые разные версии исследователей. Одни считают, что Василий Михайлович одержал верх, поскольку изменилась политика Москвы, ранее покровительствовавшей Всеволоду¹. Другие видят в действиях обоих князей конфликт различных уделов тверской земли, в котором большинство оказалось на стороне старшего князя, будучи заинтересованным в мире². Наконец, высказывалось мнение, что князь Всеволод проявил политическую мудрость и дальновидность: видя отсутствие поддержки тверичей, он уступил дяде, ближайшим наследником которого и так являлся даже в соответствии с лестничной системой, с сохранением которой большинство тверичей связывали стабильность в княжестве³.

Как бы то ни было, хан никоим образом не отреагировал на пренебрежение его волей, что еще раз подтверждает вывод о самостоятельности действий князей в собственных владениях. Поскольку Всеволод добровольно отказался от прерогатив, предоставленных ему ханским указом, его дядя в глазах Джанибека вовсе не выглядел нарушителем ханской воли, и мятежником: ведь он так и не начал вооруженной борьбы против племянника. Тем не менее, нельзя не обратить внимания, что в течение нескольких лет Василий Михайлович сам не спешил подтвердить свое вновь обретенное верховенство в Тверской земле ханским ярлыком⁴: лишь в 1352 г. ордынский посол Ахмат доставил ему ярлык Джанибека. Характерно, что сразу после этого князь Василий стал, подобно

¹ Пресняков А. Е. Образование великорусского государства. С. 196. Ср.: Клюг Э. Княжество Тверское. С. 165.

² Штыков Н. В. К истории отношений Твери и Кашина в XIII–XV вв. // Труды исторического факультета СПбГУ. Т. 1. Центр и регионы в истории России: Проблемы экономического, политического и социокультурного взаимодействия: Сб. Научных статей. СПб., 2010. С. 145.

³ Клюг Э. Княжество Тверское. С. 166.

⁴ На это специально обращает внимание В. С. Борзаковский, см.: Борзаковский В. С. История Тверского княжества. С. 134.

своему старшему брату Константину, притеснять семейство Всеволода¹. Полагаем, что после своей победы над племянником он предпочел некоторое время выждать и не привлекать внимания хана к изменению ситуации в Твери, и только убедившись в прочности своих позиций, подал прошение о подтверждении его полномочий ордынским властителем. Скорее всего, в ханской ставке вновь имело место формальное («заочное») разбирательство, которое на этот раз оказалось весьма быстрым в силу отсутствия конкурентов у претендента на тверское княжение, что и обусловило оперативное оформление ярлыка и его доставку новому тверскому правителю. В отличие от ранее проанализированного спора князей Галицко-Волынской Руси, к середине XIV в. ханы уже окончательно сформировали свою политику в отношении русских вассалов, сделав ставку на единство, а не раскол уделов. Именно поэтому прочная власть князя Василия Михайловича в глазах хана стала весьма убедительным доводом, чтобы, в конце концов, принять решение в его пользу.

Дядя против племянника – II: спор московских князей. Второй анализируемый нами спор русских князей за великое княжение, рассмотренный в ханском суде фактически представляет собой комбинацию нескольких ранее рассмотренных дел: в нем фигурирует и завещание, и конфликт дяди с племянником. Сразу стоит отметить, что, в отличие от предыдущего спора, летописные сообщения о тяжбе Юрия Дмитриевича Звенигородского с Василием Васильевичем Московским содержат весьма подробное описание самой процедуры ханского суда. Это позволяет предположить наличие информатора – очевидца или даже непосредственного участника событий, что вытекает из упоминания

¹ Полное собрание русских летописей. Т. X. С. 223. См. также: Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. II. Т. 3–4. С. 243. Как видим, обретя старшинство в Тверском княжестве, Василий Михайлович (опять же – подобно своему брату Константину) получил возможность самостоятельно проводить налоговую политику, см.: Насонов А. Н. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. Монголы и Русь. СПб., 2002. С. 297–298. Обратим внимание, что вопрос о незаконном взимании поборов ни Константином, ни Василием (даже до его официального признания великим князем тверским) во время разбирательства не поднимался.

конкретных участников судебного разбирательства из числа ордынских сановников, цитирования участников процесса и пр. Причем, скорее всего, этот очевидец был связан со звенигородским князем, на что указывает явное сочувствие ему в летописных сообщениях.

В самом деле, великий князь владимирский и московский Василий II Васильевич, вошедший в историю под прозвищем «Темный», не относится к числу правителей, прославлявшихся летописцами. Только «историческая правда», т. е., его итоговая победа над своими соперниками, продолжение процесса собирания земель вокруг Москвы и, главное – передача престола своему выдающемуся сыну Ивану III, позволяет как летописцам, так и последующим историкам находить положительные стороны его правления. С точки зрения же личных качеств, талантов, дарований и оценок современников он, несомненно, проигрывал своему дяде и сопернику Юрию Дмитриевичу Звенигородскому, которого его апологеты вообще склонны считать наиболее ярким из сыновей Дмитрия Донского¹.

Конфликту между двумя претендентами на великое княжение, истоки которого связаны еще с содержанием завещания Дмитрия Донского 1389 г., а последствия проявлялись еще и во второй половине XV в., посвящена обширная историография. Не обходят стороной исследователи и эпизод, связанный с разрешением спора князей Василия Васильевича и Юрия Дмитриевича в ханском суде в 1432 г., особенно с учетом того, что в летописях, как отмечено выше, ему уделено весьма значительное внимание. Тем не менее, как и при изучении рассмотренных выше княжеских споров, историки вполне объяснимо уделяли внимание политической стороне данного судебного разбирательства и его последствиям для судеб Московского государства. Процессуальные же аспекты этой тяжбы до сих пор не привлекали внимания специалистов. Мы намерены восполнить данный пробел, формально-юридически проанализировав действия участников разбирательства, что, как представляется, может позволить не-

¹ См., напр.: *Ковалев-Случевский К.* Юрий Звенигородский. Великий князь Московский. М., 2008.

сколько иначе интерпретировать ряд летописных сообщений, связанных с этим делом.

Начать следует, вероятно, с событий 1425 г., когда Юрий Дмитриевич Звенигородский после сложных переговоров с митрополитом Фотием согласился не добиваться великого княжения силой оружия, а «которого царь пожалует, то будет князь великы», т. е. уже изначально делал ставку на волю хана как окончательное решение спора с племянником¹. Весьма примечательно, что в данном случае вынесение спора на ханский суд в данном случае рассматривается лишь как вариант его разрешения, хотя формально хан, оставаясь сюзереном Владимирской Руси, и так должен был подтверждать статус ее великого князя. Ничем иным, кроме ослабления Золотой Орды в целом и ее контроля над русскими землями в частности, такой шаг объяснить не представляется возможным.

Как бы то ни было, но, надо полагать, именно тогда князь Юрий мог и начать процесс сбора тех доказательств, на которые намеревался опереться для доказательства своих прав, о чем более подробно будет сказано ниже. Среди причин столь длительного временного разрыва между выраженным князем Юрием намерением обратиться к ханскому суду и самим обращением исследователи называют и выжидательную позицию звенигородского князя, намеревавшегося дожидаться ухода с политической сцены влиятельных покровителей Василия Московского (его деда – великого князя литовского Витовта, митрополита Фотия и др.), и нестабильность ситуации в самом Улусе Джучи, где как раз в этот период начался виток борьбы за власть, а также – «моровое поветрие», т. е. эпидемию чумы, поразившей как ордынские владения, так и русские земли². В период этого выжидания, в 1428 г., Юрий Дмитриевич даже подписал с племянником докончание по поводу города Дмитрова, оставшегося выморочным после смерти его бездетного брата Петра Дмитриевича, в котором впервые формально признал себя его «младшим братом».

¹ Полное собрание русских летописей. Т. XXV. С. 247. См. также: *Halperin Ch.J. The Tatar Yoke*. P. 158.

² *Ковалев-Случевский К. Юрий Звенигородский*. С. 295–296.

Однако в 1430 г. умирает Витовт Литовский, а в следующем году – митрополит Фотий, являвшиеся наиболее значительными и влиятельными гарантами мира между московским и звенигородским князьями¹. В том же 1431 г. Юрий Дмитриевич вернул Василию Васильевичу договор 1428 г., тем самым отказавшись от признания старшинства племянника и вновь сделав ставку на ханское решение. К этому времени на троне Золотой Орды уже несколько лет пребывал Улуг-Мухаммад, демонстрируя тем самым прочность своей власти², так что, большинство препятствий для обращения к суду сюзерена было устранено. Весьма характерно, что, несмотря на то, что намерение прибегнуть к ханскому суду Юрий Дмитриевич неоднократно выражал ранее, он, согласно летописным сообщениям, официально согласовал свое намерение с племянником, который даже раньше его выехал в Орду: московский князь отправился в путь в августе, а звенигородский – в сентябре 1431 г. Собственно, с этого момента в летописях начинается подробный рассказ об интересующем нас судебном разбирательстве³.

Прибыв в ханскую ставку, оба князя остановились у некоего Мин-Булата, которого летописец называет «дорогой Московским». Другой или баскаком в монгольской имперской традиции именовались чиновники, назначавшиеся ханами в качестве наместников областей или же представителей Орды в вас-

¹ См.: *Вернадский Г. В.* История России: Монголы и Русь. С. 306; *Горский А. А.* Москва и Орда. С. 142; *Зимин А. А.* Витязь на распутье С. 43–44; Вполне обоснованным представляется мнение И. Г. Пономаревой о том, что и князь Витовт, и митрополит Фотий, и другие упомянутые в завещании Василия I исполнители его воли (в т. ч. его родные и троюродные братья) являлись не «правительством» в малолетство Василия II, а лишь гарантами исполнения завещания, см.: *Пономарева И. Г.* Кто управлял Московским великим княжеством в 1425–1432 гг.? С. 192–197.

² См.: *Шпулер Б.* Золотая Орда. Монголы в России. 1223–1502 / Пер. с нем., и коммент. М. С. Гатина. Казань, 2016. С. 188–189.

³ Полное собрание русских летописей. Т. XII. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 15–16; Полное собрание русских летописей. Т. XXV. С. 249–250.

сальных владениях и отвечавшие как за управление, так и за сбор налогов. Как уже отмечалось выше, в летописных источниках упоминаются такие сановники и применительно к русским землям, но не позднее XIII в.: в следующее столетие таковые в летописях не фиксируются. И вот неожиданно в первой трети XV в. вновь появляется даруга, да еще и московский¹. Принимая во внимание политическую ситуацию в Золотой Орде, начиная со второй половины XIV в. и специфику ее отношений с русскими княжествами, не приходится сомневаться в том, что на территории Московского княжества Мин-Булат не пребывал. Как мы уже отмечали в первой главе, скорее всего, он являлся своего рода «экспертом» при хане по вопросам его «русской» политики, и это объясняет его пребывание при ханской ставке.

Для русских князей резиденция московского даруги, по-видимому, являлась чем-то вроде русского дипломатического представительства на территории Улуса Джучи. Поэтому вполне логичным представляется, что именно у него остановились оба претендента на великое княжение на период начала суда, в частности – для подачи прошения о разбирательстве их спора ханом. Согласно летописцам, от Мин-Булата Василию Васильевичу сразу же «честь бе велика», тогда как на долю его дяди достались «бесчестие, истома велика». Полагаем, этот пассаж призван продемонстрировать вышеупомянутое сочувствие автора (или его информатора) князю Юрию и дать понять читателям, насколько изначально необъективен был ордынский сановник. Но вряд ли стоит ему безоговорочно доверять, поскольку сам же летописец далее сообщает, что представитель московского князя Иван Дмитриевич Всеволожский позднее старался привлечь на сторону своего патрона Мин-Булата наряду с другими «князьями ордынскими»².

Итак, начало разбирательству было положено: князья озвучили предмет спора и, вероятно, хан (несомненно, после ритуального получения даров от

¹ См.: *Маслова С. А.* Институты ордынской власти над Русью. С. 69, 74

² *Зимин А. А.* Витязь на распутье. С. 45. См. также: *Ковалев-Случевский К.* Юрий Звенигородский. С. 298.

своих русских вассалов) выразил согласие рассмотреть его. Однако после этого следует сообщение, что в ответ на суровое обращение Мин-Булата с Юрием Дмитриевичем «князь великы Ординський Ширин Тегыня» «взят его [князя Юрия – *Р. П.*] силою у Миньбулата и великое княженъе обеща ему дати», после чего вместе со звенигородским князем отправился в свои владения в Крыму, тогда как князь Василий остался в ханской ставке.

«Ширин Тегыня» хорошо известен по восточным источникам: это Текне (Декне) – влиятельный золотоордынский государственный деятель, сын Урук-Тимура из рода Ширин. Его отец, согласно крымско-татарским историческим сочинениям, умертвил небезызвестного темника Мамай по приказу Токтамыша, за что благодарный хан позволил ему жениться на представительнице ханского рода¹. Сам Текне, также женатый на джучидской царевне, активно участвовал в золотоордынских междоусобицах начала XV в.² и в то же время обустроивал собственные владения в Крыму. Именно он считается родоначальником крымского рода карачи-беев Ширинских, представители которого на протяжении всего времени существования Крымского ханства занимали в нем высшие государственные должности и первенствовали среди знати. Высокое положение этого сановника, по мнению исследователей, и позволило ему предпринять в отношении Юрия Звенигородского столь решительные действия, которые они связывают с желанием эмира привлечь на свою сторону влиятельного и воинственного русского князя. Правда, при этом выражается недоумение, как это «Тегыне» удалось увезти участника разбирательства в Крым, «не обидев» хана³.

¹ *Абдулгаффар Кырыми*. Умдет ал-ахбар. Кн. 2: Перевод / Пер. со староосм. Ю. Н. Каримовой, И. М. Миргалеева. Казань, 2018. С. 66.

² *Тизенгаузен В. Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. II. С. 193–194.

³ *Ковалев-Случевский К.* Юрий Звенигородский. С. 303. Автор также высказывает предположение, что отъезд Юрия в Крым мог быть связан как раз с теми «унижениями», которые он испытал от собственного племянника и даруги Мин-Булата, см.: Там же. С. 301.

Как представляется, действия Текне Ширина не были предприняты им по собственному усмотрению и, уж конечно, не преследовали цели «обидеть» Улуг-Мухаммада. Скорее всего, эмир выполнял ханскую волю, разделяя двух участников спора, чтобы предотвратить их сговор или же воздействие на ордынских сановников, имеющих отношение к разбирательству. Подобные процессуальные действия мы уже имели возможность наблюдать выше, при рассмотрении в 1318 г. дела Михаила Ярославича Тверского и Юрия Даниловича Московского. Таким образом, ни о каком несанкционированном отъезде князя Юрия Дмитриевича в Крым говорить не приходится: эмир Текне стал одним из его представителей-ходатаев в ханском суде, и, пребывая в его владениях, претендент на великое княжение обсуждал с ним наилучшую стратегию защиты своих интересов – возможно, также предпринимая меры по сбору дополнительных доказательств. Скорее всего, именно этим следует объяснить, почему князь Юрий вместе с Текне Ширином прибыли на ханский суд только весной следующего, 1432 г.

Тем жесамым занимался и оппонент звенигородского князя Василий Московский: его представитель И. Д. Всеволожский, в свою очередь, прибег к покровительству влиятельных ордынских сановников как ходатаев в пользу своего повелителя. Среди них, наряду с вышеупомянутым Мин-Булатом, фигурирует еще один влиятельный государственный деятель – « великий князь Айдар». Это – эмир Хайдар из еще одного могущественного ордынского аристократического рода Кунграт, также старший эмир Улуг-Мухаммада, неоднократно предводительствовавший его войсками, в частности, в конфликтах с литовскими правителями¹. Таким образом, обе стороны заручились поддержкой практически равных по статусу ордынских сановников².

¹ См., напр.: *Селезнев Ю. В.* Элита Золотой Орды. Научно-справочное издание / Ред. И. М. Миргалеев. Казань, 2009. С. 28. См. также: *Абдулгаффар Кырми.* Умдет ал-ахбар. С. 84.

² Неслучайно, стараясь привлечь Мин-Булата и Хайдара на сторону князя Василия, И. Д. Всеволожский указывал им, что союз Текне Ширина с Юрием, а через него – и с литов-

Надо полагать, ко времени прибытия Юрия и Текне из Крыма представители каждой из сторон уже довели до хана позицию сторон, представленными ими доказательства своей правоты и пр., и Улуг-Мухаммад был готов приступить к официальной части процесса – собственно судебному разбирательству. На это указывает упоминаемая летописцем ханская угроза, адресованная Текне: «аще речеть Тегиня за князя Юрья о великом княженъе, – то убити его повелеваю». Обычно исследователи интерпретируют эту фразу как результат наговора И. Д. Всеволожского на Юрия и Текне и свидетельство обострения отношений между ханом и его эмиром. Однако, опять же, попытаемся интерпретировать ее в историко-процессуальных категориях. Поскольку хан уже ознакомился с «материалами дела», он не намеревался выслушивать заново доводы Текне, которые тот уже имел возможность представить на «подготовительной стадии» разбирательства, и выразил свою позицию, вероятно, в соответствии с риторикой своего времени¹. Нельзя не обратить внимания, что о ханской «угрозе» Текне сообщает его же племянник Усеин, который являлся «постельничим» хана. Это позволяет сделать, что хан намеренно допустил «утечку информации» (вряд ли он случайно озвучил бы свои угрозы в присутствии прислужника, о родственных связях которого был прекрасно осведомлен²), тем самым решив сразу две проблемы: предупредил Текне о недопустимости давления на суд и в то же время не унизил могущественного эмира публичной угрозой.

Официальное судебное разбирательство должен был осуществлять не только хан, но и представители ордынской знати: «царь же повеле своим кня-

ским великим князем Свидригайло, приведет к тому, что будет «Тегиня в Орде и во царе волен, не молвив вас», т. е. существенно изменится баланс политических сил в Улусе Джучи. См. также: *Вернадский Г. В.* История России. Монголы и Русь. С. 306.

¹ См. также: *Halperin Ch.J.* The Tatar Yoke. P. 159.

² По мнению казанского исследователя М. М. Акчурина, Усеин, опасаясь наказания ханом за передачу его слов своему дяде, бежал в Мещеру, став родоначальником местной ветви Ширинов – будущих князей Мещерских, см.: *Акчурин М. М.* Легенда о ширинском князе Бахмете Усейнове // Тюркологический сборник. 2011–2012. Политическая и этнокультурная история тюркских народов и государств. М., 2013. С. 6.

зем судити князи Русских». Однако это не означает, что Улуг-Мухаммад устранился от участия в суде, как сделал этот в 1318 г. хан Узбек, полностью доверив разбирательство дела князей Михаила Тверского и Юрия Московского своим эмирам. Летописец специально подчеркивает, что стороны во время разбирательства обращались непосредственно к «царю», и судебное решение тоже официально озвучил именно он. Участие сановников в ханском суде может объясняться, на наш взгляд, двумя причинами. Первая – это особенности политической ситуации в Улусе Джучи: хану нужно было всячески демонстрировать, что он учитывает мнение своих влиятельных эмиров. Вторая же причина – сложность и значительность самого дела. В любом случае, подбор «судейской коллегии», несомненно, требовал долгих размышлений хана, и это также может быть одной из причин, по которым разбирательство затянулось на долгие месяцы¹.

Наибольший интерес с процессуальной точки зрения вызывают «прения сторон» в суде («много пря бысть меж и») и, соответственно, представляемые ими доказательства собственной правоты. Князь Юрий Дмитриевич Звенигородский сделал упор на то, что добивается великого княжения в силу традиции, подкрепляя свои права «летописци и старыми списки и духовною отца своего великого князя Дмитрея». Анализ истории взаимоотношений властителей Золотой Орды с русскими вассалами позволяет утверждать, что при утверждении кандидата на великое княжение ханы в большинстве случаев руководствовались именно традиционными русскими основаниями легитимации, поскольку следование им обеспечивало признание нового верховного правителя Владимирской Руси остальными князьями. Лишь в исключительных случаях ордынские ханы или временщики шли на нарушение этого порядка, как это было, например, в случаях с ханом Узбеком (возведение на великий трон Юрия Московского в 1317 г.) и беклер-беком Мамаем («торг» за великое княжение

¹ Ср.: Ковалев-Случевский К. Юрий Звенигородский. С. 302.

между Михаилом Тверским и Дмитрием Московским в 1371–1375 гг.)¹. С этой точки зрения доводы Юрия Звенигородского, несомненно, были весьма убедительны в глазах Улуг-Мухаммада.

Вероятно, именно поэтому представлявший интересы Василия Московского боярин Всеволожский не решился сослаться на завещание Василия I, сына и преемника Дмитрия Донского, которое с формально-юридической точки зрения, казалось бы, должно было иметь большую юридическую силу как оформленное позднее, чем аналогичный документ его отца². Опираясь только на традиционные основания легитимации власти, Всеволожский не сумел бы добиться преимущества своего патрона в суде – в лучшем случае он уравнивал бы шансы племянника с дядиными. В результате он привел иные доводы, которые и обусловили победу Василия.

Он обратил внимание хана, что Василий Васильевич «ищет стола своего великого княжения, а твоего улусу, по твоему цареву жалованию и по творим девтерем и ярлыком, а се твое жалование перед тобою»³. Юрий же, по словам Всеволожского, «хочет взяти великое княжение по мертвой грамоте отца своего, а не по твоему жалованию волного царя». Тем самым Всеволожский весьма грамотно с юридической точки зрения противопоставил желание князя Василия выказать себя верным и покорным вассалом золотоордынского хана, действующим по его «девтерем и ярлыком» намерению Юрия опираться исключительно на старину, как бы игнорируя ханское мнение по вопросу наследования великого княжения⁴.

¹ В пользу такого мнения свидетельствуют, в частности, такие факты, что ни хан Токтамыш в противостоянии с Дмитрием Донским в 1382 г., ни эмир Едигей при конфликте с его сыном Василием I в 1408–1409 гг. не предпринимали попыток лишить их великого княжения и передать его другим претендентам.

² На это уже обращал внимание Ч. Гальперин, см.: *Halperin Ch. J. Tsarev Ulus: Russia in the Golden Horde*. P. 80.

³ *Halperin Ch. J. Tsarev Ulus: Russia in the Golden Horde*. P. 80.

⁴ К. П. Ковалев-Случевский рассматривает характеристику И. Д. Всеволожским завещания Дмитрия Донского в качестве «мертвой грамоты» как попытку объявить ее недей-

Безусловно, в глазах хана подобный аргумент должен был выглядеть весьма убедительно – особенно, если учесть, что к этому времени его власть над русскими вассалами весьма существенно уменьшилась. Правда, в таком случае возникает вопрос: на какие именно «деветери и ярлыки» мог сослаться Иван Дмитриевич Всеволожский? Дело в том, что после смерти Василия I в 1425 г и вплоть до обращения в ханский суд в 1431 г. ни один из претендентов не озаботился получением ханского ярлыка, подтверждающего его статус – а между тем, права и Дмитрия Донского, и его сына-преемника такими ярлыками были подтверждены, причем неоднократно! Боярин князя Василия упирал на то, что его патрон готов в своих претензиях опираться только на ханскую волю, но ведь и приезд на суд джучидского правителя князя Юрия означал такое же его намерение – более того, он его высказывал как раз еще с 1425 г.

В связи с этим следует обратить внимание на другой аргумент Всеволожского, который не всегда принимается во внимание исследователями: что Василий Васильевич «который год сидит на своем столе, на твоём жалованье, тебе, своему государю правяся, волному царю, а самому тебе ведомо». Н. М. Карамзин и С. М. Соловьев в свое время, думается, совершенно правильно истолковали этот аргумент так, что хан, позволив Василию шесть лет занимать московский (и, соответственно, владимирский) престол, не сместив его и не утвердив вместо него кого-то другого, тем самым de-facto признал законность его правления¹. Следует добавить, что этот аргумент, скорее всего, не был спонтанно озвучен боярином Всеволожским. Давность правления и ранее была признаком

ствительной, см.: *Ковалев-Случевский К.* Юрий Звенигородский. С. 299. Однако, во-первых, вряд ли сам Василий II (даже будучи готов на все ради великого княжения) позволил бы своему боярину столь уничижительно отозваться о завещании собственного деда – тем более что в нем впервые великое княжение владимирское фигурировало как «отчина» московской правящей династии. Во-вторых, термин «мертвая грамота» представляется не вполне определенным: в разных исторических памятниках он обозначает и посмертную волю, т. е. просто завещание, и даже... смертный приговор!

¹ *Карамзин Н. М.* История государства Российского. Т. V. М., 1993. С. 142; *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. Кн. II. Т. 3–4. С. 384.

законности власти в Орде, что вытекает, в частности, из послания эмира Едигея великому князю Василию I 1409 г., после неудачного похода на Москву: «и ныне царь Булат-Салтан сел на царстве и уже третий год царствует, такоже еси ни сам не бывал, ни сына, ни брата, ни старейшего боарина не присылывал»¹, т. е. великий князь не продемонстрировал признания власти ханасюзерена, доказавшего свою законность длительностью правления. После слов Всеволожского получалось, что если бы хан, столько лет молчаливо признававший пребывание Василия II на великокняжеском престоле, вдруг передал бы этот престол другому князю, он продемонстрировал бы тем самым свое непостоянство и непредсказуемость. А это уже, в свою очередь, могло бы повлиять на отношение к нему и со стороны собственных подданных.

Скорее всего, именно сочетание этих аргументов вместе с убедительной поддержкой могущественных ходатаев обусловили принятие ханом решения в пользу Василия Московского. Однако утверждение его в достоинстве великого князя (с соответствующим ярлыком) не стало окончанием процесса. Летописцы также описывают, как хан «повеле князю Юрию и конь повести под ним. Князь же великы не восхоте того, дядю своего обесчестити». На наш взгляд, это довольно странное ханское решение может означать только одно: что проигравший дело князь Юрий был отдан во власть племянника-победителя – точно так же, как произошло с участниками спора по поводу Муромы 1355 г., с той только разницей, что московский князь не решился злоупотребить своей властью в отношении дяди.

Далее летописцы говорят о том, что Текне Ширин, недовольный решением хана, выказал намерение «отступить от него», а как раз в это время на Улуг-Мухаммеда пошел походом его конкурент в борьбе за ордынский престол Кичи-Мухаммад. Оказавшись «между двух огней», хан предпочел «створи по Тегинину слову, да придал князь Юрье к его вотчине Дмитров с властью всеми». Получается, что, приняв решение, хан в силу последовавших политических событий счел возможным пойти на определенный компромисс и в отношении

¹ Полное собрание русских летописей. Т. XI. С. 210.

проигравшего князя Юрия. Однако в «канонических» летописях не указывается, почему речь шла именно о Дмитрове.

Ответ на этот вопрос содержится в так называемом «Медоварцевском летописце» – одной из кратких неофициальных летописей Московского государства первой половины XVI в. Опираясь на Московский летописный свод конца XV в., его автор практически дословно передает его содержание и в отношении анализируемого нами ханского суда. Однако после эпизода о ханском приказе Юрию вести коня Василия и нежелания вновь утвержденного великого князя от унижения дяди он приводит слова самого звенигородского князя: «Государь наш, волной царь, учинил волю свою, как хотел: мене, холопа своего, не жалуя, мою седину старую обесчестил, великое княжение дал младенцу. И ныне бы государь, волной царь, вашим печалованием к моей вотчинке пожаловал, придал Дмитров, а мою старость не до конца оскорбил», а уже затем повествуется о вышеупомянутых действиях Текне при приближении войск Кичи-Мухаммада¹. Это сообщение не только позволяет понять причины требования ширинского эмира, но и выделить еще один элемент судебного процесса – своеобразное «последнее слово» проигравшего спор, посредством которого он имел возможность в какой-то мере повлиять на степень жесткости решения, принятого в пользу его противника. Как мы уже упоминали, Дмитров стал выморочным после смерти князя Петра Дмитриевича в 1428 г., и соперничавшие дядя с племянником оба предъявили на него права, но Василий присоединил его к великокняжескому уделу. Соответственно, теперь князь Юрий поспешил воспользоваться возможностью получить желаемое княжество, на что ему и был выдан ханский ярлык.

Тем не менее, победа была признана за Василием II, что подтверждает факт приезда с ним ханского посла «Мансыра-улана» (Мансура-оглана), кото-

¹ Лурье Я. С. Рассказ о боярине И. Д. Всеволожском в Медоварцевском летописце // Памятники культуры: новые открытия. Письменность, искусство, археология. Ежегодник, 1977. Л., 1977. С. 9–10. См. также: Зимин А. А. Витязь на распутье. С. 47.

рый и провел церемонию возведения его на великокняжеский престол. Причем она впервые была проведена в Москве, а не во Владимире.

Остается выяснить, насколько спорившие князья намеревались следовать ханскому решению в условиях существенно изменившейся политической ситуации, иными словами – какова была его юридическая сила с учетом фактических обстоятельств. Мнения исследователей по данному вопросу представляются довольно противоречивыми. Одни говорят об обращении князей в суд хана как о «решающем раунде» их спора за великое княжение¹. Другие не сомневаются в том, что князья и не собирались исполнять его (что и подтвердили последующие междоусобицы, продлившиеся в общей сложности четверть века)².

Безусловно, нельзя не согласиться, что у хана к этому времени, и в самом деле, не было достаточно возможностей для контроля исполнения своего решения русскими вассалами. Сами князья, конечно же, тоже не могли не осознавать того, что «и прежние князья мало обращали внимания на решения ханские», так «могли ли повиноваться им сын и внук Донского?»³. В таких условиях обращение к хану, который не мог обеспечить подчинения князей своему решению, выглядит не столько как «решающий раунд» в споре дяди и племянника, сколько как жест отчаяния, желание воспользоваться любой, даже самой слабой возможностью выйти из тупиковой ситуации, в которой они оказались в начале 1430-х гг.

Нежелание следовать ханскому решению вскоре продемонстрировали оба князя: сначала, в конце 1432 г., Василий II занял спорный Дмитров, тем самым

¹ *Зимин А. А.* Витязь на распутье. С. 45; *Ковалев-Случевский К.* Юрий Звенигородский. С. 297.

² *Вернадский Г. В.* История России. Монголы и Русь. С. 307; *Горский А. А.* Москва и Орда. С. 142–143; *Камалов И. Х.* Золотая Орда и русский улус (татарское влияние на Россию) / Пер. с тур. И. М. Миргалеева. Казань: Ин-т истории АН РТ, 2016. С. 100; *Назаров В. Д.* Династическая война московских Рюриковичей. Прелюдия 1432 г. // Комплексный подход в изучении Древней Руси: Материалы X Международной научной конференции. 9–13 сентября 2019 года, Москва. М.: ИРИ РАН, 2019. С. 140.

³ *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. Кн. II. Т. 3–4. С. 383.

не признав ярлык на него, полученный Юрием Звенигородским. А в начале следующего года (после знаменитой ссоры на свадебном пиру великого князя по поводу пояса Василия Косого), Юрий Дмитриевич разгромил племянника, занял Москву и провозгласил себя великим князем, в свою очередь, нарушив уже предписания ярлыка, выданного Василию. Однако когда он в том же, 1433 г. добровольно отказался и от великого княжения, и от Дмитрова, дядя с племянником обменялись грамотами, в которых предусматривалось, что ярлык на это княжество будет передан Василию II¹.

Это позволяет сделать вывод, что князья «по инерции» все еще продолжали считать ханские ярлыки важными источниками права, хотя уже и далеко не обладающими высшей юридической силой, а, скорее, дополнительными. Надо полагать, именно так оба правителя отнеслись и к решению Улуг-Мухаммада, который в данном случае *de-facto* выступил уже не столько как государь-сюзерен по отношению к вассалам, а сколько как третейский судья, выбранный сторонами для разрешения конфликта, который они не сумели урегулировать самостоятельно². Окончательный же отказ от обращения к ханскому суду в дальнейшем ознаменовало заключение Василием II вскоре после возвращения от Улуг-Мухаммада целой серии договоров с удельными князьями, в которых последним предписывалось «Орды не знати»³.

Подводя общие итоги анализа судебных дел русских князей, разбиравшихся перед ханским судом, можно сделать вывод, что ханский суд предполагал

¹ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. С. 76, 78.

² В связи с этим нельзя не провести параллель с другим выбором судьи-посредника: в 1375 г. Дмитрий Иванович Московский, заключая докончание с Михаилом Александровичем Тверским, предложил возложить обязанности урегулирования их возможных споров в будущем «на князя на великого на Ольга», т. е. на Олега Ивановича Рязанского, см.: Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. С. 28. Как видим, вопрос о суде хана-сюзерена вообще не поднимается. Конечно следует учитывать, что в это время у великого князя было «розмирье» с Ордой, но ведь и в первой трети XV в. отношения русских князей с джучидскими правителями также были весьма нестабильными.

³ См.: *Зимин А. А.* Витязь на распутье. С. 51, 60; *Шпулер Б.* Золотая Орда. С. 189.

четко отработанную процедуру, включавшую исковое требование, предварительный сбор доказательств сторонами в свою пользу, поиск ходатаев, последовательное отстаивание своей позиции в судебном заседании и, наконец, принятие решения, оформлявшегося посредством выдачи ханского ярлыка. Оценка доказательств в виде как показаний ходатаев (своего рода поручителей) и свидетелей, так и письменных документов (завещаний и пр.) также представляется в ордынском ханском суде достаточно отлаженной.

Гораздо менее четко регламентированной была правовая основа принятия ханом своего решения по конкретному делу. Практически ни в одном споре мы не наблюдаем отсылок к нормам монгольского имперского права, зато почти всегда хан принимает решение по собственному усмотрению, иногда – с учетом мнения своих сановников-судей, а также и самих русских традиций и политической ситуации в русских землях.

При этом далеко не всегда принятие ханом решения являлось окончательным улаживанием конфликта. Даже во времена прочного контроля ордынских сюзеренов над русскими княжествами спорившие могли пересмотреть его по взаимному согласию, когда же власть Улуса Джучи над русскими землями ослабла, князья могли просто-напросто игнорировать волю хана, не имевшего возможности обеспечить беспрекословное исполнение своей воли вассалами. Это дает дополнительное основание говорить о значительной автономии русских князей в своих владениях и лишь в исключительных случаях признания действия в них ордынского права (в виде ханских ярлыков – судебных решений).

§ 5. ПОТОМКИ ЗОЛОТООРДЫНСКИХ ХАНОВ ПЕРЕД РУССКИМ СУДОМ¹

Предыдущие главы книги мы завершали анализом событий, имевших место уже после ухода Золотой Орды с политической арены, чтобы продемонстрировать степень преемственности ордынского правового опыта в Московской Руси и переход к ней инициативы в отношениях с пост-ордынскими государствами. Здесь же мы намерены поступить так же и проследить, как Чингизиды, в прежние века осуществлявшие суд над своими вассалами – русскими князьями, со временем попали в ситуацию, когда им самим приходилось представлять перед судом московских Рюриковичей.

Однако сразу следует обратить внимание, что, в отличие от «ордынских» сюжетов, рассмотренных в данной главе, мы практически не имеем освещения процессуальных аспектов судебных разбирательств, которые русские правители – великие князья, а затем и цари – осуществляли над потомками своих бывших сюзеренов. По крайней мере, источники таких сведений до нашего времени не донесли. В нашем распоряжении имеются весьма лаконичные сообщения, касающиеся обвинений против Джучидов и привлечения их к ответственности, причем в ряде случаев не имеется даже и обвинений.

Такая ситуация складывалась, в частности, в отношении ханов пост-ордынских государств и членов их семейств, которые попадали в плен к московским войскам в результате боевых действий: такие пленники «автоматически» считались виновными и, соответственно, отправлялись в ссылку, где содержались в условиях большего или меньшего ограничения свободы.

Например, в 1487 г., после «первого казанского взятия», хан Али («Алегам») вместе с матерью, супругой, двумя братьями и сестрой, а также с рядом представителей знати попал в плен или, по другим сведениям, сам сдался. Свергнутый правитель с женой был направлен в ссылку в Вологду, другие чле-

¹ Автор искренне благодарен д. и. н. А.В. Белякову, ведущему научному сотруднику ИРИ РАН (Москва) за консультацию по данной тематике.

ны его семейства – на Белоозеро. А «князья и уланы» были объявлены «кормольными» и казнены¹. Ни о каком разбирательстве или даже процедуре принятия великим князем Иваном III решения летописцы не сообщают.

То же самое случилось с тезкой казанского хана – сибирским ханом Али (Алеем), сыном Кучума. Около 1608 г. он был захвачен в плен вместе со своим семейством и тут же отправлен в Ростовский уезд, позднее проживал в Ярославле. Исследователи отмечают, что он «никаким репрессиям... не подвергался»², более того – московские власти вплоть до его кончины в 1649 г. признавали за ним статус сибирского хана³. Тем не менее, тот факт, что он провел остаток жизни не при царском дворе, а в пожалованном ему поместье, а 1640-е гг. – в Касимове, при дворе своего сына Арслана, позволяет предполагать, что русские цари испытывали определенные опасения на его счет, что неудивительно, учитывая противоречивость отношений, которые он выстраивал с Москвой, еще пребывания на сибирском престоле.

Но если «меры пресечения» по отношению к Али ограничились лишь отправкой его в Ростовский уезд и, вероятно, пребыванием под контролем региональной администрации, то его племянник Аблай, сын Ишима и внук Кучума, попавший в плен около 1636 г., был отправлен на Белоозеро – место ссылки многих Чингизидов⁴, причем сохранился целый набор документов, свидетель-

¹ Полное собрание русских летописей. Т. XII. С. 218–219. См. также: Худяков М. Г. Очерки по истории Казанского ханства // На стыке континентов и цивилизаций: Из опыта образования и распада империй X–XVI вв. М., 1996. С. 565; Илюшин Б. А. Мухаммед-Эмин – «царь» казанский: биографический очерк. Казань, 2019. С. 42.

² Трепавлов В. В. Сибирский юрт после Ермака: Кучум и Кучумовичи в борьбе за реванш. М., 2012. С. 76–77.

³ По мнению А. В. Белякова, это признание позволяло русским властям не признавать законности избрания на престол Сибири других потомков Кучума после пленения Али, однако В. В. Трепавлов не без оснований выказывает сомнения в этой причине, учитывая, что царем Сибирским в это время считался уже сам московский монарх, см.: Там же. С. 72.

⁴ Беляков А. В. Чингисиды в России XV–XVII веков. С. 303.

ствующий о том, что его держали не просто в ссылке, а еще и в тюрьме, под охраной¹.

Несколько иначе происходило привлечение к ответственности тех Чингизидов, которые находились на московской службе – «служилых царей» и «царевичей» (соответственно, ханов и султанов): для того, чтобы применить к ним наказание, против них необходимо было, как минимум, выдвинуть обвинение. Но и в этих случаях источники в большинстве своем не содержат никаких сведений о процедуре выдвижения обвинений и последующем судебном разбирательстве.

Так, например, казанский хан Абд ал-Латиф – в отличие от своего старшего сводного брата Али, – в 1502 г. был арестован и отправлен в ссылку на Белоозеро, но с указанием причины: «за его неправду»². Вероятно, основание для ареста и ссылки понадобилось Ивану III, поскольку хан до своего восшествия на казанский престол несколько лет находился на службе у великого князя³, да и в Казани считался его очередным ставленником. Примечательно, что более подробно основания привлечения Абд ал-Латифа к ответственности были представлены Иваном III, по-видимому, не ему самому, а его отчиму – крымскому хану Менгли-Гирею I: «Великий князь его пожаловал, посадил на Казани, а он ему начал лгать, ни в каких делах управы не чинил, да и до земли Казанской учал быть лих»⁴.

В 1508 г. Абд ал-Латиф был возвращен из ссылки уже Василием III и получил в управление другой город – Юрьев-Польский, однако четыре года спу-

¹ *Беляков А. В.* Лишение свободы сибирского царевича Аблая Бен Ишима в Белоозере в XVII в. // *Очерки истории уголовно-исполнительной системы* / Под ред. С. С. Выхоря, А. В. Сумина. Иваново, 2019. С. 247–257, 410–429.

² Полное собрание русских летописей. Т. XII. С. 255.

³ С.Н. Кистерев обращает внимание, что о конкретных служебных обязанностях Абд ал-Латифа до воцарения в Казани в 1497 г. ничего неизвестно – за исключением его управления Звенигородом, см.: *Кистерев С. Н.* Абдыл-Летиф и Мухаммед-Эмин на Руси рубежа XV-XVI столетий // *Звенигород за шесть столетий*. М.: URSS, 1998. С. 73.

⁴ Цит. по: *Худяков М. Г.* Очерки по истории Казанского ханства. С. 573.

стя, в 1512 г., был обвинен в содействии набегу крымских царевичей Ахмед-Гирея и Бурнаш-Гирея на русские земли, что послужило основанием для лишения его и этого удела¹.

В 1533 г. опале подвергся еще один «служилый царь» – Шах-Али б. шейх-Алияр, потомок астраханских Джучидов, успевший к этому времени побывать уже касимовским и казанским ханом. Его обвинили в том, что «он правду свою порушил, учал ссылаться в Казань и в иные государства без великого князя ведома» Василий III велел великий князь сослать его на Белоозеро и с царицею и посадил за сторожи», да еще и «отобрав от него все имение»². Лишь два года спустя Шах-Али освободили – по просьбе казанской знати, которая вновь призвала его на трон³.

Привлекали к ответственности даже небезызвестного Симеона Бекбулатовича, номинально занимавшего трон Московского царства в 1575–1576 гг. После его смещения он получил не менее номинальный титул великого князя тверского, обладал значительными владениями и, соответственно, доходами. Неудивительно, что и московские власти, и представители аристократии и чиновничества могли испытывать определенные опасения на его счет, не говоря о банальной зависти. О том, как подвергали преследованиям этого Джучида, сохранилось немного больше информации – в частности, о доносах, которые делали против него. Так, в 1600/1601 г. некий подьячий Семенко Рыжов подал челобитную царю Борису Годунову, в которой обвинял Симеона в намерении убить монарха, а потом отъехать либо в Крымское ханство, либо в Ногайскую Орду, либо в Литву. Однако, несмотря на то, что в свое время Симеон Бекбулатович даже выступал конкурентом Бориса Федоровича во время избрания на трон на земском соборе 1598 г., донос не был принят. Но в 1603 г. донос был

¹ Худяков М. Г. Очерки по истории Казанского ханства. С. 583; Беляков А. В. Чингисиды в России XV–XVII веков. С. 280–281.

² Вельяминов-Зернов В. В. Исследование о касимовских царях и царевичах. Ч. I. СПб., 1863. С. 281–282.

³ Беляков А. В. Чингисиды в России XV–XVII веков. С. 303.

повторен, и на этот раз принят: великий князь Симеон был сослан в село Кушалино Кашинского уезда¹. Тот факт, что о его ссылке упоминается в источнике параллельно со ссылкой представителей русской знати – «Воротынских да Петра Головина», позволяет сделать вывод, что преследование бывшего московского царя могло объясняться чрезвычайной ситуацией в стране: на западных рубежах уже действовал Лжедмитрий I, и в таких условиях центральным властям и лично монарху было достаточно даже подозрения в отношении лиц, и ранее внушавших беспокойство, чтобы принять против них карательные меры. Как и во всех других случаях, в источниках мы не находим сведений о каких бы то ни было судебных разбирательствах и правовых основаниях для ссылки Сименона Бекбулатовича.

В 1634 г. был схвачен астраханским воеводой и посажен в тюрьму Каная, потомок Идигу (Едигея), бий Большой Ногайской Орды, являвшийся ставленником российских властей, но заподозренный в сговоре с калмыками. Опять же, сведений о судебном разбирательстве источники не сохранили, однако довольно подробно освещены действия астраханской администрации по сбору информации о действиях Каная, опросу ногайских мирз, получению доносов от недругов бия – в частности, его кековата (предводителя левого крыла Ногайской Орды) Джан-Мухаммада. Несмотря на неоднократные прошения Каная, уверявшего российские власти в своей невиновности, он оставался в тюрьме до самой смерти в 1639 г.²

Несколько иначе велось разбирательство по делу еще одного Джучида – султана Авган-Мухаммада, сына хивинского хана Араб-Мухаммада, который покинул родное ханство в 1622 г. в результате междоусобицы, начатой его бра-

¹ *Беляков А. В.* Симеон Бекбулатович: пример адаптации выходцев с Востока в России XVI в. СПб., 2022. С. 267–268. Примечательно, что С. Рыжов впоследствии даже выражал недовольство, что не получил никакого вознаграждения за свой извет, см.: Там же. С. 308–309.

² *Ахмадуллин С. З., Трепавлов В. В.* Финал Ногайской государственности. Тюремные послания бия Каная // Новое прошлое. 2022. № 1. С. 246–258.

тьями Ильбарсом II и Хабашем. Он был принят царем Михаилом Федоровичем и поселился в Москве, причем даже изредка появлялся при царском дворе и общался с самим российским монархом. Однако уже в 1624 г. в его резиденции был устроен обыск, результатом которого стало обнаружение переписки с персидским шахом, бухарскими и хивинскими властями, да еще и содержавшей «непригожие слова». Было начато следствие, результатом которого стал арест «дядьки» (аталыка), и «абыза» (секретаря) Авган-Мухаммада, которых подвергли пыткам, а после показаний отправили в ссылку – соответственно, в Новгород и Сольвычегодск, конфисковав значительную часть их имущества; освобождены они были лишь в 1633 г. после многократных просьб Авган-Мухаммада. Правда, самого царевича московские власти не тронули, понимая, что в силу своего малолетства (ему в 1624 г. исполнилось только тринадцать лет) он вряд ли мог принимать активное участие в этих событиях. Тем не менее, при его дворе с этого времени постоянно находился пристав, и его послания среднеазиатским родичам, а также их ответы сначала поступали в Посольский приказ, переводилось, и лишь после этого отправлялись адресатам¹.

Особняком стоит одно крайне интересное разбирательство, связанное с «местничанием», т. е. спором о знатности рода и, соответственно, праве на занятие более высоких должностей, более почетных мест на официальных церемониях и пр. Речь идет о споре между князем Михаилом Алексеевичем Голицыным и крещеным сибирским царевичем Григорием Алексеевичем (потомком сибирского хана Кучума), имевшем место летом 1679 г. Князь отказался участвовать в крестном ходе из-за царевича, спрятавшись «меж кирпичю» (в кирпичном сарае) на берегу реки Москвы². Разбирательство данного дела в процессуальном отношении вряд ли отличалось от других многочисленных местнических дел – между различными представителями высшей русской знати, – одна-

¹ *Беляков А. В.* Царевич Авган-Мухаммед ибн Араб-Мухаммед в России первой половины XVII в. // Тюркологический сборник. 2006. М., 2007. С. 100–101.

² *Эскин Ю. М.* Очерки истории местничества в России XVI–XVII вв. М., 2009. С. 188; *Трепавлов В. В., Беляков А. В.* Сибирские царевичи в истории России. СПб., 2018. С. 414.

ко принципиальных отличий было, как минимум два. Во-первых, это был единственный случай местнического спора, в котором участвовал потомок Чингис-хана – ведь даже в XVII в., согласно свидетельствам современников (в частности, Г. К. Котошихина), Чингизиды были «честью... бояр выше», т.е. при любом раскладе в итоге разбирательства их первенство было бы бесспорным – и в данном случае решение было вынесено в пользу царевича Григория Алексеевича¹.

Другим отличием этого дела стало то, что, помимо судебного решения непосредственно по спору, 2 октября того же 1679 г. был принят специальный нормативный акт – именной указ царя Федора Алексеевича «О ненаблюдении расчетов местничества по нарядам в крестные ходы для препровождения святых икон под опасением за неповиновение строжайшего наказания»². Более того, по мнению исследователей, именно этот спор мог стать прямым поводом для окончательной отмены системы местничества три года спустя, в 1682 г.³

Таким образом, анализ источников позволяет сделать вывод, что хотя Чингизиды в Московском государстве XVI–XVII вв. и занимали весьма высокое и почетное положение, нет никаких оснований считать, что они пользовались особыми привилегиями в случае привлечения к ответственности по сравнению с другими представителями русской знати. Более того, если в вопросах организации управления и правового регулирования отношений московские власти заимствовали многочисленные институты и принципы из золотоордынской юридической практики, то в вопросе суда таковых не было. Решение вопросов

¹ *Беляков А. В.* Чингизиды в России XV–XVII веков. С. 403, 412. Тем не менее, сам факт местнического спора Джучида с представителем русской знати (Голицыны являлись потомками литовского великого князя Гедимина) свидетельствует об определенной утрате потомками Чингис-хана своего приоритетного положения среди московской аристократии – в частности, А. В. Беляков отмечает, что они уступили первое место грузинским царям и царевичам, см.: Там же. С. 412.

² Полное собрание законов Российской империи. Т. II. СПб., 1830. С. 218–219, № 775. См. также: *Эскин Ю. М.* Очерки истории местничества в России XVI–XVII вв. С. 188.

³ *Беляков А. В.* Чингизиды в России XV–XVII веков. С. 403.

о привлечении к ответственности потомков Чингис-хана в Московском великом княжестве, а затем и царстве осуществлялось на тех же основаниях, что и в отношении других представителей аристократии. Надо полагать, это было связано тем, что необходимость привлекать к ответственности столь высокопоставленных подданных возникала лишь в случае совершения ими (или подозрения в совершении) наиболее опасных государственных преступлений – измена, вступление в контакты с врагами и т. п.: такие дела разбирались либо самими русскими правителями единолично, либо совместно с государственной думой. Соответственно, такой «экстраординарный процесс» не подразумевал соблюдения тех следственных и судебных процедур, которые были необходимы при разбирательстве менее серьезных дел, осуществлявшемся представителями властей на основании предписаний норм русского права – в частности Судебников 1497 и 1550 гг.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В этой книге мы постарались исследовать ряд актуальных юридических аспектов взаимоотношений Золотой Орды с русскими землями.

Анализ взаимодействия ордынских и русских властных институтов, осуществленный в первой главе, приводит нас к выводу, что русские земли находились в зависимости от ханов-Джучидов, а не являлись частью – улусом Золотой Орды. Вместе с тем, вопрос о том, как именно закреплялась эта зависимость, как она менялась на разных этапах взаимодействия ордынских ханов и русских князей, несомненно, нуждается в дополнительной проработке. То же касается и проблемы взаимоотношений между ханами Золотой Орды, русскими светскими властями и русской православной церковью: статус последней как непосредственного партнера Джучидов, осуществлявшего прямые контакты с Сараем и не нуждавшегося в санкционировании своих действий Рюриковичами заслуживает гораздо более пристального внимания.

Во второй главе, как полагает автор, ему удалось показать некоторые особенности правовых взаимоотношений между Золотой Ордой и русскими землями на уровне правотворческой деятельности и практической реализации юридически значимых действий. Кроме того, автором в очередной раз был поднята проблематика степени влияния золотоордынских юридических традиций на правовое развитие Руси как в ордынский, так и в пост-ордынский периоды. При этом принципиально важной является проблема, связанная с попытками ряда исследователей найти ордынское влияние там, где его могло и не быть – ведь некоторые правовые институты, имевшие древнерусское происхождение, могли иметь значительные сходства с золотоордынскими аналогами. Естественно, в рамках дальнейшего исследования данной проблематики необходимо гораздо более глубокое ознакомление с правовой традицией Древней Руси доордынского периода.

Подчеркнем, что ряд поставленных вопросов относится к формату постановки проблемы – по некоторым из них лишь намечены пути дальнейших исследований, по другим же автору для их более детальной проработки необходимо взаимодействие со специалистами по древнерусскому праву и средневековым русским актовым материалам.

В третьей главе, посвященной суду ханов Золотой Орды над русскими князьями, автор постарался на основе анализа конкретных судебных процессов выявить общие тенденции процессуальных отношений в Улусе Джучи – в т. ч. не только при разбирательстве дел вассальных русских князей. Как и в предыдущих главах, автор ставил цель показать, насколько важным для дальнейшего изучения отдельных правовых аспектов истории Золотой Орды и русско-ордынских отношений является расширение круга источников, включая материалы, которые, возможно, на первый взгляд могут показаться и не относящимися к исследуемому предмету.

Автор уже неоднократно высказывал мнение, что отношения Золотой Ордой с русскими княжествами не являлись приоритетным направлением ее внешнеполитической деятельности на протяжении большей части существования этого государства. Напротив, для русских земель Улус Джучи на протяжении нескольких веков являлся важнейшим политическим, военным и экономическим партнером. Неудивительно, что в русских источниках содержатся весьма многочисленные сведения по золотоордынской истории, политике, экономике, праву и пр.

Исследователи традиционно сетуют на немногочисленность собственно аутентичных золотоордынских исторических памятников. Эту проблему в значительной степени позволяет решить своевременное, корректное обращение к историческим памятникам русского происхождения, конечно же, в необходимой мере сочетаемое с критическим подходом в их трактовке и оценке. А сравнительный анализ данных русских и других иностранных источников, содержащих сведения об Улусе Джучи, обеспечит объективность полученной информации.

Хочется надеяться, что поднятые вопросы привлекут внимание исследователей и всех, кто интересуется историей русско-ордынских отношений, вызовут интерес и желание продолжить их изучение, вступить в дискуссию с автором, использовать предложенные им методы исследования как для дальнейшего рассмотрения поднятых в книге вопросов или других аспектов взаимоотношения Золотой Орды с русскими землями.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Абдулгаффар Кырыми. Умдет ал-ахбар. Книга 2: Перевод / Пер. со старосм. Ю. Н. Каримовой, И. М. Миргалеева. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2018. 200 с.

Абзалов Л. Ф. Ордынская канцелярия. Казань: Татарское книжное изд-во, 2013. 333 с.

Абзалов Л. Ф., Гатин М. С., Мустакимов И. А., Почекаев Р. Ю. «Дастур ал-катиб» как источник по истории государства, права и канцелярской культуры Золотой Орды (на примере ярлыка о назначении эмира улуса) // Золотоордынское обозрение. 2022. Т. 10. № 4 (в печати).

Абзалов Л. Ф., Гатин М. С., Мустакимов И. А., Почекаев Р. Ю. К вопросу о правовом статусе темника в государствах Чингизидов XIII–XIV вв.: ярлык о назначении эмира тумена из «Дастур ал-катиб» // Золотоордынское обозрение. 2023. Т. 11 (в печати).

Абзалов Л. Ф., Гатин М. С., Мустакимов И. А., Почекаев Р. Ю. К вопросу о статусе монгольского языка в Иране XIII–XIV вв. (по материалам «Дастур ал-катиб») // Монголоведение. 2022. Т. 14. № 1. С. 130–155.

Абзалов Л. Ф., Гатин М. С., Мустакимов И. А., Почекаев Р. Ю. О статусе судей в Монгольской империи и ее улусах в XIII–XIV вв.: опыт междисциплинарного исследования // Вестник Томского государственного университета. История. 2022 (в печати).

Аверкиев С. С. Влияние татар на жизнь русского народа / Сост. И. В. Зайцев; отв. ред. И. М. Миргалеев. Казань: ЯЗ, 2015. 292 с.

Аксанов А. В. Казанское ханство и Московская Русь: межгосударственные отношения в контексте герменевтического исследования. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2016. 288 с.

Акты социально-экономической истории Северо-Западной Руси конца XIV – начала XVI в. Т. I. М.: Изд-во АН СССР, 1952. 804 с.

Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в. Т. III. М.: Наука, 1964. 688 с.

Акундинов Т. Декларация Московскому посольству // *Виршевая поэзия* (первая половина XVII века). М.: Советская Россия, 1989. С. 258–261.

Акчурин М. М. Легенда о ширинском князе Бахмете Усейнове // *Тюркологический сборник. 2011–2012. Политическая и этнокультурная история тюркских народов и государств.* М.: Наука – Восточная литература, 2013. С. 5–10.

Алексеев С. С. Право: азбука – теория – философия: Опыт комплексного исследования. М.: Статут, 1999. 712 с.

Андреева Е. А. Прямая речь в повести о Михаиле Тверском в Никоновской летописи // *Русская речь.* 2011. № 2. С. 70–77.

Андрей Курбский. История о делах великого князя московского / Подгот. изд. К.Ю. Иерусалимского, пер. А.А. Алексеева. М.: Наука, 2015. 944 с.

Анонимный грузинский «Хронограф» XIV в. / Пер. со старогруз. Г. В. Цулая. Вып. I. Текст. М.: Ин-т этнографии и антропологии РАН, 2005. 162 с.

Арапов Д. Ю. Русь и Восток в XIII в.: к вопросу о возможностях русского влияния в монгольской истории // *Источниковедение и компаративный метод в гуманитарном знании: Тезисы докладов и сообщений научной конференции.* Москва, 29–31 января 1996 г. М.: Российский государственный гуманитарный ун-т, 1996. С. 82–84.

Афанасьев В. За верность Христу расчлененный. 735 лет со дня казни 19 июля 1270 г. св. блгв. князя Романа Рязанского // *Русский вестник.* 22.07.2005. Электронная версия с сайта издания: <http://www.rv.ru/content.php3?id=5808>.

Ахмадуллин С. З., Трепавлов В. В. Финал Ногайской государственности. Тюремные послания бия Каная // *Новое прошлое.* 2022. № 1. С. 246–258.

Базарова Т. А. Проблема ежегодных выплат Крымскому ханству на русско-турецких переговорах в первой четверти XVIII в. // *Уральский исторический вестник.* 2021. № 4 (73). С. 183–191.

Бакунин В. М. Описание калмыцких народов, а особливо из них торгоутского, и поступков их ханов и владельцев. Сочинение 1761 года. Элиста: Калмыцкое книжное изд-во, 1995. 153 с.

Белозеров И. В. Религиозная политика Золотой Орды на Руси в XIII–XIV вв. Автореф... канд. ист. наук. М.: Б. и., 2002. 27 с.

Беляев И. Д. История русского законодательства. СПб.: Лань, 1999. 640 с.

Беляев И. Д. О монгольских чиновниках на Руси, упоминаемых в ханских ярлыках // Архив историко-юридических сведений, относящихся до России / Изд. Н. Калачов. Кн. I. М.: Типография А. Семена 1850. С. 97–110.

Беляков А. В. Жизнь Григория Котошихина (по материалам Архива Посольского приказа) // Русский книжник. М.: Пашков дом, 2015. С. 64–86.

Беляков А. В. Лишение свободы сибирского царевича Аблая Бен Ишима в Белоозере в XVII в. // Очерки истории уголовно-исполнительной системы / Под ред. С. С. Выхоря, А. В. Сумина. Иваново: ПресСто, 2019. С. 247–257, 410–429.

Беляков А. В. Симеон Бекбулатович: пример адаптации выходцев с Востока в России XVI в. СПб.: Нестор – История, 2022. 408 с.

Беляков А. В. Служащие посольского приказа 1645–1682 гг. СПб.: Нестор-История, 2017. 368 с.

Беляков А. В. Царевич Авган-Мухаммед ибн Араб-Мухаммед в России первой половины XVII в. // Тюркологический сборник. 2006. М.: Восточная литература, 2007. С. 95–112.

Беляков А. В. Чингисиды в России XV–XVII веков: просопографическое исследование. Рязань: Рязань. Мир, 2011. 512 с.

Березин И. Н. Внутреннее устройство Золотой Орды (по ханским ярлыкам). СПб.: Типография Императорской академии наук, 1850. 24 с.

Березин И. Очерк внутреннего устройства Улуса Джучиева. СПб.: Типография Императорской академии наук, 1863. 112 с.

Березин И. Н. Тарханские ярлыки, данные золотоордынскими ханами русскому духовенству // Казанские губернские ведомости. 1852. № 22. С. 3.

Богданов А. П. Московская публицистика последней четверти XVII века. М.: ИРИ РАН, 2001. 492 с.

Борзаковский В. С. История Тверского княжества. СПб.: Изд. И. Г. Мартынова, 1876. 152 с.

Борисов Н. С. Иван Калита. М.: Молодая гвардия, 2005. 302 с.

Борисов Н. С. Русская церковь в политической борьбе XIV–XV вв. М.: Изд-во Московского ун-та, 1986. 208 с.

Боровков А. К. Опыт филологического анализа тарханных ярлыков, выданных ханами Золотой Орды русским митрополитам // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. Т. 25. Вып. 1. 1966. С. 13–24.

Ботор Т. «А переменить Богъ Орду...». Собрание «выхода» в зеркале духовных и договорных грамот великих московских князей (XIV–XV вв.) // Colloquia Russica. Серия I. Т. 3. Русь в эпоху монгольских нашествий (1223–1480): Материалы III Международной научной конференции, Варшава, 15–17 ноября 2012 г. Краков, 2013. С. 189–197. См. также: *Golden P. B.* Vychod: Aspects of medieval eastern slavic-altaic culturo-linguistic relations // Archivum Eurasiae Medii Aevi. Vol. VII. 1991. P. 83–101.

Булгарин Ф. В. Сведение о подьячем Анкудинове, ложно назвавшимся сыном царя Василья Иоанновича Шуйского // Северный архив. Ч. XXVI. 1827. № 7. С. 230–232.

Бычкова М. Е. Докончальная грамота великого князя Василия Васильевича с галицкими князьями // Археографический ежегодник за 1977 год. М., 1978. С. 353–356.

Васильев А. А., Зеленин Ю. А., Печатнова Ю. В. Преемственность и сохранение традиционных политических институтов народов тюрко-монгольского мира в современных условиях // Вестник Евразийского национального университета имени Л. Н. Гумилева. Серия: Исторические науки. Философия. Религиоведение. 2021. № 3 (136). С. 25–39.

Вельяминов-Зернов В. В. Источники для изучения тарханства, жалованного башкирам русскими государями (Приложение к IV-му тому Записок Импера-

торской Академии наук. № 6). СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1864. 48 с.

Вельяминов-Зернов В. В. Исследование о касимовских царях и царевичах. Ч. I. СПб.: Типография Императорской академии наук, 1863. 558 с.

Вернадский Г. В. История России: Монголы и Русь. Тверь: Леан; М.: Аграф, 2000. 480 с.

Вернадский Г. В. О составе Великой Ясы Чингисхана // Вернадский Г. В. История права. СПб.: Лань, 1999. С. 112–148.

Верняев И. И. Очерки истории этноконфессиональной политики в России. СПб.: Дмитрий Буланин, 2017. 640 с.

Веселовский Н. И. Несколько пояснений касательно ярлыков, данных ханами Золотой Орды русскому духовенству // Записки российского географического общества. Т. XXXIV. Сб. в честь 70-летия Г. Н. Потанина. СПб., 1909. С. 525-536.

Веселовский Н. И. Труды по истории Золотой Орды / Ред. И. М. Миргалеев. Казань: ФЭН, 2010. 192 с.

Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. М.: Территория будущего, 2005. 800 с.

Войтович Л. Галицько-Волинські етюди. Біла Церква: Вид. Л. Пшонківський, 2011. 479 с.

Войтович Л. Галич у політочному житті Європи XI-XIV століть. Львів: Б.и., 2015. 478 с.

Войтович Л. Князь Лев Данилович. Львів: Б.и., 2012. 181 с.

Волков И. М. Законы вавилонского царя Хаммураби. М.: Скоропечатня А. А. Левенсона, 1914. 81 с.

Воробьева Н. В. «Царские ярлыки» московских митрополитов в полемическом дискурсе патриарха Никона // Вестник Киргизско-Российского Славянского университета. 2015. Т. 15. № 10. С. 24–26.

Воротынцев Л. В. Рязанский гамбит Бату: о новых трактовках сообщений «Повести о разорении Рязани Батыем» в современных исследованиях // Золотоордынское обозрение. Т. 10. 2022. № 2. С. 284–302.

Гайденко П. И. Насилие татар над митрополитом Максимом и разграбление Киева в 1299 г.: причины, обстоятельства и последствия событий, которых «не было» // Золотоордынское обозрение. Т. 9. 2021. № 1. С. 76–89.

Гайденко П. И. Священная иерархия Древней Руси (XI–XIII вв.): зарисовки власти и повседневности. М.: Университетская книга, 2014. С. 212 с.

Гайденко П. И. Церковные суды и судопроизводство в домонгольской Руси (особенности организации и функционирования) // Исследования по истории Восточной Европы. Вып. 10. 2017. С. 29–33.

Галиахметова Г. Г. Ислам в Золотой Орде: традиции религиозного опыта. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2007. 132 с.

Галимов Т. Р. Киевские митрополиты между Русью и Ордой (вторая половина XIII в.). Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2019. 256 с.

Георгиевский Э. В. Общая уголовно-правовая характеристика ярлыков татарских ханов русским митрополитам // Право и политика. 2017. № 2. С. 67–77.

Голубинский Е. Е. История русской церкви. Период второй, Московский. Том 2. От нашествия Монголов до митрополита Макария включительно. Первая половина тома. М.: Университетская типография, 1900. 919 с.

Горский А. А. Гибель Михаила Черниговского в контексте первых контактов русских князей с Ордой // Средневековая Русь. Вып. 6. 2006. С. 138–154.

Горский А. А. Москва и Орда. М.: Наука, 2000. 214 с.

Горский А. А. Московские «примыслы» XIII–XV вв. // Средневековая Русь. Вып. 5. М., 2004. С. 114–190.

Горский А. А. Наследование великого княжения в середине XIII в., Батый и мачеха Александра Невского // Российская история. 2020. № 4. С. 31–37.

Горский А. А. Ногай и Русь // Тюркологический сборник / 2001: Золотая Орда и ее наследие. М.: Восточная литература, 2002. С. 130–155.

Горский А. А. Первые вызовы русских князей к монгольским правителям: 1242–1243 годы // Золотоордынское обозрение. Т. 10. 2022. № 2. С. 303–313.

Горский А. А. Полтина с деревни и с двух сох рубль: к вопросу о размере дани в Орду // История народов России в исследованиях и документах. Вып. 9. К юбилею В. В. Трепавлова. Отв. ред. Дж. Я. Рахаев. М., 2022. С. 168–174.

Горский А. А. Установление взаимоотношений Монгольской империи и Руси: казус Ярослава Всеволодовича // Исторический вестник. Т. 25. 2018. С. 30–39.

Горский А. А. Утверждение власти Монгольской империи над Русью: региональные особенности // Исторический вестник. Т. 10 (157). 2014. С. 58–79.

Горский А. А. Ярлык Ахмата Ивану III // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2012. № 2 (48). С. 104–113.

Горский А. Д. Отражение русско-ордынских отношений в духовных и договорных грамотах великих и удельных князей XIV – начала XVI века // Горский А. А. Москва и Орда. М., 2000. С. 190–195.

Грамоты Великого Новгорода и Пскова / Под ред. С. Н. Валка. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. 408 с.

Григорьев А. П. Время написания «ярлыка» Ахмата // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. Вып. 10. 1987. С. 28–89.

Григорьев А. П. Время составления краткой коллекции ханских ярлыков русским митрополитам // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. Вып. 8. 1985. С. 93–134.

Григорьев А. П. «Вышняя троица» в ярлыке золотоордынского хана Монгке-Темюра // Востоковедение. Вып. 1. 1974. С. 188–200.

Григорьев А. П. Дополнение к «Монгольской дипломатике XIII–XV вв.» // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. Вып. 6. 1980. С. 28–52.

Григорьев А. П. Монгольская дипломатика XIII–XV вв. (Чингизидские жалованные грамоты). Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1978. 136 с.

Григорьев А. П. Сборник ханских ярлыков русским митрополитам: Источниковедческий анализ золотоордынских документов. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2004. 276 с.

Григорьев А. П., Григорьев В. П. Коллекция золотоордынских документов XIV века из Венеции: Источниковедческое исследование. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2002. 276 с.

Григорьев В. О достоверности ярлыков, данных ханами Золотой Орды русскому духовенству. М.: Университетская типография, 1842. 132 с.

Гумилев Л. Н. Древняя Русь и Великая Степь. М.: Клышников, Комаров и Ко, 1992. 512 с.

Гумилев Л. Н. От Руси до России. М.: Танаис; ДИ-ДИК, 1994. 554 с.

Гурлянд И. Я. Ямская гоньба в Московском государстве до конца XVII века. Ярославль: Типография губернского правления, 1900. 339 с.

Дамешек Л. М., Дамешек И. Л. Ясак в Сибири в XVIII – начале XX века. Иркутск: Изд-во Иркутского государственного ун-та, 2014. 303 с.

Данилевский И. Н. Русские земли глазами современников и потомков (XII–XIV вв.). М.: Аспект Пресс, 2000. 389 с.

Дело Т. Анкудинова. Европейский авантюрист из Московии / Сост. Д. В. Лисейцев; под ред. Д. Свака. Budapest: Russica Pannociana, 2011. 314 с.

Домбровски Д. Экономические возможности русского правителя XIII в. в свете его придворной летописи (владими́ро-во́лынский князь Владимир Василькович) // Восточная Европа в древности и средневековье. Экономические основы формирования государства в древности и средневековье: XXV Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР В.Т. Пашуто и члена-корреспондента АН СССР А.П. Новосельцева, Москва, 17–19 апреля 2013 г.: Материалы конференции. М.: ИВИ РАН, 2013. С. 88–94.

Домбровский Д. Родство и власть. Внутрисемейные разделы княжества Романовичей в 1217–1270 гг. // Восточная Европа в древности и средневековье. Миграции, расселение, война как факторы политогенеза: XXIV Чтения памяти

члена-корреспондента АН СССР Владимира Терентьевича Пашуто, Москва, 18–20 апреля 2012 г.: Материалы конференции. М.: ИВИ РАН, 2012. С. 92–97.

Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. II. СПб.: Типография Э. Праца, 1846. 279 с.

Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. / Подг. изд. Я. Н. Щапова. М.: Наука, 1976. 240 с.

Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. М.: Наука, 1977. 488 с.

Дубовик В. В. Из истории виршевой поэзии: «Декларация московскому посольству» Тимофея Акиндинова // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2009. № 3 (37). С. 34–35.

Дубовик В. В. Об особенностях цитации в текстах Тимофея Акиндинова // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2003. № 2 (12). С. 83–98.

Дубовик В. В. Самозванец Тимофей Акиндинов и его рукописное наследие: Язык и риторическая структура. Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2000. 388 с.

Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. / Подг. к печати Л. В. Черепнина. М.; Л., 1950. 587 с.

Дягилев А. С. Уникальное сообщение Вологодско-Пермской летописи об окончании платежа дани в Большую Орду и его значение для отечественной историографии // Наука и образование: Материалы Всероссийской научной конференции. Ч. 2. Белово: Беловский ин-т (ф-л) Кемеровского государственного ун-та, 2003. С. 116–121.

Еремян В. В. Ордынская Русь (от общины-государства к уделу-вотчине): очерки муниципальной историографии. Т. 1. М.: РУДН, 2015. 432 с.

Еремян В. В. Ордынская Русь (от общины-государства к уделу-вотчине). Т. 2. М.: РУДН, 2015. 408 с.

Еремян В. В. Ордынская Русь (от общины-государства к уделу-вотчине): очерки муниципальной историографии. Т. 3. М.: РУДН, 2015. 396 с.

Еремян В. В. «... Почаша просить десятины и тамгы, и не яшася новгородци...»: к вопросу даннических отношений между северо-западом Русской зем-

ли и Золотой Ордой (привнесенные податно-фискальные элементы) // История государства и права. 2009. № 10. С. 20–24; № 11. С. 19–23; № 12. С. 15–19; № 13. С. 21–23; № 14. С. 24–26; № 15. С. 29–33.

Ерусалимский К. Ю. Андрей Курбский – идеолог княжеской власти: опыт реинтерпретации // Древнейшие государства Восточной Европы. 2005 год. Рюриковичи и Российская государственность. М.: Индрик, 2008. С. 371–406.

Жаров С. Н. Русское и монгольское законодательство: проблемы двоезакония на Руси // Россия и Восток: проблемы взаимодействия. Тезисы докладов. Ч. 1. Челябинск: Челябинский государственный ун-т, 1995. С. 42–44.

Жумаганбетов Т. С. Улус Джучи. Государственная организация и правовые отношения в XIII–XV вв. (Тюрко-кыпчакские политические и правовые традиции в средневековой монгольской государственности). Алматы: Жеті Жарғы, 2020. 367 с.

Зайцев И. В. О правах христиан в Крымском ханстве. Ярлык хана Сахиб-Гирея крымским христианам (1772 г.) // Крым: проблемы истории. М.: Индрик, 2016. С. 63–82.

Зимин А. А. Витязь на распутье: Феодальная война в России XV в. М.: Мысль, 1991. 286 с.

Зимин А. А. И. С. Пересветов и его современники. Очерки по истории русской общественно-политической мысли середины XVI века. М.: Изд-во АН СССР, 1958. 499 с.

Зимин А. А. Краткое и пространное собрания ханских ярлыков, выданных русским митрополитам // Археографический ежегодник за 1961 г. М.: Изд-во АН СССР, 1962. С. 28–40.

Зимин А. А. Россия на рубеже XV–XVI столетий (Очерки социально-политической истории). М.: Мысль, 1982. 333 с.

Зограф И. Т. Монгольско-китайская интерференция: Язык монгольской канцелярии в Китае. М.: Наука, 1984. 147 с.

Золотая Орда в источниках. Т. III: Китайские и монгольские источники / Пер. с кит., сост., ввод ст., коммент. Р. П. Храпачевского. М.: Б. и., 2009. 336 с.

Иаков Ворагинский. Золотая легенда / Пер. И. И. Аникьева и И. В. Кувшинской. Т. II. М.: Изд-во Францисканцев, 2018. 680 с.

Идегей: Татарский народный эпос / Пер. С. Липкина. Казань: Татарское книжное изд-во, 1990. 256 с.

Измайлов И. Л. Ислам и язычество в Улусе Джучи: проблемы и дискуссии // Культурные традиции Евразии. Казань: ФЭН, 2004. С. 99–107.

Игнатьев А. Мещерские князья // Сайт «Старый посад»: <http://www.starposad.ru/istoriya/13-mescherskie-knyazy.html>.

Иловайский Д. И. История Рязанского княжества. М.: Университетская типография, 1884. VI + 329 с.

Илюшин Б. А. Мухаммед-Эмин – «царь» казанский: биографический очерк. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2019. 168 с.

Ислам и власть в Золотой Орде. Сборник статей / Под ред. И. М. Миргалеева, Э. Г. Сайфетдиновой. Казань: Ин-т истории АН РТ, 2012. 332 с.

История татар с древнейших времен. В 7 тт.: Т. III. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV в. Казань: Ин-т истории АН РТ, 2009. 1056 с.

Казахско-русские отношения в XVI–XVIII веках (сборник документов и материалов). Алма-Ата: Изд-во АН Казахской ССР, 1961. 741 с.

Казин В. Н. Взаимоотношения Золотой Орды с Китаем и Монголией (стенограмма доклада, 1940 г.) // Архив востоковедов ИВР РАН. Ф. 133. Оп. 1. Ед. хр. 3. 21 л.

Камалов И. Х. Золотая Орда и русский улус (татарское влияние на Россию) / Пер. с тур. И. М. Миргалеева. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2016. 304 с.

Каравашкин А. В. Русская средневековая публицистика: Иван Пересветов, Иван Грозный, Андрей Курбский. М.: Прометей, 2000. 418 с.

Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. IV. М.: Наука. 1992. 480 с.

Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. V. М.: Наука, 1993. 560 с.

Каргалов В. В. Баскаки // Вопросы истории. 1972. № 5. С. 212–216.

Каурцев А. А. К вопросу о политических контактах Москвы и Мамая на рубеже 1350–1360-х гг. // Молодежь третьего тысячелетия: XXXII региональная научно-практическая студенческая конференция: Тезисы докладов. Омск: Изд-во ОмГУ, 2008. С. 115–118.

Кельзен Г. Чистое учение о праве / Пер. М. В. Антонова, С. В. Лёзова; 2-е изд. СПб.: Алеф-Пресс, 2015. 542 с.

Киракос Гандзакечи. История Армении / Пер. с древнеарм., предисл. и коммент. Л. А. Ханларян. М.: Наука, 1976. 358 с.

Кистерев С. Н. Абдыл-Летиф и Мухаммед-Эмин на Руси рубежа XV-XVI столетий // Звенигород за шесть столетий. М.: URSS, 1998. С. 66–88.

Кистерев С. Н. Таможенные правила на Белоозере в конце XV – середине XVI в. // Вестник Нижневартовского государственного гуманитарного университета. 2009. № 2. С. 48–53.

Клосс Б. М. Избранные труды. Т. II. Очерки по истории русской агиографии XIV-XVI вв. М.: ЯСК, 2001. 490 с.

Клюг Э. Княжество Тверское (1247-1485 гг.) / Пер. с нем. А. В. Чернышева. Тверь: Б. и., 1994. 432 с.

Книга Марко Поло / Пер. с фр. И. П. Минаева // Путешествия в восточные страны / Вступ. ст., коммент М. Б. Горнунга. М.: Мысль, 1997. С. 190–380.

Ковалев-Случевский К. Юрий Звенигородский. Великий князь Московский. М.: Молодая гвардия, 2008. 485 с.

Корчмина Е. С. «В честь взяток не давать»: «почесть» и «взятка» в послепетровской России // Российская история. 2015. № 2. С. 3–13.

Костюков В. П. Буддизм в культуре Золотой Орды // Тюркологический сборник 2007–2008. История и культура тюркских народов России и сопредельных стран. М.: Восточная литература, 2009. С. 189–236.

Костюков В. П. Улус Джучи и синдром федерализма // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. 2007. № 1. С. 169–207.

Котляр М. Ф. Галицко-Волинська Русь. Київ: Альтернативи, 1998. 336 с.

Котошихин Г. К. О России в царствование Алексея Михайловича / Подгот. к публ., введ. ст., коммент. и словник Г.А. Леонтьевой. М.: РОССПЭН, 2000. 272 с.

Кривошеев Ю. В. Русь и монголы: исследование по истории Северо-Восточной Руси XII–XIV вв. / 3-е изд., испр. и доп. СПб.: Академия исследования культуры, 2015. 452 с.

Кричевский Б. Митрополичья власть в средневековой Руси (XIV век). СПб.: Искусство – СПб, 2003. 264 с.

Кучкин В. А. Внутриполитические договоры московских князей XIV в. // Вестник РГНФ. № 1. 2008. С. 34–43.

Кучкин В. А. Договорные грамоты московских князей XIV века: внешнеполитические договоры. М.: Древлехранилище, 2003. 368 с.

Кучкин В. А. Духовные грамоты московского великого князя Ивана Ивановича Красного // Средневековая Русь. Вып. 5. М., 2004. С. 191–280.

Кучкин В. А. Завоевание Руси Батыем и ордынский «выход» // Русь в XIII–XV веках. Новые открытия в области археологии и истории / Отв. ред. Л. А. Беляев, Е. Л. Конявская. М.: Индрик, 2021. С. 22–35.

Кучкин В. А. Из истории генеалогических и политических связей Московского княжеского дома в XIV в. // Исторические записки. Т. 94. 1974. С. 365–384.

Кучкин В. А. Издание завещаний московских князей XIV в. [1339 г.] Вторая душевная грамота великого князя Ивана Даниловича Калиты // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2008. № 2. С. 129–132.

Кучкин В. А. Издание завещаний московских князей XIV в. [1353 г., апреля 24–25] Душевная грамота великого князя Семена Ивановича // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2008. № 3. С. 123–125.

Кучкин В. А. Издание завещаний московских князей XIV в. [1359 г.] – вторая душевная грамота великого князя Ивана Ивановича // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2009. № 1 (35). С. 93–100.

Кучкин В. А. Издание завещаний московских князей XIV в. [1359 г.] – первая душевная грамота великого князя Ивана Ивановича // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2008. № 4. С. 97–101.

Кучкин В. А. Издание завещаний московских князей XIV в. – Вторая душевная грамота великого князя Дмитрия Ивановича // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2009. № 3 (37). С. 132–136.

Кучкин В. А. Издание завещаний московских князей XIV в. Январь 1372 г. – первая душевная грамота великого князя Дмитрия Ивановича // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2009. № 2. С. 110–113.

Кучкин В. А. К характеристике торговли в Москве в XIV – начале XVI в. // Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.). К 80-летию члена-корреспондента РАН В. И. Буганова: сборник статей / Отв. ред. Н. М. Рогожин. М.: ИРИ РАН, 2012. С. 124–140.

Кучкин В. А. Летописные рассказы о слободах баскака Ахмата // Средневековая Русь. Вып. 1. 1996. С. 5–57.

Кучкин В. А. Московско-литовское соглашение о перемирии 1372 г. // Древняя Русь. 2000. № 2 (2). С. 2–15.

Кучкин В. А. Ордынский «выход» по материалам душевных и договорных грамот русских князей XIV–XVI в.) // Комплексный подход в изучении Древней Руси: Материалы X Международной научной конференции. Москва, 9–13 сентября 2019 года. М., 2019. С. 110–111.

Кучкин В. А. Повести о Михаиле Тверском. Историко-текстологическое исследование. М.: Наука, 1974. 290 с.

Кучкин В. А. Последнее завещание Дмитрия Донского // Средневековая Русь. Ч. 3. 2001. С. 106–183.

Кучкин В. А. Последний договор Дмитрия Донского // Средневековая Русь. Вып. 7. 2007. С. 275–316.

Кучкин В. А. Пространная редакция Повести о Михаиле Тверском // Средневековая Русь. Вып. 2. 1999. С. 116–163.

Кучкин В. А. Русские княжества и земли перед Куликовской битвой // Куликовская битва: Сб. статей. М.: Наука, 1980. С. 26–112.

Кучкин В. А. Три завещания Василия I // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2016. № 2. С. 33–54.

Кучкин В. А. Формирование государственной территории северо-восточной Руси в X–XIV вв. М.:, 1984. 350 с.

Лаушкин А. В. К вопросу об изображении авторами Галицко-Волынской летописи русско-монгольских отношений в период после Батыева нашествия // Восточная Европа в древности и средневековье. XXX Юбилейные чтения памяти члена-корреспондента АН СССР Владимира Терентьевича Пашуто: Материалы конференции, Москва 17–20 апреля 2018 г. М.: ИВИ РАН, 2018. С. 181–183.

Леонтович Ф. И. К истории права русских инородцев: Древний монголо-калмыцкий или ойратский устав взысканий (Цааджин-Бичик) // Записки Императорского Новороссийского университета. Т. XXVIII. 1879. Приложение. 282 + VI с.

Лихачев Д. С. Стиль произведений Грозного и стиль произведений Курбского // Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским / Подгот. текста Я. С. Лурье и Ю. Д. Рыкова. Л.: Наука, 1979. С. 183–213.

Лосева О. В. Жития русских святых в составе древнерусских прологов XII – первой трети XV веков. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009. 472 с.

Лурье Я. С. Рассказ о боярине И. Д. Всеволожском в Медоварцевском летописце // Памятники культуры: новые открытия. Письменность, искусство, археология. Ежегодник, 1977. Л.: Наука, 1977. С. 7–11.

Лялин В. М. А.М. Курбский о форме правления (XVI в.) // Актуальные проблемы российского права. 2008. № 3 (8). С. 24–30.

Мазуров А. Б. Утверждались ли духовные грамоты Ивана Калиты в Орде? // Вопросы истории. 1995. № 9. С. 143–153.

Майоров А. А. Влияние ордынского статуса князя Федора Ростиславовича на переход брянского стола к смоленским Рюриковичам // *Studia Internationalia: Материалы IX международной конференции «Западный регион России в международных отношениях X–XX вв.»* (1–2 июля 2021 г.). Брянск: Брянский государственный ун-т им. академика И. Г. Петровского, 2021. С. 22–29.

Майоров А. А. Ордынский статус как значимый фактор политической конкуренции между русскими князьями // *Вестник Брянского государственного университета*. 2021. № 4. С. 73–79.

Майоров А. В. Женщина, дипломатия и война: русские князья на переговорах с Бату накануне монгольского нашествия // *Шаги*. Т. 7. 2021. № 3. С. 124–199.

Майоров А. В. Письмо римского папы Иннокентия IV золотоордынскому удельному хану Сартаку (текст, перевод, комментарий) // *Mongolica X*. С. 74–82.

Майоров А. В. Тайна гибели Михаила Черниговского // *Вопросы истории*. 2015. № 9. С. 95–118.

Майоров А. В. [Рец. на:] Толочко А. П. «История Российская» Василия Татищева: Источники и известия. М.; Киев, 2005 // *Rossica Antiqua: Исследования и материалы*. 2006 / Отв. ред. А. Ю. Дворниченко, А. В. Майоров. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2006. С. 387–391.

Мальшев А. Б. Деятельность католиков на Волжском пути в золотоордынский период // *Великий Волжский Путь: Развитие культурных и этноконфессиональных контактов. Материалы Международной научно-практической конференции «Великий Волжский путь»*. Казань – Астрахань – Казань, 6–16 августа 2001 г. Ч. III. Казань: Ин-т истории АН РТ, 2002. С. 72–84.

Мальшев А. Б. Начало католического миссионерства в Золотой Орде // *Восток – Запад: проблемы взаимодействия и трансляции культур*. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2001. С. 140–145.

Мальшев А. Б. Православие в этноконфессиональных отношениях Золотой Орды, Византии и государств Северного Причерноморья // *Русская православ-*

ная церковь и межконфессиональные отношения в Нижнем Поволжье: Сб. статей. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2003. С. 5–29.

Мальшиев А. Б. Сообщение анонимного минорита о миссионерских пунктах францисканцев в Золотой Орде в XIV в. // Археология восточно-европейской степи: межвузовский сборник научных трудов. Вып. 4. Саратов: Научная книга, 2006. С. 183–189.

Маркевич А. И. Григорий Карпович Котошихин и его сочинение о Московском государстве в половине XVII века. Одесса: Типография Штаба округа, 1895. 181 с.

Мартынюк А. В. «Неявленные мученики»: к пониманию образа святого Михаила Всеволодовича, князя черниговского // *Colloquia Russica. Ser. I. Vol. 8.* Kraków, 2018. S. 273–279.

Маслова С. А. Институты ордынской власти над Русью (баскаки, даруги, послы). Дисс. ... канд. ист. наук. М.: Б. и., 2015. 154 с.

Материалы круглого стола «Московское государство и постзолотоордынские тюрко-татарские государства: история взаимоотношений» (16 марта 2012 г., г. Казань). Стенограмма дискуссии // Средневековые тюрко-татарские государства. № 4. 2012. С. 186–197.

Моисеев М. В. Посольские дары-«поминки» в контексте взаимоотношений России с постордынскими государствами: проблемы изучения // От Смуты к Империи. Новые открытия в области археологии и истории России XVI–XVIII вв.: Материалы научной конференции (Москва, 20–22 ноября 2013 г.) / Отв. ред, А. В. Юрасов. М.; Вологда: Древности Севера, 2016. С. 163–171.

Монин М. А. Планета Тверь. Культура Тверского княжества периода независимости (1247–1485 гг.). М.: Спутник, 2016. 333 с.

Набиев Р. Ф. О размерах выплат Великим княжеством московским прямого государственного налога («ордынский выход» XIV в.) // Общество и право. 2012. № 3 (40). С. 65–72.

Назаров В. Д. Династическая война московских Рюриковичей. Прелюдия 1432 г. // Комплексный подход в изучении Древней Руси: Материалы X Меж-

дународной научной конференции. 9–13 сентября 2019 года, Москва. М.: ИРИ РАН, 2019. С. 139–140.

Назипов И. И. Верховенство права Орды в русских землях как признак государственного ордынско-русского единства // Вестник Челябинского государственного университета. 2015. № 23 (378). Право. Вып. 44. С. 13–17.

Назипов И. И. Внешний суверенитет над землями Северо-Восточной Руси XIII–XV вв. как признак ордынско-русского государственного единства / Перспективы науки. 2015. № 2 (65). С. 65–69.

Назипов И. И. Внутренний суверенитет над землями Северо-Восточной Руси XIII–XV вв. как признак ордынско-русского государственного единства // Глобальный научный потенциал. 2015. № 2 (47). С. 25–28.

Назипов И. И. Возможность характеристики ханских ярлыков как нормативных правовых актов для русских земель XIII–XV веков, – т.е. как признака государственного единства Орды и русских земель в названный период // Сборник статей Четвертой ежегодной всероссийской научно практической конференции «Актуальные проблемы экономики и управления в современном обществе». Пермь: Пермский ин-т экономики и финансов, 2010. С. 430–433.

Назипов И. И. Русские земли по отношению к Улусу Джучи (Орде): это государство-вассал или часть Ордынского государства // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2012. № 2 (16). С. 41–51.

Назипов И. И. Формальный суверенитет Орды над землями Северо-Восточной Руси XIII–XV вв. как признак ордынско-русского государственного единства // Глобальный научный потенциал. 2012. № 8 (17). С. 38–40.

Насонов А. Н. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. Монголы и Русь. СПб.: Наука, 2002. С. 5–211.

Никольский Н. М. История русской церкви. М.: АСТ, 2004. 604 с.

Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 568 с.

Новгородская судная грамота // Российское законодательство X–XX вв. Т. 1. Законодательство Древней Руси / Отв. ред. В. Л. Янин. М.: Юридическая литература, 1984. С. 300–320.

Новиков Н. Древняя Российская вивлиофика, содержащая в себе собрание древностей российских, до истории, географии и генеалогии российской касающихся. Ч. I. М.: Типография компании типографической, 1773. 446 с.

Новиков Н. Древняя Российская вивлиофика, содержащая в себе собрание древностей российских, до истории, географии и генеалогии российской касающихся / 2-е изд. Ч. VI. М.: Типография компании типографической, 1788. 506 с.

Носов Д. А. Рукопись монгольской сказки «О старике Боронтае» из собрания ИВР РАН / Пред., транскр., пер. с монг., прим. // Письменные памятники Востока. 2015. № 1 (22). С. 5–11.

Описи царского архива XVI века и архива Посольского приказа 1614 года / Под ред. С. О. Шмидта. М.: Изд-во восточной литературы, 1960. 196 с.

Оспенников Ю. В. К вопросу о трактовке жалованных грамот // Право и государство: теория и практика. 2015. № 1 (121). С. 6–14.

Оспенников Ю. В. Проблемы ответственности в жалованных грамотах // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2014. № 4 (19). С. 76–78.

Оспенников Ю. В., Гайденок П. И. Церковный суд на Руси XI–XIV веков. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургской духовной академии, 2020. 260 с.

Островски Д. Монгольские корни русских государственных учреждений // Американская русистика. Самара: Самарский ун-т, 2001. С. 143–171.

Павлов П. Н. К вопросу о русской дани в Золотую Орду // Ученые записки Красноярского государственного педагогического института. Т. 13. Серия историко-филологическая. 1958. С. 74–112.

Павлов-Сильванский Н. П. Имунитеты в удельной Руси // Журнал Министерства народного просвещения. Ч. СССXXXII. 1900. Отд. наук. С. 318–365.

Палладий. Си ю цзи или описание путешествия на Запад // Труды членов российской духовной миссии в Пекине. Т. IV. СПб.: Типография Главного штаба по военно-учебным заведениям, 1866. С. 261–436.

Памятники Куликовского цикла. СПб. 1998.

Памятники русского права. Вып. 3. Памятники права периода образования Русского централизованного государства. XIV-XV вв. / Под ред. Л. В. Черепнина. М., 1955. 528 с.

Пашуто В. Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М.: Изд-во АН СССР, 1950. 330 с.

Петрушко В. И. История Русской Церкви с древнейших времен до установления патриаршества: учеб. пособие / 2-е изд. М.: Изд-во ПСТГУ, 2007. 353 с.

Плано Карпини И. де. История монгалов / Пер. А. И. Малеина // Путешествия в восточные страны / Вступ. ст., коммент М. Б. Горнунга. М.: Мысль, 1997. С. 28–85.

Плигузов А. И., Хорошкевич А. Л. Русская церковь и антиордынская борьба в XIII–XV вв. (по материалам краткого собрания ханских ярлыков русским митрополитам) // Церковь, общество и государство в феодальной России. М.: Наука, 1990. С. 84–102.

Полное собрание законов Российской империи. Т. II. СПб.: Типография II отделения Собственной его императорского величества канцелярии, 1830. 974 с.

Полное собрание русских летописей. Т. II. Ипатьевская летопись. СПб.: Типография Э. Праца, 1843. IX + 381 с.

Полное собрание русских летописей Т. IV. Ч. 1. Новгородская четвертая летопись. Вып. 1. Пг.: Я. Башмаков и Ко., 1915. С. 1–320.

Полное собрание русских летописей. Т. VII. Воскресенская летопись. М.: Языки русской культуры, 2001. 360 с.

Полное собрание русских летописей. Т. X. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. М.: Языки русской культуры, 2000. 244 с.

Полное собрание русских летописей. Т. XI. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. М.: Языки русской культуры, 2000. 256 с.

Полное собрание русских летописей. Т. XII. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. М.: Языки русской культуры, 2000. 266 с.

Полное собрание русских летописей. Т. XIII. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. М.: Языки русской культуры, 2000. 544 с.

Полное собрание русских летописей. Т. XV. Рогожский летописец. Тверской сборник. М.: Языки русской культуры, 2000. XVIII + 540 с.

Полное собрание русских летописей. Т. XX. Львовская летопись. Ч. 1. СПб.: Типография М. А. Александрова, 1910. 418 с.

Полное собрание русских летописей. Т. XXV. Московский летописный свод конца XV века. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. 464 с.

Полубояринова М. Д. Русские люди в Золотой Орде. М.: Наука, 1978. 134 с.

Пономарева И. Г. Кто управлял Московским великим княжеством в 1425–1432 гг.? // Средневековая Русь. Вып. 9. 2011. С. 167–196.

Порсин А. А. Ханские «завещания» как источник государственного права Золотой Орды // Публичное и частное право. Вып. IV (XXVIII). 2015. С. 44–52.

Посольская книга по связям России с Ногайской Ордой (1576 г.) / Подгот. к печ., введ. и коммент. В. В. Трепавлова. М.: Ин-т российской истории РАН, 2003. 93 с.

Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой. 1551–1561 гг. / Подгот. текста В. В. Трепавлова, Д. А. Мустафиной. Казань: Татарское книжное изд-во, 2006. 391 с.

Почекаев Р. Ю. Батый. Хан, который не был ханом / 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Евразия, 2018. 320 с.

Почекаев Р. Ю. Дары или дань? К вопросу о «золотоордынском наследии» в отношениях Московского государства с тюрко-татарскими ханствами // Средневековые тюрко-татарские государства. Вып. 4. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани, 2012. С. 200–203.

Почекаев Р. Ю. «Им покрыли головы и переломили спины»: историко-правовые аспекты прихода к власти золотоордынского хана Токты // Сарыарка и Алтын Орда: время и пространство: Материалы международной конференции, посвященной 750-летию основания Золотой Орды. Караганды, 23–25 октября 2019 года. Караганды: Б. и., 2019. С. 14–24.

Почекаев Р. Ю. Крымские торговцы против Венеции: историко-правовые и процессуальные аспекты тяжбы 1350-х гг. // Золотоордынское обозрение. Т. 8. 2020. № 1. С. 51–66.

Почекаев Р. Ю. Мамай. История «антигероя» в истории. СПб.: Евразия, 2010. 288 с.

Почекаев Р. Ю. Право Золотой Орды / Ред. И. М. Миргалеев. Казань: Фэн, 2009.

Почекаев Р. Ю. Правовая культура Золотой Орды (историко-правовые очерки). М.: Юрлитинформ, 2015. 312 с.

Почекаев Р. Ю. Суд и правосудие в Золотой Орде // Правоведение. 2004. № 2. С. 217-232.

Почекаев Р. Ю. Суд Идигу: эпическая традиция и историко-правовые реалии // Улус Джучи и Сарайшык – у истоков казахской государственности: Материалы Международной научно-практической конференции (Атырау, 9–10 октября 2019 г.). Атырау: Б. и., 2019. С. 224–229.

Почекаев Р. Ю. Цари ордынские. Биографии ханов и правителей Золотой Орды / 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Евразия, 2012. 464 с.

Почекаев Р. Ю. Чингизово право: правовое наследие Монгольской империи в тюрко-татарских ханствах и государствах Центральной Азии. Казань: Татарское книжное изд-во, 2016. 311 с.

Пресняков А. Е. Образование великорусского государства. Очерки по истории XIII-XIV столетий. Пг.: Я. Башмаков и Ко., 1918. 459 с.

Приселков М. Д. Троицкая летопись. СПб.: Наука, 2002. 515 с.

Приселков М. Д. Ханские ярлыки русским митрополитам. Пг.: Научное дело, 1916. 116 с.

Прохоров Г. М. Русь и Византия в эпоху Куликовской битвы. Статьи. СПб.: Алетейя, 2000. 287 с.

Радлов В. Ярлыки Тохтамыша и Темир-Кутлука // Записки Восточного отделения Императорского Русского археологического общества. Т. III. 1889. С. 1–40.

Разуваев Н. В. Традиционное государство: правовая природа, сущность и типология. СПб.: ИВЭСЭП; Знание, 2008. 312 с.

Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. I. Кн. 1 / Пер. с перс. Л. А. Хетагурова; ред. и примеч. А. А. Семенова. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. 221 с.

Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. I. Кн. 2 / Пер. с перс. О.И. Смирновой; примеч. Б.И. Панкратова и О.И. Смирновой; ред. А.А. Семенов. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952.

Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. II / Пер. с перс. Ю. П. Верховского, примеч. Ю. П. Верховского и Б. И. Панкратова, ред. И. П. Петрушевский. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. 253 с.

Рудаков В. Н. Монголо-татары глазами древнерусских книжников середины XIII–XV вв. М.: Квадрига, 2009. 248 с.

Русский феодальный архив XIV – первой трети XVI века / Подгот. текста А. И. Плигузова, Г. В. Семенченко, Л. Ф. Кузьминой; пред. А. И. Плигузова; под ред. В. И. Буганова. Т. I. М.: Ин-т истории СССР АН СССР, 1986. С. 1–220.

Русский феодальный архив XIV – первой трети XVI века / Подгот. текста А. И. Плигузова, Г. В. Семенченко, Л. Ф. Кузьминой; пред. А. И. Плигузова; под ред. В. И. Буганова. Т. II. М.: Ин-т истории СССР АН СССР, 1987. С. 251–458.

Русский феодальный архив XIV – первой трети XIV вв. / Подгот. текста А. И. Плигузова, Г. В. Семенченко, Л. Ф. Кузьминой; пред. А. И. Плигузова; под ред. В. И. Буганова. Т. III. М.: Ин-т истории СССР АН СССР, 1987. С. 459–696.

Рыкин П. О. Гибель князя Михаила Черниговского в свете традиционных монгольских верований // Россия и Восток: Традиционная культура, этнокультурные и этносоциальные процессы. Материалы IV международной научной конференции «Россия и Восток: проблемы взаимодействия». Омск: Омский ф-л Объединенного ин-та истории, филологии и философии, 1997. С. 85–89.

Рыкин П. О. Монгольский средневековый ритуал в летописном рассказе об убийстве князя Романа Рязанского (1270 г.): опыт интерпретации // *Nomadic Studies*. 2005. № 11. С. 62–73.

Рязановский В. А. К вопросу о влиянии монгольской культуры и монгольского права на русскую культуру и право / Ввод. ст. и подгот. текста Г. В. Мелихова // Вопросы истории. 1993. № 7. С. 152–163.

Рязанские достопамятности, собранные архимандритом Иеоронимом / Прим. И. Добролюбова. Рязань: Фото-типолитография Н. Д. Малашкина, 1889. 129 с.

Саблуков Г. Очерк внутреннего состояния Кипчакского царства / 2-е изд., испр. и доп. Казань: Типолитография Императорского ун-та, 1895. 60 с.

Савченко Д. А. Договорные отношения древнерусских князей: правовая природа и содержание // *Znanstvenf Misel*. 2020. № 51-1 (51). S. 32–34.

Сапронова Ю. В., Ярошенко У. А. Суд и правосудие в Золотой Орде // Академия педагогических идей. Новация. 2018. № 6. С. 698–706.

Селезнев Ю. В. «А переменить богъ Орду...» (русско-ордынские отношения в 1382–1434 гг.) / 2-е изд., испр. и доп. Воронеж: Научная книга, 2020. 333 с.

Селезнев Ю. В. Возникновение суверенитета монгольского кагана и ордынского хана на территории Руси // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2018. № 1. С. 18–24.

Селезнев Ю. В. Наказание за государственные и политические преступления в сакральном контексте: описание смертной казни русских князей в Золотой Орде // Очерки истории уголовно-исполнительной системы / Под ред. С. С. Выхоря, А. В. Сумина. Иваново: ПресСто, 2019. С. 51–88.

Селезнев Ю. В. Ордынский хан на территории Волынского и Галицкого княжеств: движение сюзерена через земли подданных // Stratum Plus. 2018. № 5. Когда века были средние: общество и власть. С. 207–216.

Селезнев Ю. В. Описание своего (русского) и чужого (ордынского) пространства в «Житие Михаила Тверского» // Вестник ВГУ. Сер.: «История. Политология. Социология». 2007. № 2. С. 112–114.

Селезнев Ю. В. Русские князья в составе правящей элиты Джучиева Улуса в XIII–XV веках. Воронеж: Центрально-Черноземное книжное изд-во, 2013. 472 с.

Селезнев Ю. В. Русские князья в политической системе Джучиева Улуса (Орды). Дисс. ... докт. ист. наук. Воронеж: Б. и., 2014. 595 с.

Селезнев Ю. Русские князья при дворе ханов Золотой Орды. М.: Ломоносовъ, 2017. 272 с.

Селезнев Ю. В. Элита Золотой Орды. Научно-справочное издание / Ред. И. М. Миргалеев. Казань: Фэн, 2009. 232 с.

Сергеевич В. И. Древности русского права. Т. III. Землевладение. Тягло. Порядок обложения. СПб.: Типография М. М. Стасюлевича, 1903. XII + 496 с.

Сказание о убиении в Орде князя Михаила Черниговского и его боярина Феодора / Подг. текста, пер. и коммент. Л. А. Дмитриева // Памятники литера-

туры Древней Руси. XIII век. М.: Художественная литература, 1981. С. 228–235.

Скальковский А. К истории Запорожья // Киевская старина. 1882. № 7. С. 178–180.

Скрынников Р. Г. Переписка Грозного и Курбского. Парадоксы Эдварда Кинана. Л.: Наука, 1973. 136 с.

Скрынников Р. Г. Святители и власти. Л.: Лениздат, 1990. 349 с.

Скрынникова Т. Д. Судопроизводство в Монгольской империи // *Altaica*. VII. 2002. С. 163–174.

Соколов П. П. Подложный ярлык хана Узбека митрополиту Петру // Российский исторический журнал. 1918. Кн. 5. С. 70–85.

Соколов П. П. Русский архиерей из Византии и право его назначения до начала XV в. Киев: Типография И. И. Чоколова, 1913. 577 с.

Соколов Р. А. Русская церковь во второй половине XIII – первой половине XIV в. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2010. 232 с.

Соловьев С. М. Взгляд на историю установления государственного порядка в России до Петра Великого // Соловьев С. М. Чтения и рассказы по истории России. М.: Правда, 1989. С. 159–203.

Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. II. Т. 3–4. М.: Мысль, 1988. 765 с.

Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. V. Т. 9–10. М.: Мысль, 1990. 718 с.

Сочнев Ю. В. Золотоордынский правовой прецедент в царской грамоте 1606 г. // Народ и власть: взаимодействие в истории и современности. Вып. 5. Нижний Новгород: НИУ ВШЭ – Нижний Новгород, 2018. С. 126–136.

Сочнев Ю. В. К вопросу об изменении правовых основ деятельности православной церкви в монгольский период // Актуальные вопросы истории. Материалы межвузовской научной конференции. 25 апреля 2012 года. Нижний Новгород: НКИ, 2012. С. 195–198.

Сочнев Ю. В. К изучению ярлыка Менгу-Тимура и оценке его влияния на русские великокняжеские акты // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2018. № 2. С. 65–73.

Сочнев Ю. В. К оценке достоверности сведений предисловия к ярлыку хана Узбека о конфессиональной политике ордынских властителей // Золотоордынская цивилизация. № 6. 2013. С. 49–60.

Сочнев Ю. В. Об адресате ярлыка Тайдулы русскому иерарху Иоану // Мининские чтения (Материалы научной конференции, посвященной 380-летию освобождения Москвы земским ополчением под руководством К. Минина и Дм. Пожарского). Нижний Новгород: Изд-во НГУ, 1992. С. 52–55.

Сочнев Ю. В. Очерки по истории Нижнего Новгорода и Нижегородского края средневекового периода. Нижний Новгород, 2012. 108 с.

Сочнев Ю. В. Политическая борьба нижегородских и московских князей и краткая коллекция ярлыков, выданных ордынскими ханами русским митрополитам // Вопросы архивоведения и источниковедения в высшей школе: Сб. материалов научно-практической конференции (7 декабря 2007 г.). Вып. IV. Арзамас: АГПИ, 2008. С. 51–60.

Сочнев Ю. В. Православие как фактор развития религиозной ситуации в Золотой Орде // Textum Historiae: Исследования по теоретическим и эмпирическим проблемам Всеобщей истории. Вып. 3. Нижний Новгород: НГПУ, 2008. С. 149–165.

Сочнев Ю. В. Православная церковь в системе взаимоотношений Руси и Золотой Орды // История в подробностях. 2013. № 8. С. 72–79.

Сочнев Ю. В. Православная церковь и духовенство в восточной политике русских князей XIII–XIV вв. // История в подробностях. 2015. № 9 (63). С. 16–25.

Сочнев Ю. В. Формирование и трансформация золотоордынской политики по отношению к русской православной церкви (XIII–XIV вв.) // Золотоордынское наследие. Материалы Международной научной конференции «Политиче-

ская и социально-экономическая история Золотой Орды (XIII–XV вв.)». 17 марта 2009 г. Сб. статей. Вып. 1. Казань: ФЭН, 2009. С. 137–150.

Сочнев Ю. В. Формирование конфессиональной политики золотоордынских ханов и датировка ярлыка Менгу-Темира // Российский исторический журнал. 2007. № 2. С. 11–18.

Срезневский И. И. Материалы для Словаря древнерусского языка. Т. III. М.: Знак, 2003. 1000 с.

Становление и расцвет Золотой Орды. Источники по истории Улуса Джучи (1266–1359) / Сост., вступ. ст., коммент, указ. М. С. Гатина, Л. Ф. Абзалова. Казань: Татарское книжное изд-во, 2011. 438 с.

Султанов Т. И. Чингиз-хан и Чингизиды. Судьба и власть. М.: АСТ, 2021. 448 с.

Татищев В. Н. Собрание сочинений. Т. V и VI. История российская. Ч. 3 и 4. М.: Ладомир, 1996. 784 с.

Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. II: Извлечения из персидских сочинений, собранные В. Г. Тизенгаузеном и обработанные А. А. Ромаскевичем и С. Л. Волиным. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. 286 с.

Трепавлов В. В. «Русский улус» Золотой Орды // Российская история. 2021. № 1. С. 3–15.

Трепавлов В. В. Сибирский юрт после Ермака: Кучум и Кучумовичи в борьбе за реванш. М.: Восточная литература, 2012. 231 с.

Трепавлов В. В. Царские ярлыки. Наследие монгольской государственности в Московской Руси // Вклад кочевников в развитие мировой цивилизации. Сборник материалов Международной научной конференции. Алматы, 21–23 ноября 2007 г. Алматы: Дайк-Пресс, 2008. С. 104–113.

Трепавлов В. В., Беляков А. В. Сибирские царевичи в истории России. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2018. 496 с.

Усманов М.А. Жалованные акты Джучиева улуса XIV–XVI вв. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1979. 318 с.

Фаизов С. Ф. Письма ханов Ислам-Гирея III и Мухаммед-Гирея IV к царю Алексею Михайловичу и королю Яну Казимиру. 1654–1658. М.: Гуманитарий, 2003. 169 с.

Фаизов С. Поминки – «тыш» в контексте взаимоотношений Руси-России с Золотой Ордой и Крымским юртом (К вопросу о типологии связей) // Отечественные архивы. 1994. № 3. С. 49–66.

Федоров-Давыдов Г. А. Общественный строй Золотой Орды. М.: Изд-во Московского ун-та, 1973. 180 с.

Филарет, архиеп. Черниговский. История русской церкви. Период второй, монгольский: от опустошения России монголами до разделения митрополии. 1237–1410. М.: Типография В. Готье, 1850. 176 с.

Филюшкин А. И. Андрей Курбский. М.: Молодая гвардия, 2008. 299 с.

Филюшкин А. И. Андрей Михайлович Курбский: просопографическое исследование и герменевтический комментарий к посланиям Андрея Курбского Ивану Грозному. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2007. 624 с.

Фиркович З. А. Сборник старинных грамот и узаконений Российской империи касательно прав и состояния русско-подданных караимов. СПб.: Лештуковская паровая скоропечатня П. О. Яблонского, 1890. XXXVI + 223 с.

Флоря Б. Н. Две грамоты хана Сахиб-Гирея // Славяне и их соседи. Славяне и кочевой мир. Вып. 10. 2001. С. 236–240.

Фомин В. В. Страсти по Татищеву // Исторический формат. 2016. № 1. С. 55–72.

Фомина Т. Ю. Епископская власть в домонгольской Руси: истоки, становление, развитие. М.: Университетская книга, 2014. 360 с.

Hammer-Purgstall J. von. Geschichte der goldenen Horde in Kiptschak, das ist: der Mongolen in Russland. Pesth: C.A.Hartleben's Verlag, 1840. 683 s.

Харт Г. Л. А. Понятие права / Пер.с англ. под ред. Е. В. Афонасина и С. В. Моисеева. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2007. 302 с.

Хаутала Р. В землях «Северной Тартарии»: Сведения латинских источников о Золотой Орде в правление хана Узбека (1313–1341). Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2019. 976 с.

Хафизова К. Ш. Взаимоотношения Цинской империи с казахскими ханствами во второй половине XVIII века. Автореф. ... канд. ист. наук. М.: Б. и., 1973. 21 с.

Хорошкевич А. Л. Русь и Крым после падения ордынского ига: динамика трибутарных отношений // Отечественная история. 1999. № 2. С. 71–78.

Худяков М. Г. Очерки по истории Казанского ханства // На стыке континентов и цивилизаций: Из опыта образования и распада империй X–XVI вв. М.: Инсан, 1996. С. 527–758.

Чебаненко С. В. Расправы монгольских завоевателей или обычаи восточных славян: находки пробитых гвоздями черепов // Исторический формат. 2017. № 1–2. С. 115–126.

Чельцов-Бебутов М. А. Курс уголовно-процессуального права. Очерки по истории суда и уголовного процесса в рабовладельческих, феодальных и буржуазных государствах. СПб.: Равенна; Альфа, 1995. 846 с.

Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы XIV–XV вв. Ч. 1. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948. 472 с.

Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы XIV–XV вв. Ч. 2. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951. 428 с.

Шапшал С. М. К вопросу о тарханных ярлыках // Академику В. А. Гордлевскому к его семидесятилетию: Сборник статей. М.: Изд-во АН СССР, 1953. С. 304–316.

Шараневич И. История Галицко-Володимирской Руси от наидавнейших времен до року 1453. Львов: Институт Ставропигійский, 1863. 462 с.

Шереметьев А. Г. Религиозный фактор в политической жизни Золотой Орды. Дисс. ... канд. ист. наук. Саратов: Б. и., 2014. 225 с.

Шпулер Б. Золотая Орда. Монголы в России. 1223–1502 / Пер. с нем., и коммент. М. С. Гатина. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2016. 500 с.

Штыков Н. В. К истории внутренних конфликтов в Тверской земле в середине XIV в. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2009. № 3 (37). С. 129–130.

Штыков Н. В. К истории отношений Твери и Кашина в XIII–XV вв. // Труды исторического факультета СПбГУ. Т. 1. Центр и регионы в истории России: Проблемы экономического, политического и социокультурного взаимодействия: Сб. Научных статей. СПб., 2010. С. 131–195.

Штыков Н. В. Политика Михаила Ярославича Тверского: новгородский аспект // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2013. № 3 (53). С. 159–160.

Шургучиев О. С. Источники о судопроизводстве в Золотой Орде // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. Т. 28. 2016. № 6. С. 128–134.

Шургучиев О. С., Лиджиева И. В. К проблеме судоустройства в Золотой Орде // Universum: Общественные науки: электронный научный журнал. 2017. № 4 (34). URL: <http://7universum.com/ru/social/archive/item/4700>.

Щапов Я. Н. Княжеские уставы и церковь в Древней Руси. XI–XIV вв. М.: Наука, 1972. 340 с.

Щербатов М. История российская от древнейших времен. Т. III. СПб.: Императорская академия наук, 1774. 338 с.

Экземплярский А. В. Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период с 1238 по 1505 г. Биографические очерки. Т. 2. Владетельные князья владимирских и московских уделов и великие и удельные владетельные князья суздальско-нижегородские, тверские и рязанские. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1891. X + 696 с.

Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. XXXIIIa. СПб.: Издательское дело, 1901. 960 с.

Эскин Ю. М. Очерки истории местничества в России XVI–XVII вв. М.: Квадрига, 2009. 512 с.

Юрченко А. Г. Золотая Орда: между Ясой и Кораном (начало конфликта). Книга-конспект. СПб.: Евразия, 2012. 368 с.

Юшков С. В. Устав кн. Всеволода // С.В. Юшков. М.: Юридическая литература, 1989. С. 345–269.

Якушева А. А., Калашникова Е. Б. Суд и правосудие в Золотой Орде // Наука, образование: общество: тенденции и перспективы развития. Сборник материалов VI Международной научно-практической конференции. Чебоксары, 18 июня 2017 г. Чебоксары, 2017. С. 57–61.

Dimnik M. The Dynasty of Chernigov, 1146–1246. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. XXXVIII + 437 p.

Halperin Ch. J. The Tatar Yoke: The Image of the Mongols in Medieval Russia. Bloomington: Indiana University Press, 2009.

Halperin Ch. J. Tsarev Ulus: Russia in the Golden Horde // Halperin Ch. J. Russia and the Mongols. Slavs and the Steppe in Medieval and Early Modern Russia. Bucuresti: Editura Academiei Romane, 2007. P. 77–83.

Hammer-Purgstall J. von. Geschichte der goldenen Horde in Kiptschak, das ist: der Mongolen in Russland. Pesth: C.A.Hartleben's Verlag, 1840. 683 s.

Juvaini Ata-Malik. The History of the World-Conqueror / Transl. from text of Mirza Muhammad Qazvini by J. A. Boyle, introduction and bibliography by D. O. Morgan. Manchester: Manchester University Press, 1997. LXVII + 763 p.

Keenan E. L. The yarlik of Ahmed-xan to Iban III: A new reading. A. Study in Leteral Diplomatica and Literary Turcica // International Journal of Slavic Linguistics and Poetics. Vol. XII. 1969. P. 33–47.

Phillips K. M. Before Orientalism: Asian Peoples and Cultures in European Travel Writing, 1245–1510. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2014. 314 p.

Научное издание

Почекаев Роман Юлианович

**ЗОЛОТАЯ ОРДА И РУССКИЕ ЗЕМЛИ:
ЮРИДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ОТНОШЕНИЙ
(ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ И АНТРОПОЛОГИИ ПРАВА)**

Издание опубликовано в авторской редакции

Дизайн обложки Ю.В. Луценко

ЛР 020261 от 14.01.1997.

Подписано в печать 12.08.2022. Формат 60x84 / 16.

Бумага офсетная. Усл.-печ. л. 16,97

Тираж 300 экз. Заказ № 393

Издательство Алтайского государственного университета

Типография Алтайского государственного университета:

656049 Барнаул, ул. Димитрова, 66